

Министерство образования и науки Российской Федерации
НОВОСИБИРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ТЕХНИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

Е.И. КРАСИЛЬНИКОВА

**ЖИЗНЬ
В ГОРОДЕ-АКСЕЛЕРАТЕ:
ОБЕСПЕЧЕНИЕ ПОТРЕБНОСТЕЙ НОВОСИБИРЦЕВ
В МЕЖВОЕННОЕ ВРЕМЯ
(конец 1919 – первая половина 1941 г.)**

НОВОСИБИРСК
2008

ББК 63.3(2Рос-4Нос)61-753.4+60.546.21(2Рос-4Нос)-6
К 781

Научный редактор
В.А. Зверев, д-р истор. наук, проф. НГПУ

Рецензенты:
Е.И. Соловьева, д-р истор. наук, проф. НГПУ;
В.И. Исаев, д-р истор. наук, проф.,
гл. науч. сотр. Ин-та истории СО РАН;
Е.Р. Немзоров, канд. истор. наук, доц. НГТУ

Красильникова, Е.И.

К 781 Жизнь в городе-акселерате : обеспечение потребностей новосибирцев в межвоенное время (конец 1919 – первая половина 1941 г.) : монография / Е.И. Красильникова. – Новосибирск : Изд-во НГТУ, 2008. – 256 с. (Серия «Монографии НГТУ»). ISBN 978-5-7782-0948-0

Монография посвящена характеристике развития городской среды и повседневности жителей Новосибирска в период между гражданской и Великой Отечественной войнами. Раскрыты вопросы питания новосибирцев, охарактеризованы их жилищные условия, возможности отдыхать, сохранять и поправлять здоровье, обеспечивать гигиенические и половые потребности, пользуясь ресурсами городской среды, развитие которой обусловлено политикой государства, региональными условиями существования города и личной инициативой горожан.

Книга адресована профессиональным историкам, этнологом, антропологам, аспирантам и студентам гуманитарных факультетов, а также широкому кругу читателей, интересующихся историей повседневности российской провинции.

ББК 63.3(2Рос-4Нос)61-753.4+60.546.21(2Рос-4Нос)-6

ISBN 978-5-7782-0948-0

© Красильникова Е.И., 2008
© Новосибирский государственный
технический университет, 2008

ПРЕДИСЛОВИЕ

Тема исследования, избранная нами, представляется значимой как с научной, так и с общественной позиции. Научная актуальность обусловлена очевидной тенденцией возрастания интереса к городу в современных общественных науках как в России, так и за рубежом. Под влиянием урбанизации города во всем мире продолжают расти, что сказывается на всех сферах жизни общества. В период исторического перехода социума меняется и тип города, который всегда связан с конкретно-историческим обществом. Многие современные ученые считают, что в настоящее время на Западе осуществляется переход от индустриальной к постиндустриальной стадии развития общества, реагируют на этот переход и страны Незапада¹. Обновляется в связи с этим и роль городов, что способствует усилению научного интереса к проблеме города. Россия в XX в. переживала быстрые темпы модернизации и урбанизации, которые можно рассматривать как часть процесса модернизации общества. Данное исследование позволяет представить Новосибирск – крупнейший мегаполис на востоке России, административный центр Сибирского федерального округа – в период перехода от доиндустриального к индустриальному городу, демонстрируя особенное в развитии городской повседневности Новосибирска между войнами. А это, в свою очередь, помогает понять и современные процессы, свойственные российским, и, в частности, сибирским городам.

Особую актуальность приобретает сегодня тема провинциального российского города, в том числе и сибирского. Об этом, в частности, свидетельствует появление множества диссертаций, посвященных различным проблемам социально-экономического, политико-администра-

¹ Город в процессах исторических переходов: теоретические аспекты и социокультурные характеристики. – М., 2001. – С. 7.

тивного и социокультурного развития провинциальных городов¹. Омские, барнаульские и томские историки всерьез взялись за изучение истории городов нашего региона, выходя на уровень обобщения накопившихся фактических сведений о сибирских городах. Однако, по нашему мнению, очевидна актуальность работы над созданием новых методологических моделей в рамках сибирской урбанистики. Хорошим примером имеющихся результатов работы сибиряков в этом направлении стало создание историком В.Г. Рыженко модели «Интеллигенция – культура – город»².

Тема данной монографии рассматривается нами в контексте истории повседневности, что, конечно же, не случайно. В последние десятилетия повседневность обрела статус культурно значимого феномена, достойного внимания ученых. В исторической науке сложился ряд школ, изучающих повседневную жизнь. Немало внимания уделяется городской повседневности и российскими учеными. Поэтому работа в данном направлении, на наш взгляд, актуальна и перспективна.

Необходимо сказать и о краеведческой актуальности нашего исследования. Важно, что многие эпизоды истории советского Новосибирска неоднократно привлекали внимание профессиональных исследователей и краеведов-любителей. Однако о повседневности новосибирцев пока написано немного. Между тем обывательский интерес к

¹ См., например: Беляева Е.Ю. Самарская бытокультура второй половины XIX – начала XX в.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Самара, 1996; Быкова А.Г. Проституция в истории больших городов Западной Сибири, 1880-е – 1914 гг. (по материалам Томска и Омска): автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Омск, 1999; Воробцова Л.Н. Частное предпринимательство в Новониколаевске (1893–1914 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Новосибирск, 2004; Ивонин А.Р. Западносибирские города последней четверти XVII – 60-х гг. XIX в. в системе региональных социально-экономических отношений: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. – Барнаул, 2000; Лямин С.К. Менталитет населения прединдустриального города 1860–1870-х гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Тамбов, 2003; Мельникова Е.В. Театр и город сибирской провинции (вторая половина XIX – начало XX в.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Омск, 2000; Меренкова Е.Ю. Организация, полномочия и деятельность городского самоуправления в Западной Сибири в конце XIX – начале XX в.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Омск, 2000 и др.

² Рыженко В.Г. Интеллигенция в культуре крупного сибирского города в 1920-е гг.: вопросы теории, истории, историографии, методов исследования. – Екатеринбург; Омск, 2003.

жизни в недавнем прошлом «простых», «маленьких», «похожих на меня», людей присущ состоянию исторической памяти наших современников, которые часто ностальгируют, фантазируют о прошлом, испытывают, говоря словами поэтессы Л. Рубальской, «тягу к старинным вещам». Своим исследованием мы вносим вклад в изучение истории родного города, а это всегда актуально с патриотической позиции. Философ С.А. Смирнов сказал так: «Моя биография – это моя траектория, путь по городу, его коммуникация»¹. Узнавая больше о времени наших предков, их повседневной жизни, создавая в процессе работы невидимое пространство общения с ними, мы становимся ближе к нашей малой Родине и отчасти приближаем «к истокам» своих читателей.

До недавнего времени авторы научных исторических трудов обычно не говорили со страниц своих книг о личной мотивации к исследованию избранной ими темы. Однако популярный тезис о том, что современные гуманитарные науки «обращаются лицом к человеку», касается не только тенденциозных изменений исследовательского интереса к определенным темам. Историк посредством своего творчества решает личностно обусловленные проблемы самопознания и самоидентификации. Искренний, устойчивый интерес к чему-либо возникает, как правило, из биографических обстоятельств, на почве обыденного общения и бытовых проблем. Все чаще читатели научных трудов историков становятся свидетелями того, как исследователь «снимает маску», появляясь лично в тексте своего произведения. В этой связи я считаю возможным говорить в данной небольшой части этой книги от первого лица в единственном числе.

Для меня эта книга является результатом проживания в столетнем пра-прадедовском доме, что само по себе не особенно характерно для молодого города Новосибирска, это результат существования в среде, которая в значительной степени состоит из элементов, анахроничных современности, однако функциональных и «живых», а не реликтовых. В моем детстве было сидение у затопленной печи, слушание тиканья ходиков времен режима Колчака, внимательное разглядывание фотографий из довоенного семейного альбома. Еще была лавина рассказов бабушки и дедушки о прошлом. Многие современные горожане, живущие в сходных условиях, не расценивают подобный антураж среды как «особенный», и уж тем более достойный вообще какого-то творче-

¹ Смирнов С.А. Философия города // Мастер-класс. – 1996. – № 1. – С. 18.

ского осмысления. И это – нормально. Однако в моем случае было по крайней мере две причины почти болезненно тянуться к довоенной рухляди: несвоевременная, с моей субъективной позиции, и почти одновременная смерть бабушки и дедушки, которые были организаторами этого относительно комфортного жизненного пространства, и попадание в совершенно иные, урбанизованные жизненные условия, которые контрастировали с прежними. Так возникли тоска по тому, что воспринималось как уже не существующее, желание вернуться туда хотя бы иллюзорно.

Появление данной монографии не является плодом лишь моего индивидуального труда. Поэтому далее, как и прежде, автор этого текста будет говорить от первого лица во множественном числе. Это «мы» включает круг людей, оказавших мне помощь, поддержку и проявлявших участие, за которое я сердечно благодарю каждого. Первая и важнейшая благодарность принадлежит моему учителю – профессору Владимиру Александровичу Звереву, который на протяжении многих лет помогает моему профессиональному становлению, является моим наставником и добрым советчиком. Я благодарю кафедру отечественной истории Новосибирского государственного педагогического университета, которая оказала мне поддержку при подготовке кандидатской диссертации, послужившей основой для этой монографии. Я выражаю признательность людям, чьи труды вдохновляли меня на исследование этой проблематики, чьи советы и важные рекомендации помогали расширению историографического кругозора и оформлению моих идей. Я имею в виду замечательных ученых: Валентину Георгиевну Рыженко, Дмитрия Андреевича Алисова и Виктора Ивановича Исаева. Контакты с историками из Европейского университета в Санкт-Петербурге помогли мне осмыслить и применить на практике антропологически ориентированные подходы, сформировавшиеся в лоне западной науки. Благодарю Екатерину Мельникову за помощь в освоении приемов работы с устными источниками и выражаю особенную благодарность Михаилу Марковичу Крому за обстоятельную критику, которая неизменно побуждает к дальнейшим размышлениям и творческому поиску.

ВВЕДЕНИЕ

Тема нашего исследования является практически неизученной: до сих пор не существует специализированных трудов, где поднимались бы проблемы, касающиеся повседневности новосибирцев. Однако современная историографическая ситуация представляет собой подготовленную почву для начального этапа исследования истории повседневности на материалах сибирского города. Историографию обозначенной проблемы целесообразно разделить на несколько групп по проблемному принципу. Систематизировать исследовательскую литературу, связанную с данной проблематикой, по хронологическому принципу сложно, поскольку вопросы истории повседневности стали изучаться отечественными историками лишь сравнительно недавно. Вплоть до 1990-х гг. трудно выделить какие-то цельные этапы в изучении данной проблематики.

Во-первых, мы выделяем группу исследовательской литературы, которая посвящена социокультурным аспектам истории российских городов, в частности, Новосибирска. Сегодня городоведческая проблематика в нашей стране популярна, открыта и дискуссионна. «Оповседневнивание» городоведческих исследований – одна из многочисленных исследовательских стратегий в науке различных регионов России последних лет. О распространении указанной тенденции свидетельствует появление сборников статей о повседневности российских городов и отдельных публикаций, посвященных этой проблематике¹.

¹ Города Сибири XVII – начала XX в.: история повседневности. – Барнаул, 2004; Кожевин В.Л. Омск весной 1917 г.: революционные события и повседневность // Омск, XX век: вехи истории. – Омск, 2001. – С. 41–60; Ногина Е.В. Повседневная жизнь горожан в 1920-е гг. на Ставрополье // Из истории народов Северного Кавказа. – Ставрополь, 2002. – С. 114–117; Повседневность российской провинции: история, язык и пространство. – Казань,

В советское время вопросы градостроительства, градоустройства, развития городской среды изучались преимущественно специалистами в области архитектуры¹. Поэтому в подобных исследованиях речь идет в основном о технических и эстетических достижениях отечественных инженеров и архитекторов. Но, как показано в работе В.Г. Рыженко, еще в первой трети XX в. петербуржцы Н.П. Анциферов, Л.А. Велихов, И.М. Гревс писали о городе как о «социальном организме, имеющем душу»². В 70-е гг. некоторые советские архитекторы, по большей части вслед за учеными Запада, заговорили о городе и городской среде как о своеобразном тексте. А с начала 1990-х гг. стали появляться междисциплинарные городоведческие модели, анализ и характеристика которых специально осуществлены А.Г. Гольцем и В.Г. Рыженко³. Такие модели основаны на синтезе гуманитарных, естественно-научных и технических знаний. К их числу можно отнести «культурологическое городоведение» (В.Л. Глазычев); концепт «культурно-символического пространства» (Т.П. Фокина), тесно связанный с семиотическими исследованиями других ученых (Д.С. Лихачева, М.С. Кагана); работы И.Г. Яковенко, который рассматривает город как «поле диалога», и др. Учет опыта и результатов обозначенных междисциплинарных исследований позволяет подойти к осмыслению проблем бытового и бытийного существования человека в условиях конкретного «Места», которое в значительной степени формирует мировоззрение и отражается на повседневной жизни людей.

Практика исторических исследований в области сибирской урбанистики имеет давнюю историю, которая восходит к трудам дореволюционных ученых Г.Ф. Миллера, И.Е. Фишера, Д.Г. Мессершмидта, впервые обобщивших знания о прошлом сибирских населенных мест и

2002; Рутц М.Г. Повседневные занятия населения городов Западной Сибири в первой половине XIX в. // Процессы урбанизации в центральной России и Сибири. – Барнаул, 2005. – С. 72–91; Тяжелникова В.С. Повседневная жизнь московских рабочих в начале 1920-х гг. // Россия в XX в.: люди, идеи, власть. – М., 2002. – С. 194–219; Уральский город XVII – начала XX в.: история повседневности. – Екатеринбург, 2002; и др.

¹ Бунин А.В. История градостроительного искусства. – М., 1953. – Т. 1; Груза И. Теория города. – М., 1972; и др.

² Рыженко В.Г. Указ. соч. – С. 110–111, 135–142.

³ Гольц Г.А. Культура и экономика России за три века, XVIII–XX. – Новосибирск, 2002. – Т. 1. – С. 320–322; Рыженко В.Г. Указ. соч. – С. 114–123.

заложивших основу сибирского городоведения¹. Опыт изучения истории сибирских городов неоднократно описывался и анализировался историками². Замечено, что в 80–90-е гг. XX в. изучение истории сибирских городов вышло на качественно новый этап теоретического осмысления накопленного эмпирического материала и поиска новых методологических оснований исследовательской работы³. В последние годы появляется все больше работ о сибирском городе, написанных в контексте теории модернизации⁴. Очевидной тенденцией последних лет стало проявление интереса сибирских ученых не только к социально-экономическим вопросам истории городов, но и к ее социокультурным аспектам. К числу исследований, выполненных в русле социокультурной городоведческой проблематики, относятся труды Д.А. Алисова, В.Г. Рыженко и В.Ш. Назимовой, О.В. Тяпкиной, Е.В. Мельниковой, Т.А. Сабуровой и др.⁵. Работы Е.В. Мельниковой,

¹ Резун Д.Я. О периодизации развития исторической урбанистики XVII–XX вв. // Городская культура Сибири: история и современность. – Омск, 1997. – С. 16.

² Алисов Д.А. Культура городов Среднего Прииртышья в XIX – начале XX в. – Омск, 2001. – С. 18–47; Гончаров Ю.М. Барнаульская школа исторического городоведения // Современное историческое сибиреведение XVII – начала XX в. – Барнаул, 2005. – С. 30–41; Резун Д.Я. Указ. соч.; Рыженко В.Г. Интеллигенция в культуре крупного сибирского города в 1920-е гг.: вопросы теории, истории, историографии и методов исследования: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. – Екатеринбург, 2004; и др.

³ Алисов Д.А. Указ. соч. – С. 31.

⁴ Например: Исаев В.И. Формирование городского образа жизни в процессе модернизации Сибири // Сибирское общество в контексте модернизации XVIII–XX вв. – Новосибирск, 2003. – С. 287–295.

⁵ Алисов Д.А. Особенности планировки и застройки главных административных центров Западной Сибири (вторая половина XIX – начало XX в.) // Проблемы культуры городов России. – Омск, 2004. – С. 41–49; Мельникова Е.В. Указ. соч.; Рыженко В.Г. Указ. соч.; Рыженко В.Г., Назимова В.Ш. Историко-культурологические подходы к изучению российского города XX в.: (К проблеме преемственности в науке) // Городская культура Сибири: традиции и новации. – Новосибирск, 2002. – С. 66–85; Рыженко В.Г., Назимова В.Ш., Алисов Д.А. Пространство советского города (1920–1950-е гг.): теоретические представления, региональные социокультурные и историко-культурологические характеристики (на материалах Западной Сибири). – Омск, 2004; Сабурова Т.А. К вопросу о духовных интересах омской интеллигенции на рубеже XIX–XX вв. // Проблемы истории Сибири XIX–XX вв. –

О.В. Тяпкиной и Т.А. Сабуровой относятся к дореволюционному периоду отечественной истории, однако их упоминание представляется нам уместным, поскольку позволяет показать возрастание интереса к социокультурным вопросам сибирского городоведения не только у историков советского периода, но и у специалистов, ограничивающих свои исследования иными хронологическими рамками. Таким образом, антропологический ориентир нашего исследования представляется логичным, исходя из контекста современного среза городоведческих исследований по сибирской истории.

Многим сибирским городам посвящены специальные исторические исследования. В последние годы появился ряд обобщающих трудов подобного рода. В качестве примера можно привести два тома «Очерков истории г. Омска», авторы которых характеризуют не только социально-политические и экономические сюжеты из прошлого этого города, но и освещают проблемы формирования и развития городской среды Омска, его культурного облика, быта населения этого города¹. Литература, посвященная изучению исторического прошлого Новосибирска, укладывается в общий контекст изучения городоведческой проблематики в Сибири. Отдельные сюжеты из социально-экономической, демографической, культурной, административно-политической истории Новосибирска 1920–1930-х гг. успешно разрабатывались учеными В.И. Исаевым, В.А. Исуповым, С.А. Красильниковым, И.С. Кузнецовым, В.А. Прошиным, И.М. Савицким, М.С. Саламатовой, В.Л. Соскиным, М.В. Шиловским, В.И. Шишкиным, Е.Ф. Фурсовой, И.Ф. Цыплаковым и др. Значительный вклад в изучение истории Новосибирска внесен краеведами Л. Кузьменкиной, Е. Мельниковым, Г. Мурыгиным, К. Нечаевым, А. Никульковым, В. Шамовым и др. Богатый материал содержат справочные издания исторической направленности².

Омск, 1995. – С. 122–132; Тяпкина О.А. Темпорально-пространственные аспекты ментальности жителей малых городов Западной Сибири во второй половине XIX – начале XX в. // Современное историческое сибиреведение XVII – начала XX в. – Барнаул, 2005. – С. 117–127; и др.

¹ Очерки истории г. Омска: в 2 т. – Омск, 1997–2005.

² Новосибирск – 100 лет: События. Люди. – Новосибирск, 1993; Шабурин Е.А. Храмы Новосибирска. – Новосибирск, 2002; Новониколаевск – Новосибирск: от поселкового старосты до мэра. – Новосибирск, 2003; Новоси-

Однако в диссертационных и монографических исследованиях интерес к прошлому нашего города до недавних пор концентрировался преимущественно на досоветском хронологическом отрезке и на социально-экономических проблемах (Л.М. Горюшкин и его ученики Г.А. Бочанова, Л.Н. Цепляев, Л.Н. Воробцова)¹. Только в 2005 г. был издан обобщающий труд по истории Новосибирска, охватывающий время с момента основания города до наших дней². Авторами этой книги стали Г.А. Бочанова, С.С. Букин, В.И. Быстренко, А.В. Бирюков, В.А. Ватолин, Е.Г. Водичев, Л.Н. Воробцова, А.А. Долголюк, М.М. Ефимкин, В.И. Исаев, С.А. Красильников, А.К. Кириллов, В.А. Ламин, Г.А. Ноздрин, А.А. Николаев, М.В. Шиловский, Д.М. Шиловский и др. Это исследование, выполненное в жанре исторических очерков, охватывает широкий круг вопросов истории города: развитие архитектуры, органов власти и городского самоуправления, правоохранительных органов, православной церкви, муниципального здравоохранения, среднего образования, науки и высшей школы, искусства, прессы, физкультуры и спорта. Принципиально важно в контексте темы нашей работы, что авторы специально посвящают две главы книги жизни и быту населения (жилищным условиям, городскому коммунальному и домашнему хозяйству, доходам и расходам населения, продовольственному снабжению населения), а также погостам, кладбищам и братским могилам, которые стали важными объектами городской среды Новосибирска. Наше исследование создавалось одновременно с этим трудом, в своей работе мы затрагиваем близкий по содержанию круг вопросов. Однако благодаря разной постановке задач эти исследования не дублируют друг друга, лишь некоторые фактические данные одновременно являются объектом внимания и предметом интерпретации как для авторского коллектива этого обобщающего труда, так и в рамках нашего скромного исследования. На заключительном этапе нашей работы книга «История города. Новониколаевск–

бирск: энцикл. – Новосибирск, 2003; Цыплаков И.Ф. Корона сибирской столицы: хроника исторического центра Новосибирска. – Новосибирск, 2003.

¹ Горюшкин Л.М., Бочанова Г.А., Цепляев Л.Н. Новосибирск в историческом прошлом (конец XIX – начало XX в.) – Новосибирск, 1978; Горюшкин Л.М., Бочанова Г.А. Так начинался Новосибирск. – Новосибирск, 1983; Воробцова Л.Н. Указ. соч.

² История города: Новониколаевск – Новосибирск. – Новосибирск, 2005.

Новосибирск» послужила уточнению отдельных аспектов городской повседневности Новосибирска в межвоенный период, помогла воссозданию контекстов и условий формирования городской среды и городской повседневности.

Стоит отметить, что вопросы городской повседневности Новосибирска до сих пор специально не изучались, а история городской среды исследовалась преимущественно специалистами по архитектуре и градостроительству: С.Н. Баландиным¹, Б.И. Оглы² и др. С историко-культурологической позиции проблема развития городской среды Новосибирска частично раскрыта в монографии В.Г. Рыженко, В.Ш. Назимовой и Д.А. Алисова³. Историками С.С. Букиным и А.И. Тимошенко изучались проекты строительства Новосибирска 20-х гг. XX в. Статьи, подготовленные этими авторами по результатам их исследований, содержат важные мысли и выводы с точки зрения интерпретации процессов развития городской среды Новосибирска⁴. Кроме того, предметом исследования С.С. Букина стали вопросы жизненной среды Новосибирска периода Великой Отечественной войны⁵. Изучались также особенности питания новосибирцев в военный период, что значимо с точки зрения разработки проблематики городской повседневности⁶. Однако несмотря на значительные достижения ученых в области изучения истории нашего города связь между процессами формирования городской среды Новосибирска и возможностями городского

¹ Баландин С.Н. Новосибирск: история градостроительства (1893–1945 гг.). – Новосибирск, 1978.

² Оглы Б.И. Строительство городов Сибири. – Л., 1980; Он же. Новосибирск от прошлого к будущему: Градостроительная политика от начала XX в. до 1980-х гг. – Новосибирск, 1991.

³ Рыженко В.Г., Назимова В.Ш., Алисов А.Д. Указ. соч. – С. 93–109, 257–271.

⁴ Букин С.С., Тимошенко А.И. Первые генеральные планы застройки Новосибирска (20-е гг. XX в.) // Местное самоуправление и стратегия устойчивого развития крупного города. – Новосибирск, 2004. – С. 493–498; Они же. Новосибирск в 20-е гг.: мечты о будущем // Новосибирск. – 2003. – № 3. – С. 155–163.

⁵ Букин С.С. Жизненная среда Новосибирска в военное лихолетье // Западная Сибирь в Великой Отечественной войне (1941–1945 гг.) – Новосибирск, 2004. – С. 79–114.

⁶ Букин С.С. Питание жителей Новосибирска в военное лихолетье // Сибирь – фронту. – Кемерово, 2000. – С. 102–105.

населения удовлетворять свои потребности не выявлена и не осмыслена в социально-историческом контексте.

Стоит отметить также и то, что автором данной монографии подготовлена и издана научно-популярная книга, посвященная обрисованной выше проблематике¹. Содержание этой книги в значительной степени совпадает с материалом, изложенным в предлагаемой монографии. Однако научно-популярный жанр не предполагает наличия элементов текста, считающихся обязательными для научного издания. В то же время изложение концептуального замысла исследования, избранной исследовательской стратегии, характеристика источниковой базы изучения поставленной проблемы, ссылки на работы предшественников и использованные источники представляются необходимыми для понимания основного содержания работы и ее важнейших выводов. Этими обстоятельствами обусловлено появление данной монографии.

Вторую группу исследований, значимых для нашей работы, составляют *труды, посвященные истории советской повседневности межвоенных лет*. Попытка изучения практически не исследованной истории сибирской повседневности приводит к необходимости анализа опыта наших предшественников, специалистов из других регионов страны и зарубежья. Вообще, для отечественной историографии интерес к истории повседневности является довольно новой характеристикой. Среди работ российских историков по вопросам повседневности в СССР 1920–1930-х гг. необходимо назвать исследования обзорного характера Н.Н. Козловой, С.В. Журавлева, А.К. Соколова². Авторы этих работ характеризуют проблемы быта, семьи, здоровья населения страны, общественно-политические унастроения различных социальных групп. Н.Н. Козлова уделяет более пристальное внимание ценностному миру советского человека довоенной поры, характеристикам его поведения и материальной культуре, окружавшей его. В 1990-х гг. эти работы представляли собой первые попытки анализа новых для

¹ Косякова Е.И. Новый быт Сибирского Чикаго: очерки городской повседневности Новосибирска между войнами. – Новосибирск, 2006.

² Журавлев С.В., Соколов А.К. Повседневная жизнь советских людей в 1920-е гг. // Социальная история: Ежегодник, 1997–1998. – М., 1998. – С. 287–332; Козлова Н.Н. Горизонты повседневности советской эпохи: (Голоса из хора). – М., 1996.

российской науки проблем раннесоветской повседневности. Поэтому, при всех их достоинствах, данные работы содержат мало конкретных описаний и характеристик, а оценки и суждения авторов, по нашему мнению, иногда слишком категоричны. Но все-таки обращение к исследованиям Н.Н. Козловой, С.В. Журавлева и А.К. Соколова способствует выявлению специфики городской повседневности Новосибирска и помогает в интерпретации источников.

В начале текущего десятилетия в разных городах России проводились конференции, посвященные вопросам истории повседневности, где затрагивались некоторые проблемы повседневности советского общества довоенных лет¹. Важно упомянуть и сборник докладов, опубликованный по результатам проведения в 2004 г. в Харькове международной конференции «Эпоха. Культуры. Люди. (История повседневности и культурная история Германии и Советского Союза)»². В работе конференции приняли участие историки Украины, Германии и различных регионов России. Как и в ходе других конференций, к работе секций здесь примкнули специалисты, занимающиеся разработкой вопросов, близких к проблемному полю истории повседневности, однако фактически изучаемых на иных методологических основах. Были представлены результаты исследований в контексте «устной истории», микроисторического анализа, исследования «традиционного» характера по истории общественных организаций, условий труда, немецкой оккупации на Украине и т. д. Особенный интерес с точки зрения нашей работы представляет доклад новосибирского историка В.И. Исаева «Повседневная жизнь в 1930-х гг.: сравнительный анализ национал-социализма и сталинизма». Автор его не склонен считать историю быта и историю повседневности принципиально разными направлениями в историографии. Поэтому в данной работе он не стремится к концептуализации понятия «повседневность», а, учитывая политические и экономические контексты эпохи, сопоставляет характерные черты быта русских и немцев в 1930-е гг.: их заработки, мотивы трудиться, особенности снабжения необходимыми товарами и продуктами, выплаты налогов, степень вмешательства государства в частную

¹ Проблемы повседневности в истории: образ жизни, сознание, методология изучения. – Ставрополь, 2001; То же. – Армавир, 2002.

² Эпоха. Культура. Люди: (История повседневности и культурная история Германии и Советского Союза, 1920–1950-е гг.). – Харьков, 2004.

жизнь населения страны, положение женщин и детей в семье и обществе и пр. Свой вывод о сходстве между повседневностью населения Германии и СССР в 1930-е гг. В.И. Исаев объясняет, указывая на общие черты во внутренней политике этих стран. Таким образом, данная работа наглядно демонстрирует выраженную зависимость повседневности от политических и экономических контекстов, которые мы также стремимся учитывать при изучении городской повседневности Новосибирска.

История российской городской повседневности межвоенного периода представляет собой еще слабо изученное проблемное поле. Обзорный труд в русле этой проблематики написан американским историком Ш. Фицпатрик¹. Книга Фицпатрик – это, в первую очередь, исследование, посвященное проблеме приспособления «маленьких людей» к условиям сталинизма как особой среды обитания, созданной системой институтов, структур и ритуалов. Социально-политическая сторона вопроса доминирует в данном исследовании, в то время как контекст урбанистики не считается важным для автора.

Обобщающих трудов российских историков о городской повседневности советского периода пока не существует. Однако имеется несколько локально-исторических исследований, посвященных эволюции городской повседневности различных регионов нашей страны. Повседневности ленинградцев посвящены исследования Н.Б. Лебиной и ее соавтора А.Н. Чистикова², о повседневной жизни москвичей сталинского времени написана двухтомная научно-популярная книга Г.В. Андреевского³. Повседневной жизни московских рабочих начала 20-х гг. посвящена статья В.С. Тяжельниковой⁴, вопросам повседневности населения городов Пензенской обл. – диссертационное исследо-

¹ Фицпатрик Ш. Повседневный сталинизм: социальная история советской России в 30-е гг.: город. – М., 2001.

² Лебина Н.Б. Повседневная жизнь советского города в 1920–1930-е гг. – СПб., 1999; Лебина Н.Б., Чистиков А.Н. Обыватель и реформы: картины повседневной жизни горожан в годы нэпа и хрущевского десятилетия. – СПб., 2003.

³ Андреевский Г.В. Повседневная жизнь Москвы в сталинскую эпоху (20–30-е гг.). – М., 2003; Он же. Повседневная жизнь Москвы в сталинскую эпоху (30–40-е гг.). – М., 2003.

⁴ Тяжельникова В.С. Повседневная жизнь московских рабочих в начале 1920-х гг. – М., 2002.

вание С.Е. Панина¹, а истории повседневности Кургана – работа М.С. Жулевой². Вопросы повседневности уральских городов в условиях гуманитарной катастрофы времен гражданской войны изучались И.В. Нарским³. Один из аспектов городской повседневности Перми 1950–1960-х гг. – повседневность учителей – стал предметом диссертационного исследования А.В. Чашухина⁴. Стоит отметить, что все указанные работы созданы на различной концептуальной основе, вследствие чего посвящены совершенно разным вопросам: нормам и аномалиям в социальном поведении горожан, обывательским стратегиям выживания в военных условиях, сюжетам из демографической, бытовой и культурной жизни горожан.

Работы, посвященные городской повседневности СССР межвоенных лет, представлены единичными примерами. Однако историки, изучающие данную проблематику на материалах других эпох, в последние годы представили вниманию читателей несколько трудов, значимых с точки зрения проблематики нашего исследования. В первую очередь хочется отметить докторскую диссертацию О.Е. Кошелевой и ее монографию «Люди Санкт-Петербургского острова Петровского времени»⁵. О.Е. Кошелева использовала микроисторический подход, позволивший сфокусировать внимание на жизненных проблемах «простых горожан». Ее исследование можно охарактеризовать как написанное в рамках историко-антропологически ориентированной урбанистики. Ученого интересовали вопросы экономического и социального положения перво жителей северной столицы, их представления о моральных и правовых нормах. В конечном итоге проделанная рабо-

¹ Панин С.Е. Повседневная жизнь советских городов: пьянство, проституция, преступность и борьба с ними в 1920-е гг. (на материалах Пензенской губ.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Пенза, 2002.

² Жулева М.С. История повседневности жителей Кургана в 1929–1941 гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Курган, 2004.

³ Нарский И.В. Жизнь в катастрофе: будни населения Урала в 1917–1922 гг. – М., 2001.

⁴ Чашухин А.В. Педагогический корпус в пространстве формирующегося города (1950-е – первая половина 1960-х гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Пермь, 2006.

⁵ Кошелева О.Е. Люди Санкт-Петербургского острова Петровского времени. – М., 2004; Она же. Повседневность Петербурга Петровского времени: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. – М., 2006.

та позволила увидеть отличительные черты повседневной жизни петербуржцев от идеального замысла Петра Великого, который мечтал о «европейском» городе, населенном «лучшими людьми». Таким образом, исследование служит объяснению особенностей российского города XVIII в., который, как и любые города других эпох, формировался в значительной степени стихийно, «по своим собственным законам». Новониколаевск, как и Петербург XVIII в., был в межвоенные годы очень значимым для страны городом, который тоже быстро рос и развивался не в строгом соответствии с официальными планами. Стихийная линия формирования и развития городской среды Новосибирска, повседневности его обитателей – одна из важнейших проблем нашего исследования. Работа Кошелевой помогает увидеть архаичные национальные характеристики развития городов, значимость и темпы роста которых выделяются на общем фоне других городов страны.

Важно и то, что О.Е. Кошелева подвергает специальному историографическому анализу исследования западных ученых, изучавших прошлое городов в русле истории повседневности и родственных ей антропологических подходов. Кошелева ориентируется на исследования О. Занза, П. Паслетта, М. Андерсена, Д. Сабиана, Х. Медика, С. Черутти, Д. Роша и других историков, выводы которых преодолевают условные хронологические и территориальные рамки, определенные в начале их работ, и достигают уровня «больших» обобщений¹.

Специальный труд, посвященный повседневности жителей городка Бежецка в XVIII столетии, написан историком А.Б. Каменским². Это «микроисторическое» исследование построено на материалах маленького провинциального российского города. Каменский приходит к выводу о патриархальном характере повседневной жизни бежечан, о незначительном влиянии модернизации на традиционные характеристики российского провинциального города в XVIII в. Новониколаевск, порожденный совершенно иной эпохой, возникший в других региональных и социально-экономических условиях, в некоторых отношениях напоминает Бежецк XVIII в., облик которого воссоздан Каменским. С другой же стороны, перед нами два совершенно разных горо-

¹ Кошелева О.Е. Глава, не вошедшая в книгу. Режим доступа: <http://koshelava.narod.ru/index.files>.

² Каменский А.Б. Повседневность русских городских обывателей: исторические анекдоты из провинциальной жизни XVIII в. – М., 2006.

да. Книга А.Б. Каменского, как и исследование О.Е. Кошелевой, позволяет нам проводить исторические параллели, сравнивать Новониколаевск с городами других регионов и иных эпох.

Круг вопросов, поставленных нами в контексте истории повседневности, до определенной степени изучен историками, работавшими над изучением *социально-экономической истории, истории культуры и быта советской России* между гражданской и Великой Отечественной войнами. Эти исследования мы объединили в третью группу.

Изучение вопросов питания новосибирцев предполагает обращение к историческим трудам о продовольственном снабжении городского населения в межвоенный период, о торговле, распределении продовольствия и особенностях его потребления в городах. Данная проблематика активно разрабатывается еще с советских времен. В числе авторов, изучавших ее на общероссийском уровне, следует упомянуть Е.Г. Гимпельсона (его труды посвящены политике, экономике и идеологии «военного коммунизма» и периода нэпа)¹, А.Ю. Давыдова (работы о явлении «мешочничества»)². Работы В.П. Дмитриенко, Ю.А. Полякова и Н.В. Щербаня написаны о новой экономической политике³. Статьи С.Н. Лапиной, Н.Д. Делюхиной, Л.Н. Суворовой характеризуют тенденции в отношениях между государством и рынком страны, а также специфику потребления населением основных продуктов питания на переходном этапе развития советской экономики⁴. Наиболее фундаментальными трудами по советской торговле и продовольственному распределению конца 20–30-х гг. XX в. являются исследования Е.А. Осокиной, которая изучает данную проблематику в

¹ Гимпельсон Е.Г. Нэп и советская политическая система, 20-е гг. – М., 2000; Он же. «Военный коммунизм»: политика, практика, идеология. – М., 1973.

² Давыдов А.Ю. Мешочничество и советская продовольственная диктатура (1918–1922 гг.) // *Вопр. истории.* – 1994. – № 3. – С. 41–54; Он же. Нелегальное снабжение российского населения и власть 1917–1921 гг.: мешочники. – СПб., 2002.

³ Дмитриенко В.П. Приобретения и потери. – М., 1994; Поляков Ю.А., Дмитриенко В.П., Щербань Н.В. Новая экономическая политика. – М., 1982.

⁴ Лапина С.Н., Делюхина Н.Д. Советская экономика на завершающем этапе нэпа: тенденции и перспективы развития // *Нэп, завершающая стадия: соотношение экономики и политики.* – М., 1998. – С. 5–22; Суворова Л.Н. Государство и рынок в России в 1923–1928 гг. // Там же. – С. 58–97.

контексте истории повседневности¹. Историю распределительной системы в СССР 30-х гг. во взаимосвязи с рыночной торговлей изучали курские историки С.А. Винникова и Н.А. Горшкова². Их исследования построены преимущественно на материалах Центрально-Черноземного региона, однако в них содержатся важные выводы об общих тенденциях развития системы торговли и снабжения в СССР 1930-х гг. Напрямую связаны с проблематикой нашего исследования статьи И.В. Нарского о махинациях уральских мошенников с продовольственными карточками в годы гражданской войны и обывательских стратегиях в условиях голода³.

Региональная специфика развития торговли, продовольственного снабжения и потребления нашла отражение в работах многих сибирских ученых. Особенности продовольственной разверстки в Сибири периода «военного коммунизма» исследовались Л.И. Боженко, который уделял существенное внимание вопросам снабжения сибиряков основными видами продовольствия и отношения населения к продовольственной политике правительства⁴. Существенный вклад в изучение темы борьбы сибиряков с голодом 1921–1922 гг. внес Е.М. Хен-

¹ Осокина Е.А. Иерархия потребления: о жизни людей в условиях сталинского снабжения 1928–1935 гг. – М., 1993; Она же. Люди и власть в условиях кризиса снабжения (1939–1941 гг.) // Отечеств. история. – 1995. – № 3. – С. 16–32; Она же. Распределение и рынок снабжения населения СССР в годы первых пятилеток (1928–1941 гг.): автореф. дис. ... д-ра ист. наук. – М, 1998.

² Винникова С.А. История развития в СССР рыночной торговли и распределительной системы (1936–1941 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Курск, 1999; Горшкова Н.А. Социальное распределение и элементы рынка в государственной экономике (1931–1935 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Курск, 2000.

³ Нарский И.В. «Карточные фокусы»: Шариков и другие. Начало советской повседневности: у истоков теневых стратегий выживания // Уральская парадигма: электрон. журн. – 2000. – Вып. 8. Режим доступа: <http://paradigma.campus.net.ru>; Он же. Не щадя живота своего.... Чем питалось первое поколение советских граждан в ожидании «светлого будущего» (по уральским материалам 1920–1922 гг.) // Там же. – Вып. 9.

⁴ Боженко Л.И. Из истории существования продовольственной разверстки в Сибири (конец 1919 – август 1921 г.) // Из истории социалистического строительства в Сибири. – Томск, 1984. – С. 54–72.

кин¹. Сибирский голод 1922 г. описан и в современной литературе Е.Н. Шурановой². В.С. Флеров анализировал торговую политику государства, выявлял соотношение государственной, кооперативной и частной торговли, изучал вопросы снабжения населения товарами первой необходимости³. Томский историк В.И. Дудукалов детально исследовал развитие советской торговли в Сибири в 1921–1928 гг., уделив пристальное внимание проблемам государственной торговли и потребительской кооперации, особенностям эволюции частного сектора в торговле Сибири периода нэпа⁴. Вопрос о становлении структур объединения «Торгсин» в Восточной Сибири рассмотрен в статье О.Г. Алексеева⁵. Государственное регулирование сельскохозяйственного рынка Сибири в условиях нэпа изучает новосибирский ученый В.А. Ильиных⁶. Воссозданию общесибирского контекста базарной торговли в нашем городе способствуют и работы историков, изучающих деятельность сибирских нэпманов, вопросы частной торговли в Сибири, условия предпринимательской деятельности в 1920-х гг. (С.В. Шейхетов⁷), хлебный и масляный рынок Сибири (В.А. Ильиных⁸), социально-политические аспекты системы снабжения Сибири

¹ Хенкин Е.М. Трудящиеся Сибири в борьбе с голодом 1921–1922 гг.: автореф. дис... канд. ист. наук. – Томск, 1965; Он же. Очерки истории борьбы советского государства с голодом (1921–1922 гг.). – Красноярск, 1988.

² Шуранова Е.Н. Голод 1922 г. в Сибири // Актуальные вопросы гуманитарно-правовых и социально-экономических исследований. – Кемерово, 2005. – С. 234–244.

³ История Сибири с древнейших времен до наших дней. – Л., 1968. – Т. 4. – С. 201–205.

⁴ Дудукалов В.И. Развитие советской торговли в Сибири в годы социалистического строительства (1921–1928). – Томск, 1978.

⁵ Алексеев О.Г. Становление структур объединения «Торгсин» в городах Восточно-Сибирского края // История, культура, общество. – Красноярск, 2004. – С. 41–47.

⁶ Ильиных В.А. Государственное регулирование сельскохозяйственного рынка Сибири в условиях нэпа (1921–1928 гг.): автореф. дис. ... д-ра ист. наук. – Новосибирск, 1998.

⁷ Маргиналы в социуме. Маргиналы как социум: Сибирь (1920–1930-е гг.). – Новосибирск, 2004. – С. 110–145.

⁸ Ильиных В.А. «Масляная война» 1923–1928 гг. в Сибири: государство, кооперация и частный капитал на заготовительном рынке в условиях нэпа. – Новосибирск, 1996; Он же. Хлебный рынок в 1921–1927 гг.: от монополии

(В.И. Исаев¹). Особенности продовольственного снабжения новосибирских рабочих второй половины 20 – начала 30-х гг. охарактеризованы В.А. Исуповым². Вопросам общественного питания трудящихся Сибири уделяется внимание в работах Н.В. Буша³, В.И. Дудукалова⁴.

К этой же группе работ наших предшественников можно отнести исследования по истории коммунального хозяйства, жилья, здоровья, гигиены и костюма советских горожан 20–30-х гг. XX в. Заметим, что в советский период изучение историками вопросов быта не поощрялось, рассматривалось как мелкотемье, контролировалось цензурой и определялось установками коммунистической партии на воспевание успехов в строительстве нового общества. Поэтому от работ советского периода по этой проблематике едва ли можно ожидать объективных оценок и указаний на остроту бытовых проблем. Однако современная общероссийская историография данной проблематики обширна, поэтому мы остановимся преимущественно на обобщающих концептуальных работах, знакомство с которыми повлияло на наши собственные выводы и оценки. В последние годы наметилась тенденция междисциплинарного и культурологического изучения этих вопросов, традиционно входивших в круг проблем, интересовавших историков-бытописателей.

Проблемы жилищной политики советского государства и ее реализации в архитектурном проектировании раскрываются в книге М.Г. Мееровича «Очерки истории жилищной политики в СССР и ее

зации к ремонополизации // Предпринимательство в Сибири. – Барнаул, 1994. – С. 143–149.

¹ Исаев В.И. Социально-политические аспекты системы снабжения Сибири (1926–1937 гг.) // Общественно-политическая жизнь Сибири, XX в. – Новосибирск, 1997. – С. 77–86.

² Исупов В.А. Некоторые вопросы быта рабочих Сибири в 1926–1932 гг. (на материалах Новосибирска) // Культура и быт рабочих Сибири в период строительства социализма. – Новосибирск, 1980. – С. 222–230.

³ Буша Н.В. Изменения в быту трудящегося населения городов Сибири накануне и в годы восстановления народного хозяйства (1920–1925 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Томск, 1986.

⁴ Дудукалов В.И. Развитие общественного питания в Сибири в годы социалистического строительства (1921–1932 гг.) // Из истории социалистического строительства в Сибири. – Томск, 1984. – С. 124–138.

реализация в архитектурном проектировании (1917–1941 гг.)»¹. Мее-ровичем также подготовлена и опубликована работа о жилищной кооперации в СССР 1920–1930-х гг.² Обозначенный круг вопросов так или иначе интересен социальным историкам, историкам культуры. Характер развития инфраструктуры советских городов под влиянием урбанизации исследуется историками-урбанистами. Отметим труды А.С. Сениявского³, оценочные суждения которого повлияли на интерпретацию собранного нами эмпирического материала.

Кроме того, интерес представляют и работы демографического характера. К примеру, А.Г. Вишне夫斯基 затрагивает проблемы развития инфраструктуры советских городов и жилищного фонда, характеризуя особенности советской урбанизации, которая представлена в его работе как аспект «консервативной модернизации» страны⁴. В монографии В.Б. Жиромской «Демографическая история России в 1930-е гг.»⁵ говорится о причинах заболеваемости и смертности населения страны, о влиянии бытовых условий в городах на демографическую картину СССР, приводится соответствующая статистика, в том числе региональная. Общие сведения о развитии советской системы медицинского обслуживания содержатся в юбилейном сборнике научных трудов «50 лет советского здравоохранения (1917–1967)»⁶. В коллективном труде «Демографическая модернизация России», изданном под редакцией А.Г. Вишневского, поднимается очень важная с точки зрения данного исследования проблема незавершенности так называемого

¹ Меерович М.Г. Очерки истории жилищной политики в СССР и ее реализации в архитектурном проектировании (1917–1941 гг.). – Иркутск, 2003.

² Меерович М.Г. Рождение и смерть жилищной кооперации и жилищная политика в СССР 1924–1937 гг. (социально-культурный и социально-организационный аспекты). – Иркутск, 2004.

³ Сениявский А.С. Урбанизация России в XX в.: роль в историческом процессе. – М., 2003.

⁴ Вишне夫斯基 А.Г. Серп и рубль: консервативная модернизация в СССР. – М., 1998.

⁵ Жиромская В.Б. Демографическая история России в 1930-е гг.: взгляд в неизвестное. – М., 2001.

⁶ Гусенков П.Б., Натрадзе А.Г., Антонов И.А. Медицинская промышленность и аптечное дело // 50 лет советского здравоохранения. – М., 1967. – С. 162–183.

эпидемиологического перехода в России¹. Авторы книги оценивают с точки зрения осуществления эпидемиологического перехода достижения советского здравоохранения. Их обобщающие выводы неутешительного характера об эпидемиологической и демографической ситуации в стране межвоенных лет помогают осмыслить и объяснить проблемы, возникавшие у жителей Новосибирска, вынужденных по воле обстоятельств обращаться к врачам. Работа французского историка А. Блюма «Родиться, жить и умереть в СССР» также представляет интерес, поскольку демонстрирует взгляд «из далека» на вопросы санитарии, заболеваемости и мер по повышению рождаемости в СССР². Блюм открывает для французских читателей прежде неизвестные страницы истории СССР и одновременно знакомит российских читателей с уже сложившимися в Европе взглядами на советскую демографическую картину, которая была затуманена советской цензурой.

Частично на проблему эпидемиологического состояния в начале 20-х гг. территории России, лежащей за Уралом, проливает свет статья В.А. Коршунова о врачебно-санитарном деле в Дальневосточной республике³. Кроме того, из числа исследований, посвященных истории медицинского обслуживания населения СССР, хочется выделить статью Д.А. Журавлева, который предпринял попытку изучения повседневной жизни в советском госпитале 1939–1940 гг.⁴ Вопросы санитарно-гигиенической культуры советских городов 20–30-х гг. изучены слабо. Из числа немногочисленных публикаций по этой проблематике назовем статью И.В. Нарского и работу, написанную Е. Шерстневой и М. Поддубным⁵.

¹ Демографическая модернизация России, 1900–2000. – М., 2006. – С. 257–265.

² Блюм А. Родиться, жить и умереть в СССР. – М., 2005.

³ Коршунов В.А. Врачебно-санитарное дело Дальневосточной республики (1920–1922 гг.) // Сибирь – Восток. – 2003. – № 7. – С. 56–58.

⁴ Журавлев Д.А. Военный госпиталь в период советско-финской войны (1939–1940): взгляд изнутри // История повседневности. – СПб., 2003. – С. 63–88.

⁵ Нарский И.В. Революция, которая пахнет, или о состоянии мест общего пользования из историко-культурной перспективы // Уральская парадигма: Электрон. журн. – 2000. – Вып. 3. Режим доступа: <http://paradigma.campus.net.ru>; Шерстнева Е., Поддубный М. Грязные руки грозят бедой: медицинский плакат в борьбе за здоровый быт советских граждан // Родина. – 2001. – № 6. – С. 67–71.

Стараниями историков костюма и искусствоведов охарактеризованы основные тенденции развития советской моды между войнами, выявлены главные проблемы в производстве одежды и снабжении одеждой населения страны. Политическому контексту развития швейной отрасли советской промышленности и моды посвящена монография Н.О. Адиебян¹. Попытка посмотреть на советский костюм революционной поры и периода гражданской войны как на отражение общественных перемен предпринята историком Е.В. Савельевой². Примером работ, в которых характеризуются тенденции моды 20–30-х гг. XX в., можно рассматривать статью искусствоведа Р.М. Кирсановой³.

Обзор общих тенденций развития системы здравоохранения в Сибири межвоенного периода приводится В.С. Познанским и Н.П. Федотовым в IV томе фундаментальной «Истории Сибири»⁴. Вопросы обеспеченности жильем, здоровья, гигиены горожан касались в своих работах сибирские ученые Н.В. Буша, В.И. Исаев, В.А. Исупов⁵, изучая историю рабочего быта в нашем регионе. Историками А.С. Московским и В.А. Исуповым затрагивались вопросы уровня жизни населения сибирских городов и его влияния на демографическую ситуацию⁶. Жилищным проблемам сибиряков и жителей Дальнего Востока посвящены недавние публикации Р.А. Деминой, Н.Г. Кули-нича⁷ и др. Развитию системы здравоохранения рабочих

¹ Адиебян Н.О. История развития швейной отрасли и моды в России: политический аспект. – Пятигорск, 2001.

² Савельева Е.В. Советский костюм 1917–1921 гг. как отражение общественных перемен: автореф. дис. ... канд. ист. наук. – М., 2006.

³ Кирсанова Р.М. «Гимнастерка», «Джимми» и «полпред»... // Родина. – 1997. – № 11. – С. 46–52.

⁴ История Сибири с древнейших времен до наших дней. – Т. 4. – С. 276–279, 422–424.

⁵ Буша Н.В. Указ. соч.; Исаев В.И. Быт рабочих Сибири, 1926–1937 гг. – Новосибирск, 1988; Исупов В.А. Указ. соч.

⁶ Московский А.С., Исупов В.А. Формирование городского населения Сибири (1926–1939 гг.). – Новосибирск, 1984. – С. 62–63, 83.

⁷ Демина Р.А. Жилищные проблемы иркутян в 1920-е гг. // Иркутский историко-экономический ежегодник. – 2003. – Иркутск, 2003. – С. 144–147; Кулинич Н.Г. Обеспеченность жильем городского населения Дальнего Востока РСФСР в 1920–1930-е гг. // Четвертые Гродековские чтения. – Хабаровск, 2004. – С. 279–284.

Сибири в 1926–1929 гг. посвящена статья Л.П. Гириковой, В.И. Исаева, А.П. Уг-роватова¹. Кроме того, В.А. Исупова интересовало состояние здоровья сибирских горожан 30-х гг. в контексте характеристики демографической ситуации в городах региона². Вопросы здоровья горожан Новосибирской обл. затронуты также в историко-демографическом исследовании А.А. Бурматова³. Стоит отметить явную «рабочецентричность» исследований советского периода по этой проблематике. Лишь в последние годы сибирские историки стали все-таки интересоваться различными аспектами быта и повседневности иных слоев городского населения. Так, нравственный и внешний облик сибирского нэпмана описан С.В. Шейхетовым в контексте характеристики самосознания и самоорганизации этого социального слоя⁴. Особенности партийно-государственной политики по улучшению материально-бытового положения специалистов в начале 30-х гг. описаны Л.И. Пыстиной⁵.

В рамках нашей темы затронуты и вопросы проституции. Данная проблематика слабо изучена отечественными учеными. В западной историографии имеется опыт изучения проблемы проституции сквозь призму истории повседневности. Одна из таких работ, автором которой является Л. Адлер, переведена на русский язык и опубликована в числе книг научно-популярной серии «Живая история. Повседневная жизнь человечества»⁶. На российских материалах эта проблематика разработана слабее. Социальный и правовой статус советских проституток 20–30-х гг. и носителей других форм социально-аномального

¹ Гирикова Л.П., Исаев В.И., Угроватов А.П. Развитие системы здравоохранения рабочих Сибири в начальный период социалистической реконструкции (1926–1929 гг.) // Социальные и экономические проблемы советской Сибири переходного периода. – Омск, 1987. – С. 126–138.

² Исупов В.А. Городское население Сибири: от катастрофы к возрождению (конец 30-х – конец 50-х гг.). – Новосибирск, 1991.

³ Бурматов А.А. Население Новосибирской обл., 1937 г. – конец XX в. (историко-демографический анализ): автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Омск, 2001.

⁴ Шейхетов С.В. Нэпманы // Маргиналы в социуме. – С. 99–165.

⁵ Пыстина Л.И. «Буржуазные специалисты» в Сибири в 1920-е – начале 1930-х гг. – Новосибирск, 1999. – С. 122–128.

⁶ См., например: Адлер Л. Повседневная жизнь публичных домов во времена Золя и Мопассана. – М., 2005.

поведения еще в 1980-е гг. изучался Г.А. Бордюговым¹. В последние годы эта тема получила развитие в работе С.Е. Панина, который кратко описал методы борьбы с проституцией в России 1920-х гг.². Круг постсоветской историографии этой проблемы включает в себя исследования Н.Б. Лебиной и М.В. Шкаровского (по материалам Петербурга – Ленинграда)³, С.Е. Панина (по материалам Пензы)⁴, И.В. Нарского (по материалам Урала начала 20-х гг.), А.Г. Быковой (по дореволюционным сибирским материалам)⁵ и Г.Х. Валиева, который затрагивает в своей кандидатской диссертации вопросы проституции в Сибири 1920-х гг.⁶ Применительно к Новосибирску межвоенного периода эта проблематика не разрабатывалась вовсе. Однако приведенные труды историков дают возможность увидеть общесоветские контексты развития проституции в Новониколаевске, понять на основе сопоставления с данными по иным регионам и другому периоду, как региональный аспект и аспект исторической эпохи влияли на специфику этого социального явления в Новониколаевске–Новосибирске.

Итак, анализ историографии избранной нами темы показал следующее. В российской науке существуют различные междисциплинарные методологические модели, предназначенные для разностороннего изучения особенностей жизнедеятельности человека в условиях различной среды. Но в современной исторической науке не сложилось универсального подхода к изучению проблем городской среды и городской повседневности в их взаимосвязи. Изучение городской «жиз-

¹ Бордюгов Г.А. Социальный паразитизм и социальные аномалии: (из истории борьбы с алкоголизмом, нищенством, проституцией и бродяжничеством в 20–30-е гг.) // История СССР. – 1989. – № 1. – С. 60–73.

² Панин С.Е. Борьба с проституцией в России в 20-х гг. XX в. // Вопр. истории. – 2004. – № 9. – С. 113–119.

³ Лебина Н.Б., Шкаровский М.В. Проституция в Петербурге (40-е гг. XIX в. – 40-е гг. XX в.). – М., 1994; Лебина Н.Б. Теневые стороны жизни советского города 1920–1930-х гг. // Вопр. истории. – 1994. – № 2. – С. 30–43.

⁴ Панин С.Е. Указ. соч.

⁵ Быкова А.Г. Проституция в истории больших городов Западной Сибири, 1880-е – 1914 гг. (по материалам Томска и Омска): автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Омск, 1999.

⁶ Валиев Г.Х. Социальные аномалии в повседневной жизнедеятельности населения Сибири в 1920-е гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Новосибирск, 2001.

ненной» среды Новосибирска историками только начинается, отдельные аспекты повседневности Новосибирска межвоенных лет так или иначе привлекали внимание исследователей, но комплексного изучения городской повседневности Новосибирска в период между войнами не проводилось. Не изучена специфика развития городской среды и повседневности в этот период, не ясно, до какой степени сохранялась преемственность в развитии городской среды и повседневности в это время.

Цель данного исследования: в конкретно-историческом плане охарактеризовать особенности развития ряда важных аспектов городской повседневности Новониколаевска–Новосибирска в период между второй половиной декабря 1919 и июнем 1941 г. Достижение поставленной цели предполагает выполнение следующих взаимосвязанных задач:

1) методологически обосновать и апробировать авторский подход к изучению городской повседневности, который состоит в описании и объяснении взаимосвязи между разноуровневыми потребностями горожан и городской средой;

2) определить и описать те элементы городской среды, которые активно использовались горожанами Новониколаевска–Новосибирска в межвоенный период (1919–1941 гг.) для реализации их базовых физиологических потребностей: в питании, отдыхе, тепле и безопасности, в сохранении здоровья и гигиене;

3) охарактеризовать способы и формы взаимосвязи городской среды и городского населения в процессе удовлетворения новониколаевцами – новосибирцами названных базовых физиологических потребностей;

4) выявить и охарактеризовать как преемственность, так и специфику развития городской среды и городской повседневности Новониколаевска–Новосибирска на двух этапах: конца 1919 – 1928 г. и 1929 – середины 1941 г.

В данном случае *под городской повседневностью понимается взаимодействие между городской средой и горожанами с целью удовлетворения разноуровневых потребностей последних*. Далее, в методологическом разделе книги, автор объяснит истоки и причины такого понимания «городской повседневности». Здесь же ограничимся кратким пояснением, которое состоит в следующем. Повседневная жизнь горожан проистекает в условиях, определяемых в значительной степе-

ни городской средой. Городская среда же складывается и развивается под существенным влиянием повседневной жизнедеятельности городского населения. Поэтому данные категории представлены в нашем исследовании как взаимосвязанные и взаимообусловленные.

В более конкретном плане нас интересует исторический процесс развития городской повседневности, протекавший на протяжении межвоенного периода под влиянием различных объективных факторов экономической, политической и социокультурной жизни страны, а также в результате актуализации субъективного фактора: социальных, культурных, психоментальных характеристик городского сообщества. Под развитием мы подразумеваем в данном случае совокупность количественных и качественных изменений изучаемого объекта, происходивших в результате целенаправленных действий государственной власти и различных групп населения нашего города.

Территориальные рамки исследования охватывают город Новониколаевск–Новосибирск в пределах его административных границ изучаемого времени. Ограничение территориальных рамок одним городом объясняется не только патристическими мотивами автора. Географами замечено, что индивидуальные, особенные характеристики больших городов выражены отчетливее, нежели индивидуальные черты городов малых. Большие города больше подходят для монографического описания, нежели малые, которые целесообразнее изучать типологически¹. Согласно типологии городов, предложенной Г.М. Лаппо, Новосибирск середины 1920-х гг. можно отнести к категории «больших» городов (100–250 тыс. жителей). В конце 1930-х гг. – это уже «крупный» город (250–500 тыс. жителей). Новосибирск заслуживает особенного внимания по причине своей уникальности в масштабах Сибири и всей России. Специфику развития этого города часто оценивают как «феноменальную». Его уникальность обусловлена высокими темпами роста и многофункциональностью. Но влияние этих характеристик на повседневность городского населения – неизученная и, очевидно, значимая проблема, поэтому мы концентрируем свое внимание на Новониколаевске–Новосибирске. В то же время мы стремились изучать прошлое Новосибирска, сопоставляя специфичные черты этого города с характеристиками, присущими другим городам

¹ Лаппо Г.М. География городов: учеб. пособие для геогр. фак. – М., 1997. – С. 480.

региона. Сравнение разных городов не входило в круг поставленных нами задач, однако часто использование этого исследовательского приема было важно для выявления особенностей и типичных характеристик городской повседневности Новосибирска между войнами.

На протяжении межвоенного периода городская черта и структура административных районов Новосибирска изменялись. «Сибирский Чикаго» рос исполинскими темпами не только по численности населения, но и по площади. Кроме того, на протяжении двух десятилетий в городе неоднократно производился передел районов.

К 1920 г. Новониколаевск занимал 9022 га земли на правом берегу р. Обь¹. Здесь сложилось несколько районов, которые на дореволюционный манер называли «частями»: Центральная часть (территория современного Центрального р-на), Вокзальная (часть Железнодорожного р-на), Закаменская (часть Октябрьского р-на), а также несколько «нахаловок» (Большая Нахаловка – сегодня это часть Железнодорожного р-на, Малая – теперь часть Заельцовского р-на, «Порт-Артур» – часть Октябрьского р-на), которые представляли собой самовольно застроенные земли в городской черте и за ее ближайшими пределами. На границе с Закаменской частью, на правом берегу Каменки, притока Оби, располагался Военный городок. В селитебной зоне Новониколаевска имелось 2382 га земли, поделенных на 416 жилых квартала². Однако не все запланированные под застройку территории в действительности были застроены. Значительная часть городских земель находилась под пашней, покосами, выгоном, лесами, дачами, садами, кладбищами, отвалами, промышленными предприятиями, пустырями.

В 1926 г. в городской черте помещалось уже 9356 га³. Большая и Малая Нахаловки числились в составе Вокзальной части города. Большую Нахаловку называли также Обской слободой. К Вокзальной части причислялись Веревочная, Карьерная и Нобелевская слободы, поселки при речках Первой Ельцовке и Второй Ельцовке. В середине 20-х гг. от Центральной части города отделилась Ипподромская, представлявшая ранее северную половину Центральной части. В составе Ипподромской части оказалась Татарская слободка. Кроме того, в 1928 г. от города отделился поселок Белоглинка, но в 1930 г. его снова при-

¹ Новониколаевская губ.: Стат. очерк. – Новониколаевск, 1921. – С. 24.

² Там же. – С. 29.

³ Коммунальное хозяйство РСФСР к началу 1927 г. – М., 1926. – С. 126.

соединили к городу, что в большей степени соответствовало временному контексту высоких темпов урбанизации¹. Стоит отметить, что границы прообразов современных районов Новосибирска не совпадали с нынешними административными пределами. Например, судя по плану города 1928 г., часть кварталов Красного проспекта от перекрестка с ул. Вагановской (ныне ул. Фрунзе) до перекрестка с ул. Рыкова, за пределами которой заканчивалась застройка, относилась к Вокзальному р-ну.

1929–1930 гг. ознаменованы колоссальным приростом городских территорий. В 1929 г. к городу присоединили с. Усть-Иню с ее надельом в 439 га, располагавшиеся у юго-восточной границы Новосибирска. А в 1930 г. в городскую черту вошли следующие населенные пункты, находившиеся на левом берегу Оби: села Большое Кривошеково (4194 га) и Бугры (2440), деревни Ересная (1578), Малое Кривошеково (1034), Верткова (969) и Перова (795 га). Левобережные населенные пункты объединили в один Заобский район (р-н). Огромная территория Заобского р-на подлежала застройке в соответствии с генеральным планом «Гипрогора». В юго-западной части, преимущественно на землях Бугров и Перовой, планировалось строительство социалистического города для рабочих «Сибкомбайна» и Лыночесальной фабрики. Усть-Иня существовала некоторое время как самостоятельный район (Инюшенский – от бытовавшего просторечного названия Усть-Ини – «Инюшка»). Однако вскоре Усть-Иня вошла в состав Закаменского р-на, который в 1929 г. переименовали в Октябрьский. По данным 1932 г., Большая Нахаловка отделилась от Вокзального р-на и стала самостоятельным районом. Кроме того, от Вокзальной части отделился Ельцовский р-н, территориально сложившийся в окрестностях реки Первой Ельцовки (прообраз современного Заельцовского р-на). В это же время на северо-восточной окраине города заложили Горнозаводский р-н, а на юго-восточной окраине – Инской р-н (прообраз современного Первомайского)². В 1933 г. Горнозаводский р-н переименовали в Дзержинский, а Инской вскоре стал носить имя Эйхе. В 1935 г. Вокзальный р-н переименовали в Кагановичевский.

¹ ГАНО, ф. Р-11, оп. 2, д. 6, л. 9.

² Город Новосибирск и район: эконом. справочник. – Новосибирск, 1932. – С. 54.

Во второй половине 1930-х гг. были устранены мелкие районы, осталось пять крупных: Кагановичевский, Октябрьский, Кировский (бывший Заобский), Первомайский и Дзержинский. Однако такое районирование оказалось неудобным. Райсоветам было трудно справиться с хозяйственными и административными проблемами. Было предложено разукрупнить Дзержинский, Октябрьский и Кагановичевский р-ны: из этих трех районов создать пять, снова выделив Центральный и Ельцовский. В переформирование районов вкладывалась идея их функционального разделения. По замыслу горкома ВКП(б) и горсовета, Центральный р-н становился административным, культурным и торговым центром; Дзержинский – промышленным (здесь предполагалось развивать «Сибмашстрой» и «Сибтрикотажстрой»); Ельцовский – центром пищевой и легкой промышленности; Кагановичевский – транспортно-промышленным узлом, Октябрьский – центром металло- и деревообрабатывающей промышленности; Первомайский – железнодорожным, Кировский – машиностроительным. Областной комитет ВКП(б) одобрил данный замысел¹. Но в действительности, кроме Ельцовского и Центрального, заново возник Ипподромский р-н. В 1939 году Ельцовский р-н переименовали в Заельцовский. Таким образом, в 1939 г. городских районов в Новосибирске стало восемь.

Административная чехарда в истории оформления городского районирования Новосибирска демонстрирует специфику процесса освоения властями и населением ускоренно росшей территории Новосибирска. Властям и населению, несомненно, непросто и далеко не всегда удобно было жить и работать в условиях, когда городская территория неравномерно осваивалась в экономическом, демографическом и культурном смыслах. Поэтому в довоенный период испытывались разные варианты районирования города, ведь имелаась необходимость сочетать цели ускоренного роста Новосибирска и более или менее комфортного состояния его населения.

На протяжении трех десятилетий, с самого момента основания, Новониколаевск–Новосибирск был тесно связан с сельской округой, которая постепенно входила в его городскую черту. Поэтому при изучении специфики повседневной жизни новониколаевцев нам не избежать учета и анализа некоторых сюжетов из жизни крестьян этих населенных пунктов, хотя в целом среда и повседневность населения новоси-

¹ НГГА, ф. Р-331, оп. 1, д. 132, л. 14.

бирского пригорода – это проблематика, выходящая за пределы нашего исследования.

Заметим и то, что к концу 30-х гг. Новосибирск опередил все города Сибири в демографическом отношении. По данным А.С. Московского и В.А. Исупова, уже в 1933 г. Новосибирск сделался региональным лидером по численности населения. Это подтверждено официальными статистическими материалами. В 1920 г. здесь проживало только 68 тыс. человек, к 1923 г. численность населения несколько возросла, достигнув 76,5 тыс., в 1926 г. в Новосибирске расселялось уже более 120 тыс., в 1929 – более 140, в 1933 – 278 тыс., а в 1939 г. – 404,4 тыс. человек¹.

Хронологические рамки нашего исследования ограничены периодом между второй половиной декабря 1919 г. и июнем 1941 г. Весь этот период можно условно назвать межвоенным. В середине декабря 1919 г. в Новониколаевске была восстановлена советская власть. Выгодное географическое положение и успешное развитие предшествующего периода обусловили его стремительное превращение в крупнейший центр политической, государственной и хозяйственной власти на востоке России. В 1919–1920 гг. здесь временно располагался центр Томской губернии, а в июне 1921 г. была учреждена Новониколаевская губерния с центром в нашем городе. С лета 1921 по 1924 г. здесь располагалось Сибирское бюро ЦК РКП(б), передавшее в 1924 г. свои полномочия Сибирскому краевому комитету РКП(б). В 1921–1925 гг. здесь осуществляли властные функции Сибирский революционный комитет (Сибревком), другие «общесибирские» учреждения. В 1925–1930 гг. Новониколаевск – центр огромного Сибирского края, в 1930–1937 гг. – Западно-Сибирского края. В 1937 г. из состава последнего выделена Новосибирская обл., но ее территория до середины 1940-х гг. была гораздо обширнее нынешней.

Относительная стабилизация политической ситуации в городе и его новое административное значение существенно повлияли на состояние городской среды и городскую повседневность. В 1920-е гг. перестраивалась вся система экономических, социально-политических и культурных отношений, однако конец этого десятилетия вновь был обусловлен структурной ломкой во всех сферах жизни советского общества. Повседневность изменялась под воздействием данных аспектов,

¹ Московский А.С., Исупов В.А. Указ. соч. – С. 145.

поэтому в рамках своего исследования мы вводим внутреннее хронологическое деление на два этапа в развитии городской среды и городской повседневности Новониколаевска–Новосибирска. *Первый этап* охватывает временной промежуток между второй половиной декабря 1919 г. и 1928 г. (включительно). *Второй этап* – время с 1929 по июнь 1941 г. Четко выделить рубеж между двумя этапами проблематично. История повседневности – это не событийная история, повседневность не меняется одномоментно. Поэтому 1928–1929 гг. мы считаем сугубо условным рубежом между двумя хронологическими этапами истории городской повседневности Новосибирска. Это годы начала «великого перелома», прекращения активной внутрипартийной борьбы 20-х гг., первые годы первой пятилетки, начало ощутимого усиления роли директивного планирования в экономике.

Первый из обозначенных этапов характеризуется хозяйственной разрухой, которая стала тяжелым испытанием для городских обывателей, а также последующим процессом восстановления хозяйства страны и опытом введения нэпа. Резкие изменения на уровне своей повседневной жизни горожане ощутили с окончанием нэпа и началом в стране первой пятилетки: форсированная индустриализация и коллективизация коснулись интересов и частной жизни каждой новосибирской семьи. Как стремительно варьировалась политическая и экономическая жизнь страны в эти десятилетия, так же и городская повседневность конца 1930-х гг. выглядит совершенно в ином колорите, нежели 10–20-ю годами раньше. Исторические процессы 1930-х гг. не получили для горожан ожидаемого развития в начале 40-х гг., когда СССР вступил в Великую Отечественную войну. Военный период развития городской среды и городской повседневности Новосибирска характеризуется, как, в частности, показывают последние исследования¹, колоссальными изменениями и экстремализацией ситуации. Поэтому военный период целесообразно изучать отдельно. Избранный нами мирный, хотя и очень тяжелый для страны и Новосибирска более чем 20-летний межвоенный, период позволяет выявить динамику городской среды и городской повседневности, проследить их развитие.

Выделенные нами два этапа в развитии городской среды и городской повседневности Новосибирска приблизительно совпадают со вто-

¹ Букин С.С. Жизненная среда Новосибирска в военное лихолетье // Сибирь – фронту. – Кемерово, 2000.

рым и третьим десятилетиями XX в. Поэтому в своей работе мы иногда условно называем первый этап «двадцатыми» годами XX в., а второй этап – «тридцатыми» годами.

Историософским основанием нашего исследования является *теория модернизации общества*, сформулированная в основных чертах в 1950–1960-е гг. представителями западной социологической, политологической и экономической мысли (Р. Арон, Дж. Гэлбрейт, П. Сорокин, У. Ростоу и др.). Специфика протекания модернизационных процессов в России охарактеризована В.В. Алексеевым, И.В. Побережниковым, А.С. Сеньевским и др.¹ Развитие городской повседневности Новосибирска в межвоенный период рассматривается нами в контексте длительного всеобъемлющего перехода от традиционного общества к «современному», или «индустриальному». Под «современным» обществом мы понимаем общество, истоки которого возникают в недрах европейской цивилизации и постепенно распространяются по миру, влияя, в том числе, и на развитие российского общества. Современный историк В.Т. Рязанов выделяет следующие характеристики, присущие «индустриальному» обществу: урбанизм, преобладание инноваций над традициями, высокая социальная мобильность населения, доминирование индустриальной сферы экономики над аграрной, светский характер власти и образования, рационалистический тип поведения людей и др.² Модернизационные процессы отчетливее всего проявлялись, конечно, именно в городах³. Модернизация затрагивала все сферы жизни общества, очевидным было ее влияние и на городскую повседневность.

Наше исследование строится на локальном в отношении территориальных рамок материале. Новосибирск – не типичный сибирский город. Его выделяют из числа других особенное географическое местоположение (центральное и, по выражению Г.М. Лаппо, в высшей степени «узловатое»⁴), высокие темпы демографического и территориального роста, быстрое повышение административного, экономическо-

¹ Опыт российских модернизаций, XVIII–XX вв. – М., 2000.

² Рязанов В.Т. Экономическое развитие России: реформы и российское хозяйство в XIX–XX вв. – СПб., 1998. – С. 28.

³ Скубневский В.А., Гончаров Ю.М. Города Западной Сибири во второй половине XIX – начале XX в. – Барнаул, 2003. – Ч. 1. – С. 4.

⁴ Лаппо Г.М. Указ. соч. – С. 439.

го и культурного значения. Поскольку мы изучаем развитие повседневной жизни под воздействием модернизации одного города, целесообразно применение *локального исследовательского подхода*. Использование локального подхода предполагает концентрацию внимания на особенностях исторического развития конкретного города, в данном случае Новосибирска, с учетом общероссийского и мирового контекста.

Формулировка темы данного исследования предполагает также работу в рамках современного антропологически ориентированного исследовательского подхода, известного в западной и отечественной литературе как *история повседневности*. На сегодняшний день нет универсального представления о том, какое значение следует вкладывать в понятие «повседневность». Имеются существенные разночтения между специалистами разных школ «истории повседневности». Историк М.М. Кром подчеркивает, что «повседневность – это условная конструкция, и она возникает в тот момент и принимает такие очертания, какие и когда разграничения мы проводим между сферами общественной жизни»¹. Поэтому становится неизбежной попытка собственной концептуализации понятия «повседневность». Данный подход генетически связан с традицией бытописания XIX в., но современная «история повседневности» имеет более сложные задачи, нежели детальное описание различных аспектов бытовой жизни людей прошлого. Взгляд на прошлое Новосибирска под углом зрения истории повседневности дает возможность увидеть круг не замеченных до сих пор исследователями проблем, связанных с элементарными человеческими потребностями, возможностями их реализации в специфичных условиях среды и инфраструктуры быстро растущего сибирского города, с отношением обывателей к собственным будням и каждодневным проблемам.

Человеческие потребности, даже самые элементарные – биологические, формируются под значительным влиянием социокультурных условий, в которых живет человек. Порождением таковых условий эпохи можно считать и быт. Поэтому наше исследование не ограничивается задачей выяснения бытовых аспектов жизни горожан. В более широ-

¹ Кром М.М. Повседневность как предмет исторического исследования // История повседневности и культурная история Германии и Советского Союза, 1920–1950-е гг. – Харьков, 2004. – С. 12.

ком плане нас интересует проблема адаптации населения быстро растущего сибирского города к сложным экономическим, социально-политическим и культурным обстоятельствам, которые складывались в стране, в Сибирском регионе и конкретном городе Новониколаевске–Новосибирске.

Развитие городской повседневности Новосибирска 20–30-х гг. XX в. мы рассматриваем в тесной взаимосвязи с эволюцией городской среды – обжитого городского пространства, сложившейся системы городских путей, границ, ориентиров и «узлов»¹, поскольку человек, живущий в городе, неизменно обращается к городской среде в целях реализации своих потребностей. Концентрация населения в городах испокон веков во многом связана со стремлением людей качественнее удовлетворить свои потребности. Город, который сам по себе является одним из символов цивилизованности общества, служит, кроме всего прочего, стремлению людей удовлетворять их потребности. *Взаимодействие городского населения с городской средой в целях удовлетворения многообразных потребностей горожан мы и называем «городской повседневностью».* Связь между человеческими потребностями и городской средой на повседневном уровне не является односторонней. С одной стороны, она выражается в целеполагании активности человека по отношению к городской среде, в форме, способе и процессе осуществления этой активности и в конечном ее результате. С другой стороны, указанная взаимосвязь проявляется в потенциале, которым обладают различные объекты городской среды, существующие для реализации потребностей горожан.

*Под потребностью мы подразумеваем состояние индивида, создаваемое испытываемой им нуждой в объектах, необходимых для его существования и развития и выступающих источником его активности*². Существуют различные классификации потребностей человека. В своем исследовании мы опирались на концепт «пирамиды потребностей» психолога А. Маслоу. «Пирамида» представляет собой иерархию потребностей. Маслоу считает, что наиболее сильными и примитивными являются биологические потребности человека (потребности в пище, жажда, потребность в укрытии от стихии, в отдыхе и др.). Потребности более высокого порядка связаны со стремлением человека к

¹ Линч К. Образ города. – М., 1982. – С. 50–82.

² Краткий психологический словарь. – Ростов-на-Дону, 1998. – С. 270.

безопасности (потребность в стабильности, в избавлении от страха и хаоса, в защите, в ограничениях и т. п.). Следующая ступень «пирамиды» – потребности в принадлежности и любви. Высшие потребности человека – в признании, самоактуализации, познании, понимании и красоте. Все потребности человека проявляются в комплексе, они взаимосвязаны и взаимообусловлены¹.

Потребности человека слишком разнообразны, поэтому задача изучения городской повседневности Новосибирска межвоенного периода во всей полноте не может быть решена в рамках одного исследования. Теоретический концепт нашего исследования шире конкретного исторического содержания этой монографии. На данном этапе мы ограничиваемся главным образом лишь изучением того, как горожане Новониколаевска–Новосибирска старались реализовать свои первичные *биологические потребности*, вступая во взаимодействие с городской средой.

Идея изучения городской повседневности как взаимосвязи между потребностями городских жителей и городской средой не является принципиально новой. Культуролог В.Д. Лелько предлагает считать пространством городской повседневности территорию города, которая используется для удовлетворения «повседневных» потребностей горожан. Согласиться с такой формулировкой сложно. Категория потребности – психологическая, а психологи не выделяют класса «повседневных» потребностей. Вне зависимости от обстоятельств: будний день, или праздничный, человеку необходимы питание, отдых и т. п. В.Д. Лелько включает в перечень повседневного пространства города места торговли, общественного питания, получения питьевой воды, транспортные артерии, места труда, рабочие зоны². Все эти объекты городской среды, по мнению Лелько, ассоциируются с рутинной и серостью. Однако, на наш взгляд, это далеко не всегда так. Праздник и будний день, обыденная и необычная обстановка воспринимаются человеком субъективно. Функции стабильных объектов городской среды могут варьироваться в зависимости от ситуации. Праздничный день может оказаться наполненным самыми рутинными и тяжелыми заботами, а в обыкновенном «месте общественного питания» могут регу-

¹ Маслоу А. Мотивация и личность. – СПб., 2001. – С. 65–155.

² Лелько В.Д. Повседневность как предмет культурологического исследования // День петербургской философии. – 2002. – СПб., 2002. – С. 141–142.

лярно устраиваться шумные праздники. Поэтому, изучая городскую повседневность, целесообразнее выделять те объекты городской среды, которые так или иначе связаны с обеспечением определенной группы потребностей городского населения, а не по ассоциациям с «рутиной» и «серостью».

Локально-историческое исследование в русле истории повседневности органично сочетается с другим, родственным ему, антропологически ориентированном подходом, известным в зарубежной и отечественной историографии как *«устная история»*. Использование этого подхода позволяет существенно расширить источниковую базу нашего исследования и помочь в интерпретации устных свидетельств старожилов Новосибирска – очевидцев процесса развития городской повседневности в период между гражданской и Великой Отечественной войнами. Устные источники наиболее «живо» отражают специфику потребностей горожан 20–30-х гг. и мотивы поведения городских обывателей.

В числе *общенаучных и конкретно-исторических исследовательских методов* нами применялись анализ и синтез материала, сравнительно-исторический и историко-генетический методы. В работе показано поэтапное развитие городской повседневности Новосибирска, сопоставляются характерные для разных периодов ситуации.

Источниковая база данного исследования представлена материалами разных типов, которые выделяются нами, исходя из способа отражения в этих источниках исторической информации. Мы использовали письменные, устные, визуальные и вещественные источники. Часть письменных источников, привлекавшихся нами к исследованию, опубликована, однако в значительной степени исследование основано на неопубликованных материалах, хранящихся в столичных и сибирских архивах: Российском государственном историческом архиве (РГИА), Государственном архиве Российской Федерации (ГАРФ), Российском государственном архиве экономики (РГАЭ), Государственном архиве Новосибирской обл. (ГАНО), Новосибирском государственном городском архиве (НГГА), Государственном архиве Омской обл. (ГАОО), а также в коллекции биографических материалов кафедры отечественной истории Новосибирского государственного педагогического университета (НГПУ). Преимущественно неопубликованными являются и визуальные источники, которые хранятся в городских музеях: Новосибирском государственном краеведческом музее (НГКМ), Музее исто-

рии Октябрьского р-на г. Новосибирска, в частных коллекциях и семейных фотоальбомах.

К числу *письменных источников*, положенных в основу нашего исследования, относятся, в первую очередь, опубликованные законодательные материалы межвоенного периода¹ и директивные документы высших органов Коммунистической партии: съездов, конференций, пленумов ЦК, Сиббюро ЦК РКП(б)². В контексте избранной темы использование источников этого вида обусловлено необходимостью соотнесения реалий городской повседневности Новониколаевска–Новосибирска с широкими контекстами жизни советского государства. Специализированные сборники законодательства по коммунальному и жилищному хозяйству, где приводятся извлечения из гражданского кодекса, постановления ВЦИК и СНК, инструкции и циркуляры НКХ РСФСР и т. п., особенно важны для нас, поскольку изучение городской среды Новосибирска межвоенных лет сопряжено с обращением к вопросам развития градоустройства, коммунального и жилищного хозяйства страны³. Директивные решения высших партийных органов лежали в основе законодательной и практической деятельности государства, поэтому данная группа источников позволяет составить обзорное представление о внутриполитической жизни советского государства.

Задача представить городскую среду и городскую повседневность в динамике побудила нас обратиться к дореволюционному законодательству, представленному «Городовым положением» 1892 г. Использование этого документа позволяет увидеть кардинальную ломку и перестройку всей системы городского хозяйства, происходившую уже в начале 1920-х гг. как в Новониколаевске, так и в других городах страны⁴.

¹ Декреты Советской власти. – М., 1957–1989. – Т. 1–13; Основной закон (Конституция) СССР 31 янв. 1924 г. – Режим доступа: <http://www.hist.msu.ru>; Конституция (Основной Закон) СССР 5 дек. 1936 г. // Там же; Гражданский кодекс РСФСР 1922 г. // Кодификация российского гражданского права. – Екатеринбург, 2003. – С. 607–773.

² КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898–1986). – 9-е изд., доп. и испр. – М., 1983–1989. – Т. 1–7 и др.

³ Коммунальное и жилищное хозяйство: кодифицированный сборник РСФСР. – М., 1933; Михальченко А.Н., Пальгов А.Д. Коммунальное законодательство. – Пятигорск, 1936.

⁴ Городовое положение, высочайше утвержденное 11 июня 1892 г., с приведением узаконений, на которые в тексте статей его сделаны ссылки, а также

Важными источниками для исследования являются директивные материалы регионального и городского значения: документы Сибревкома¹, Президиума Западно-Сибирского крайисполкома², обязательные постановления Новониколаевского–Новосибирского горсовета и горисполкома, публиковавшиеся в местных газетах. Нормативные источники местных советских органов власти позволяют судить о насущных проблемах городской среды и городской повседневности Новосибирска, поскольку их появление было обусловлено необходимостью корректировки имевшейся ситуации.

Пожалуй, самый обширный пласт источников нашего исследования представлен неопубликованными делопроизводственными материалами (организационной и распорядительной документацией, текущей перепиской учреждений и предприятий, протоколами собраний, учетной, отчетной и контрольной документацией, инструкциями, докладными записками и т. п.) из 38 фондов шести архивов страны. Мы ознакомились с некоторыми делами из делопроизводственной документации Земского отдела Министерства внутренних дел (РГИА, ф. 1291); собственной его императорского величества Канцелярии (РГИА, ф. 1409); Министерства продовольствия Сибирского временного правительства (ГАОО, ф. Р-147); Министерства снабжения Сибирского временного правительства (ГАОО, ф. Р-1072); Народного комиссариата внутренних дел РСФСР (ГАРФ, ф. Р-314); фонда Коммунальных предприятий РСФСР (ГАРФ, ф. Р-4041); Управления сельского, городского и промышленного строительства (Архитстроя) Главного управления государственного строительства ВСНХ СССР (РГАЭ, ф. 1365). Большая часть изученных нами делопроизводственных источников хранится в фондах торговых, промышленных, коммунальных предприятий Новосибирска, учреждений здравоохранения. Все эти источники освещают огромное количество фактов и деталей из истории городской среды и городской повседневности Новосибирска 1920–

разъяснение извлеченных из кассационной практики. – СПб., 1892; Городовое положение 11 июля 1892 г. с относящимися к нему узаконениями, судебными и правительственными разъяснениями. – СПб., 1894.

¹ ГАНО, ф. Р-1, оп. 1.

² Западно-Сибирский край. Исполнительный комитет Советов: Официальный сборник важнейших законов правительства, постановлений и распоряжений Западно-Сибирского крайисполкома. – Новосибирск, 1930–1937.

1930-х гг. – от городской застройки до эпидемий и ассортимента торговых палаток на базарах. Стоит отметить, что документы центральных архивов содержат обычно сжатую отчетную информацию, в то время как в местной делопроизводственной документации нередко так или иначе выражается отношение новосибирцев к различным объектам городской среды, к собственной повседневной жизни.

Статистические источники нашего исследования представлены как неопубликованными, архивными материалами, так и опубликованными свидетельствами. Неопубликованная статистика, послужившая источниками нашего исследования – это материалы фондов ГАНО № Р-11 и Р-1989: документация по проблемам демографии, конъюнктурные обзоры новосибирского рынка за определенные месяцы, числовые данные о хозяйственной жизни в Новосибирском округе, документация об экономическом состоянии жилищного фонда города и т. п.

К числу опубликованных статистических источников относятся, прежде всего, статистические сборники, посвященные вопросам коммунального хозяйства РСФСР и СССР, где имеются данные и по состоянию коммунального хозяйства Новосибирска¹. Данная группа источников дает возможность сравнивать ситуацию в Новосибирске с положением в других городах страны, учитывать общесоюзный контекст развития городской среды и повседневности Новониколаевска–Новосибирска. Важно, что источники этой группы содержат не только «голые» цифры, но и обобщающие материалы – статьи и справки авторов-составителей. Выявлению специфики развития городской среды и повседневности Новосибирска в межвоенный период способствовало обращение к дореволюционным статистическим данным, представленным в обобщающих сборниках «Города России в 1904 г.» и «Города России в 1910 г.»². Также к числу опубликованных источников этого вида относятся статистические сборники по г. Новониколаевску–Ново-

¹ Коммунальное хозяйство РСФСР. – М., 1925; Города Союза ССР. – М., 1927; Коммунальное хозяйство РСФСР к началу 1928 г. – М., 1929; Коммунальное хозяйство СССР к концу пятилетки: основные итоги переписи коммунального хозяйства 1932 г. – М., 1935; Коммунальное хозяйство РСФСР к началу 1937 г.: краткий стат. справочник. – М., 1938.

² Города России в 1904 г. – СПб., 1906; Города России в 1910 г. – СПб., 1914.

сибирску и по Новониколаевской губернии¹. Данные, содержащиеся в этих источниках, дают нам основания судить о городской среде Новониколаевска до начала индустриализации, сопоставлять характеристики повседневности губернского города с ситуацией в малых окрестных городах.

Особую группу статистических источников составляют специализированные периодические сибирские издания статистического характера². В этих изданиях публиковались результаты исследований, построенных на анализе статистических данных по региональной социально-экономической проблематике. Отдельные идеологически обусловленные выводы, которые делались авторами этих изданий, не всегда вызывают согласие в наше время. Однако в значительной степени благодаря трудам этих статистиков сегодня мы можем судить о структуре питания различных слоев городского населения, ценах на продукты, об обеспеченности горожан жильем, причинах смертности и прочих аспектах новосибирской повседневности в межвоенный период.

Важными источниками нашего исследования стали межвоенные справочные издания, построенные как на материалах всего региона, так и на материалах Новосибирска³. В старых справочниках приведены сведения о численности и составе городского населения, административно-территориальном делении города, о планах и проектах строительства в городе, уровне развития коммунального и жилищного хозяйства, об экономической и культурной ситуации в городе. Важно, что справочники содержат различные адреса: учреждений, предпри-

¹ Статистический сборник по г. Новониколаевску. – Новониколаевск, б. г.; Новониколаевская губ.: Стат. очерк.

² Статистика Сибири. – 1930–1931; Статистический бюллетень. – 1924–1929; Бюллетень рынка и цен Сибирского края. – 1926.

³ Вся Сибирь: справочная и адресная книга на 1924 г. – Л., 1924; Вся Сибирь с включением Уральской обл.: справочная и адресная книга на 1925–1926 гг. – М., 1925; Вся Сибирь и Дальний Восток: справочная книга на 1926 г. – Л., 1926; Весь Новониколаевск. – М., 1925; Весь Новосибирск. – М., 1931; Новосибирская обл.: экономико-географическое описание. – Новосибирск, 1939; Новосибирская обл. в 1939 г. – Новосибирск, 1940; Новосибирск: справочник по городу и району. – Новосибирск, 1935; Сибирь в 1923–1924 гг. – Новониколаевск, 1925; Список абонентов Новосибирской АТС. – Новосибирск, 1938; Справочник милиционера по г. Новосибирску. – Новосибирск, 1939; Город Новосибирск и район.

ятий, контор, врачей и т. п. Полезными оказались для нас списки переименованных улиц с указанием их принадлежности тому или иному району. Эти справочники позволяют современному исследователю, как и их современникам, ориентироваться в старом Новосибирске. Однако стоит отметить некоторую приукрашенность реальной обстановки: в справочниках, особенно 1930-х гг., много внимания уделено планам и проектам, меньше – реальным достижениям.

Пресса составляет существенную долю источников нашего исследования. В своем исследовании мы широко использовали публикации довоенных новосибирских журналов разной направленности: специализированных профессиональных¹ и общественно-литературных². Новониколаевский журнал «Советская жизнь» интересен обзорами экономического состояния нашего региона, характеристиками планов и стратегий реконструкции хозяйства и социалистического строительства. Информативными в контексте темы нашего исследования являются статьи, посвященные коммунальному хозяйству Новосибирска, жилищному вопросу. Журналы богаты обзорными и обобщающими материалами, позволяющими судить о санитарном состоянии городов Сибири и Новониколаевска в их числе, об эпидемической ситуации в городе, о причинах смертности и других вопросах, связанных со здоровьем и санитарно-гигиенической культурой горожан. Литературно-просветительные журналы, выходившие в Новосибирске в 20–30-е гг., помогают понять специфику интересов, вкусов и потребностей их читателей, в первую очередь – горожан. Будучи одним из средств формирования взглядов населения региона, эти журналы в определенной степени отражают уровень просвещенности и образованности их адресатов.

Очень информативным и перспективным источником изучения проблем истории городской повседневности следует считать местные газеты. Они содержат не только богатый фактический материал, но и фиксируют первичную, необработанную общественную рефлексию. Из газет можно узнать не только адреса и имена, получить сведения об интересах и заботах обывателей, но и ознакомиться с их представле-

¹ Советская жизнь. – 1922; Сибирский медицинский журнал. – 1922–1928; Сибирский клиничко-профилактический журнал. – Новосибирск, 1930.

² Сибирские огни. – 1922–1941; Красная сибирячка. – 1922–1939; Сибирь. – 1925–1926.

ниями о собственной среде жизнедеятельности и суждениями о качестве повседневной жизни. В процессе работы мы обращались к значительному числу газет краевого и городского значения. В их числе: региональная газета «Советская Сибирь» (1922–1940 гг.), профессионально ориентированные газеты «Сибирский гудок» – издание ЦК Профсоюза работников железнодорожного и водного транспорта СССР (1922–1926 гг.) и «Красноармейская звезда» – еженедельное издание РВС Западно-Сибирского военного округа (1923–1926), а также краевая молодежная газета «Путь молодежи» (1923–1926); ежедневные городские газеты «Красное знамя» (1920), «Дело революции» (1920–1921), «Трудовой путь» (1922) и «Большевик» (1923 г.).

Использование газет, адресованных разным кругам читателей, позволяет не только открывать новые фактические сведения, но и сопоставлять содержание различных изданий. Например, параллельное прочтение «Большевика», «Советской Сибири», «Красноармейской звезды» и «Сибирского гудка» за 1923 г. дает возможность выявить наиболее актуальные проблемы городской повседневности, вычленить самые значимые события (о них сказано во всех изданиях), увидеть специфику повседневной жизни обитателей Вокзальной части города или Военного городка, что особенно важно в контексте локально-исторического исследования. Стоит сказать, что газетные комплексы 1920-х и 1930-х гг. заметно отличаются. Во-первых, в 1930-е гг. выходило меньше различных изданий. Во-вторых, содержание разных газет варьировалось куда меньше, чем в предыдущем десятилетии. Поэтому информативность «Красноармейской звезды», газеты «Хозяин города» и других изданий, выходивших одновременно с «Советской Сибирью», резко понижается, содержание во многом дублируется. Газеты периода хозяйственной разрухи наиболее информативны: они еще не так идеологически выдержаны и грамотно оформлены, нежели издания 30-х гг.

Еще один значимый для нашего исследования вид письменных источников – художественная литература, представленная произведениями сибирских писателей и поэтов¹. Данные произведения, в кото-

¹ Зазубрин В.Я. Общежитие // Сиб. огни. – 1923. – № 5/6. – С. 72–97; Он же. Щепка // Зазубрин В.Я. Общежитие. – Новосибирск, 1990. – С. 137–196; Лавров И.М. Мои бессонные ночи. – Новосибирск, 1977; Самохин Н.Я. Где-то в городе на окраине. – Новосибирск, 1986. – С. 3–146; Изонги Н. Три столицы //

рых местом действия был Новониколаевск, написаны очевидцами процессов развития повседневности этого города, в них отражены бытовые аспекты жизни в городе и умонастроения обывателей.

В процессе исследования нами привлекались воспоминания старожилов Новосибирска: 1) не опубликованные, собранные под руководством проф. В.А. Зверева, из коллекции биографических материалов кафедры отечественной истории НГПУ¹; 2) опубликованные, главным образом в двух сборниках мемуаров².

Тексты сборников «Мой Новосибирск» и «Память сердца» – довольно информативные источники для нашего исследования. В этих воспоминаниях освещаются преимущественно более интересные современным читателям сюжеты из повседневной жизни горожан. Поэтому некоторые свидетельства мемуаристов представляют для нас особенный интерес, как по причине описания в них фактов, более нигде не зафиксированных, так и в силу специфики рефлексии авторов над этими фактами. Неопубликованные мемуарные тексты, как правило, менее объемны, они далеко не всегда имеют сюжет, часто не продуманы по композиции, в таких текстах редко отражена глубокая рефлексия автора над собственными словами. Объектом воспоминаний в неопубликованных мемуарах чаще выступают события, нежели личные переживания автора, оценки событий часто вовсе отсутствуют, а если и имеются, то носят по большей части консервативный характер. Это объясняется тем, что воспоминания собирались в 1984–2005 гг. студентами, впервые выполнявшими подобное учебное задание. Информаторы далеко не всегда были готовы самозабвенно отдаться процессу воспоминания и осмысления своего прошлого. Однако такова специфика этой группы источников, которые обладают и особенностями, позволяющими считать их достаточно информатив-

Сиб. огни. – 1925. – № 4/5. – С. 121; Она же. Обь // Там же. – 1925. – № 3. – С. 104; Крымская Л. Провинция // Там же. – 1927. – № 3. – С. 93; Она же. Улица // Там же. – 1925. – № 4/5. – С. 120; Мухачев И. Обь // Там же. – 1930. – № 5. – С. 69 и др.

¹ См.: Зверев В.А., Конева Е.В. Коллекция биографических материалов на кафедре отечественной истории НГПУ: происхождение, содержание, перспективы использования // История и культура Сибири в исследовательском и образовательном пространстве. – Новосибирск, 2004. – С. 53–56.

² Мой Новосибирск: книга воспоминаний. – Новосибирск, 1999; Память сердца: воспоминания новониколаевцев. – Новосибирск, 2003.

ными. Это и свободный, не ограниченный определенной темой, поток сознания мемуариста, отсутствие редакторской переработки текста, большое разнообразие социального происхождения авторов воспоминаний и мелких фактов из будничной жизни обывателей, о которых говорится в мемуарах. Мемуаристы описывают Новосибирск, каким они его запомнили с детских лет, свой родной дом и двор, говорят о повседневной одежде, пище, занятиях, о довоенной морали, взаимоотношениях и т. п.

Безусловно, в мемуарах мы не увидим прямого отображения переживания обывателями 20–30-х гг. новосибирской городской среды и городской повседневности. Это переживание опосредовано временным разрывом между прошлым и настоящим, а также письменным текстом, в котором воспоминания зафиксированы. Нужно обладать литературным талантом, чтобы максимально адекватно выразить словами свое настроение и свои впечатления. Кроме того, «время и память нас обманывают, а мы этого даже не замечаем», – эта справедливая мысль Н.А. Бердяева характеризует любые мемуары¹.

Мы использовали и *устные воспоминания* новосибирских старожилов. Стоит отметить, что разграничение этой группы источников с оформленными в письменные тексты воспоминаниями несколько условно. В современной исторической науке нет общепринятого представления о том, что можно считать именно устным источником. В западной историографии устными источниками считаются только звукозаписи интервью, всевозможных речей, выступлений, событий и радиопередачи². Отцы «устной истории» Дж. Эварте Эвансе, П. Томпсон, А. Портелли подчеркивали особенную важность именно звучания устных источников, полагая, что от формы хранения информации принципиально зависят эпистемологические особенности работы с источником. Отечественные специалисты не так строги в определении круга устных источников. С.О. Шмидт называет устными источниками «разговорную речь, каким-либо образом зафиксированную, фольклор, памятники письменности, звукозаписи, аудиовизуальные

¹ Бердяев Н.А. Самопознание // Избр. произв. – Ростов-на-Дону, 1997. – С. 503.

² Parks R. Listening to the past // History today. – 2000. – № 11. – P. 36.

источники»¹. По нашему мнению, такая предельно широкая и размытая трактовка понятия «устный источник» осложняет систематизацию всего круга использованных нами источников и не позволяет выделить специфику именно «звучащей речи» рассказчиков.

Согласно представлениям отечественных источниковедов о специфике устных источников, нам следовало бы объединить в одну группу аудиозаписи бесед со старожилами Новосибирска и тексты записей интервью, взятых студентами у пожилых людей. Однако очевидна разница между этими двумя группами источников. В первом случае мы имеем дело с предельно точной фиксацией интервью, во втором случае неизбежны авторская переработка и редакция устных свидетельств. В звукозаписях устных воспоминаний важны оговорки, интонации рассказчиков, «уходы» от основной темы, даже особенности построения фраз. Устные рассказы хороши непосредственностью изложения мыслей информаторами. Для исследователя важны суждения респондентов, их субъективные представления о фактах и их оценки. Конечно, память человека – не отлаженный механизм. Рассказы информаторов часто обрывочны и не всегда точны. С одной стороны, это обстоятельство дает исследователю пищу для размышления: почему человек забыл тот или иной интересный нам сюжет; с другой стороны, оно осложняет работу, ведь на некоторые частные вопросы из истории повседневной жизни сегодня могут ответить только старожилы. С целью записи устных воспоминаний нами была составлена примерная опросная анкета и проведены интервью тринадцати старожилов Новосибирска из разной социальной среды и четырех респондентов среднего возраста, рассказывавших о повседневной жизни Новониколаевска, опираясь на слова родителей и других старших современников. Все беседы проводились в Новосибирске в период 1998–2005 гг. Аудиозаписи бесед хранятся на кафедре отечественной истории НГПУ.

В числе *визуальных свидетельств* нами использовались картографические материалы, натурально-изобразительные источники, представленные фотоматериалами из семейных альбомов новосибирцев и музейных коллекций, художественно-изобразительные материалы.

Старые карты и планы местности помогают в определении территориальной организации пространства города: местонахождения рай-

¹ Шмидт С.О. Путь историка: избр. труды по источниковедению и историографии. – М., 1997. – С. 99.

онов, тех или иных улиц, площадей, парков, других узлов. На старых картах нашли отражение топонимы, которые не используются в современном Новосибирске, но широко применялись в 20–30-е гг. Стоит отметить, что планы города отражают систему улиц и городских узлов в обобщенном виде, поэтому использование планов требует обычно уточнения с помощью других источников. В числе использованных источников этого вида: исторические планы города, отреставрированные и обработанные современными специалистами¹, а также картографические материалы из фондов ГАНО (ф. Р-270)²; карта Новосибирского р-на 1932 г., по которой можно судить о расширении городской черты в начале 1930-х гг.³; ряд документов Новониколаевского губернского и уездного земельного фонда (1914–1932), среди которых съемочные планы, планы отвода и отмежевания земель, проекты земельных наделов⁴, некоторые документы фонда коммунального хозяйства НГГА, свидетельствующие о характере использования отдельных городских земель⁵.

Фотоисточники, использовавшиеся нами, хранятся в частных семейных альбомах новосибирцев (Н.Б. Астаниной, Т.Р. Дугалюковой, А.В. Забелиной, Е.Л. Изергиной, Е.А. Карымовой, В.С. Кукуевой, В.К. Лобановой, Л.В. Петровой, В.Г. Саченко, З.Б. Ткаченко, Н.М. Якименко) и в коллекции фотоматериалов Новосибирского государственного краеведческого музея. Наиболее интересные снимки из частных альбомов опубликованы нами в книге «Новой быт Сибирского Чикаго»⁶. Фотоисточники обладают разной степенью информативности, которая зависит, в частности, от наличия подписей и комментариев владельцев альбомов. Все использованные нами снимки выполнены профессиональными фотографами. Некоторые снимки отмечены логотипами и печатями новосибирских фотографов 20-х гг.: Н.П. Борцова, В.Е. Паньшина, И.Ф. Синцева, М.Д. Товстоуха, Р. Шаля, Ф.А. Шев-

¹ Новосибирск: историко-географический атлас. – М., 1993; Новосибирск: Энцикл. (вклейки).

² ГАНО, ф. Р-270, оп. 1, д. 196, 198, 199, 201.

³ Там же, ф. Р-917, оп. 1, д. 94.

⁴ Там же, ф. Р-1988, оп. 1, д. 364, 365, 367, 496.

⁵ НГГА, ф. Р-331, оп. 1, д. 149, 150.

⁶ Косякова Е. И. Новый быт Сибирского Чикаго: очерки городской повседневности Новосибирска между войнами. – Новосибирск, 2006.

цова. Фотографии обычно носят постановочный характер, по технике исполнения их можно квалифицировать как «ремесленные». Это – своего рода «парадные портреты», цель создания которых – навечно запечатлеть себя, своего ребенка или семью в наиболее выгодном, «приличном» виде. Фотография в изучаемые времена – это нечто родственное документу. В числе задействованных нами источников есть фотографии, запечатлевшие веселый выезд на природу и трагичный сюжет детских похорон. Такие снимки создавались, чтобы увековечить важные события в жизни семьи. Но и в этих тщательно продуманных композициях иногда появляются «ненамеренные свидетельства», характеризующие будничные проблемы и заботы обывателей. Нечаянно попавшая в кадр при уличной фотосъемке баба с коромыслом, кривой частокол и прочие детали – тому свидетельства. Фотографии дополняют комплекс источников изучения костюма представителей разных социальных групп и разного времени, причесок, других объектов материальной культуры. Продуктивным является анализ снимков из одного семейного альбома в их хронологической последовательности: становится заметно, как менялся внешний облик горожан от периода нэпа к этапу индустриализации, выявляется статика одних образов и динамика других. Например, очевидно, что молодежь из всех сил старалась соответствовать требованиям времени, в том числе и в одежде. Видно, что образы многих людей старшего поколения словно «законсервировались». Заметно, что многие родители экономили на детской одежде, одевая малышей в морально устаревшие вещи и костюмы с чужого плеча и т. д.

Художественно-изобразительные источники нашего исследования представлены, в первую очередь, графическими работами С. Липина¹. На гравюрах изображены пейзажи городских окраин и сюжеты из жизни Большой Нахаловки. Субъективный образ Нахаловки, созданный новониколаевским художником, передает восприятие окружающей среды, в которой жил художник.

К числу *вещественных источников* исследования мы относим архитектурно-градостроительный комплекс нашего города. В Новосибирске до сих пор сохранилось немало зданий, построенных в изучаемое время и еще раньше. Нам были интересны их местоположение,

¹ Н. Н. [Нагорская Н.] Графика Степана Липина // Сиб. огни. – 1927. – № 3. – С. 236–237.

этажность, строительные материалы, которые использовались при создании домов. Застройка разных исторических частей города до сих пор имеет своеобразные отличительные черты, наблюдение за которыми позволяет в некоторой степени судить о специфике повседневной жизни на разных концах Новониколаевска–Новосибирска. Разумеется, за последние 80–90 лет Новосибирск сильно изменился в архитектурном смысле, поэтому использование архитектурно-градостроительного облика города в качестве источника производилось параллельно с анализом старых фотоснимков с видами города, статистики и словесных описаний застройки старожилами. Сама система улиц города и его узлов – также источник по истории городской среды, позволяющий судить об ее особенностях. Многие улицы города были спланированы еще до революции, как и узлы. Поэтому, наблюдая за современным расположением улиц, площадей, парков, базаров, можно судить и о былом градоустройстве.

ГЛАВА 1

РАЗВИТИЕ ГОРОДСКОЙ ПОВСЕДНЕВНОСТИ НОВНИКОЛАЕВСКА–НОВОСИБИРСКА: ОТ ХОЗЯЙСТВЕННОЙ РАЗРУХИ ДО ЗАВЕРШЕНИЯ НЭПА

Время с конца 1919 до 1929 г. внутренне неоднородно по характеру тех исторических процессов, которые происходили в стране и Сибирском регионе. В конце 1919 г. еще не окончилась гражданская война. Поэтому прекращение военных действий в Новониколаевске не означало для населения наступления мирных будней. Вся страна в 1920–начале 1921 г. переживала пик экономического кризиса, голод, разруху, разгул преступности. Отягчающее разностороннее влияние войны на разные аспекты повседневности прослеживалось отчетливо. Российское общество в начале 20-х гг. вступало в новую эпоху. В это время коренным образом качественно менялись социально-экономические отношения, обрисовывалась раннесоветская культурная политика. Вследствие гибели множества людей в ходе военных действий, эмиграции значительной части представителей материально обеспеченных социальных слоев и интеллигенции, репрессивной политики власти и дискриминации по отношению к «классовым врагам» российские социальные структуры переживали сильную деформацию, происходила маргинализация целых социальных слоев. Жесткие порядки «военного коммунизма» ломали прежние устои социальной и экономической жизни, осложняли и без того тяжелые будни населения продовольственной разверсткой, национализацией развалин производства и крупных домовладений, трудовыми мобилизациями населения и строгой государственной централизацией структур управления.

Нэп как цикл последовательных мероприятий по выходу из кризиса привнес в жизнь страны не только экономические изменения, которые выразились в замене продовольственной разверстки фиксированным продовольственным налогом для стимулирования сельскохозяйственного производства, в поощрении частной торговли для расширения внутреннего и внешнего рынка, в частичной денационализации промышленности и других хозяйственных мерах, но и социокультурные новшества. Не только появление нэпманов свидетельствовало об изменениях в структуре советского общества. В эти годы разросся социальный слой служащих, в результате частичного восстановления промышленности увеличилось число рабочих, стала складываться советская интеллигенция. В этот период возрос уровень жизни населения по всей стране. Восстановление экономики дало позитивные результаты: народ стал лучше питаться, решалась жилищная проблема и коммунальные вопросы. Однако довольно скоро, в 1927 – начале 1928 г. наступил кризисный этап в социально-экономических отношениях, приведший к «великому перелому».

В 20-е гг. Новосибирск¹ стал важным региональным центром. За короткий промежуток времени он прошел путь от уездного города до краевого центра и получил карт-бланш на будущее².

1.1. Питание горожан

Советская власть в Новониколаевске была восстановлена в декабре 1919 г. Снабжение горожан продуктами питания к этому моменту было сильно затруднено, многие голодали. В рассказах старожилов о тех годах обычно присутствуют сюжеты, связанные с голодом. К примеру, З.Ф. Бейцун вспоминала: «Это был приблизительно девятнадцатый или двадцатый год, когда был сильный, просто убивающий голод. В Новосибирске стоял Колчак»³.

В период власти Колчака на питании горожан сказывалась экстремальная политическая ситуация. В силу военных обстоятельств продовольственные товары задерживались, а иногда и портились по пути в Новониколаевск из Барнаула, Омска и других городов, становясь не пригодными к употреблению. Горожанам катастрофически не хватало

¹ В 1926 г. Новониколаевск был переименован в Новосибирск.

² История города: Новониколаевск–Новосибирск. – С. 130.

³ НГПУ. Записано О.В. Пейко в Новосибирске в 1999 г. от З.Ф. Бейцун.

зерна и прочих основных продуктов, а также товаров первой необходимости¹. Новониколаевцам приходилось довольствоваться хлебными суррогатами и мукой из овса. Распределение продуктов по карточкам, неуклонный рост цен на мясо, хлеб, злаки и другие продукты, превышение спекулянтами «твердых цен» – все это теперь ассоциировалось у обывателей с едой. Поэтому, безусловно, от новой власти жители города ждали улучшения продовольственной ситуации.

Важнейшими объектами городской среды, служившими удовлетворению потребности обывателей в пище, были городские рынки, магазины, частновладельческие кафе, трактиры и рестораны (в годы нэпа), а также предприятия общественного питания.

Рынки в 1920-е гг. функционировали в Центральной, Закаменской и Ипподромской частях города, т. е. почти во всех районах. Новониколаевск быстро рос, разумеется, росли и базары, ведь они служили удовлетворению самых элементарных человеческих потребностей. Центральный базар был территориально ограничен Красным проспектом, улицами Серебренниковской, М. Горького и Семипалатинской. В 1922 г. его решили расширить до пределов, ограниченных улицами М. Горького, Советской, Семипалатинской и Красным проспектом². Огромный базар, размещавшийся на крупнейшей площади страны, неизменно привлекал большое количество народа. С 1923 г. городские обыватели и приезжие получили возможность добираться от вокзала до базарной площади на автобусе. Желающих воспользоваться этой услугой было много, но в автобус помещалось только 12 человек. Поэтому зачастую посадка в автобус превращалась в настоящую потасовку, и в салон «набивалось» гораздо больше пассажиров, чем предполагалось по замыслу³. Большинство же обывателей добиралось до базара пешком, пешком же возвращались с тяжелой ношей.

Хозяйственная разруха послевоенных лет сказалась на состоянии пищевой промышленности Новониколаевска, которая и до революции лишь частично обеспечивала питание населения. Однако пищевая промышленность в городе середины 1920-х гг., когда большинство предприятий других отраслей не действовало, была наиболее развитой. К середине 20-х гг. число рабочих (416 человек), занятых в мукомольном производстве, уступало лишь числу рабочих, занятых в полигра-

¹ ГАОО, ф. Р-1072, оп. 1, д. 1.

² ГАНО, ф. Р-1124, оп. 1, д. 163, л. 8.

³ Хроника // Большевик. – 1923. – 16 июля.

фии (445). В городе слабо, но функционировало пивоваренное, винокуренное, масложировое и колбасное производство¹. С начала 20-х гг. в Новониколаевске существовали две кондитерские и одна дрожжевая фабрики, фабрика фруктовых вод с небольшим штатом рабочих из 15 человек.

Новосибирский историк Г.И. Черных пишет, что в 1919–1920 гг. «ситуация была катастрофической, общая продукция сельского хозяйства составляла на рынках (Новониколаевска. – *Е. К.*) всего около половины довоенной»². Нужно еще учесть, что в пору военного коммунизма большевики стремились вовсе избавиться от рынка, торговли и денег, вводя фиксированные натуральные эквиваленты на сельскохозяйственные продукты и промышленные товары. Однако вытеснить рынок совсем не получалось. По подсчетам А. Ю. Давыдова, рыночная торговля в России накануне введения нэпа занимала около 30 % в структуре источников снабжения населения³. И уже в 1921 г. новониколаевские горожане, пережившие тяготы 1920 г., почувствовали оживление базарной торговли.

Продовольственная ситуация 1920 г., предшествовавшая курсу правительства на начало восстановления рынка в 1921 г., ознаменовалась для горожан многими проблемами. Журналист Кашь из новониколаевской газеты «Красное знамя» желал под Новый год международной буржуазии «подавиться красным пирогом»⁴, но этот самый пирог с новониколаевского базара для многих обывателей оставался несбыточной фантазией или, того хуже, причиной пищевого отравления. Пекли пирожки в антисанитарных условиях и зачастую безнаказанно начиняли протухшим мясом, а то и падалью. Хозяйственная разруха существенно влияла и на количество, и на качество потреблявшихся горожанами продуктов. Разруха усугублялась в 1920 г. неурожаем, охватившим всю Сибирь и ухудшившим и без того недостаточное питание горожан. На такие основные продукты питания, как пшеница, рожь, овес, ячмень, просо, мясо, устанавливались твердые рыночные цены, которыми постоянно пренебрегали городские спекулянты, ухит-

¹ Вся Сибирь с включением Уральской обл.: справочная и адресная книга... – С. 203.

² Черных Г.И. Торговля в Новосибирске // Новосибирск: энцикл. – С. 879.

³ Давыдов А.Ю. Мешочничество и советская продовольственная диктатура... – С. 51.

⁴ Кашь. Новогодний фельетон // Красное знамя. – 1920. – 1 янв.

ряясь дешево покупать хлеб у крестьян на постоянных дворах и дорого сбывать на базаре. Спекулянты распускали слухи о том, что вскоре совершенно исчезнет базарная торговля, и горожане останутся без продуктов питания. Из-за того, что продовольствия не доставало и смерть от голода стала обычным явлением в повседневной жизни, новониколаевцы поддавались на подобные уловки и приобретали хлеб по спекулятивным ценам.

К весне 1920 г. подвоз продуктов стал возрастать, а цены несколько снизились, но эти обстоятельства не снимали продовольственных проблем. Газетчики «Красного знамени» описали типичную для того времени ситуацию, когда горожане, не желавшие втридорога платить за хлеб на базаре, шли в хлебопекарни за более дешевым хлебом, но пекарни оказывались закрытыми. Описанная ситуация подтверждается и результатами ревизий пекарен, проводившихся Чрезвычайной комиссией по борьбе с тифом. Так, в марте 1920 г. пекарня на ул. Асинкритовской, № 10 три дня не функционировала¹. Журналисты высказывали предположение, что спекулянты находятся в сговоре с хлебопеками, втихомолку снабжающими нарушителей закона хлебом. Кроме того, считалось, что некоторые спекулянты обзавелись своими тайными пекарнями и нелегально производят хлеб на незаконную продажу².

Многим горожанам были недоступны по цене те базарные продукты, на которые не устанавливались фиксированные цены: картофель, сало, сливочное масло, клюква, брусника и др. Рост цен на базарах происходил постоянно. Цены повышали не только спекулянты, «твердые» цены также росли с каждым месяцем. В памятном своим невзгодами 1920 г. возникли, кроме всего прочего, и трудности с мясозаготовками. Газеты объясняли эту ситуацию тем, что крестьяне сдавали мало мяса по твердым ценам, предпочитая сбывать его на базарах по ценам спекулятивным³.

Нередко в Новониколаевске того времени задерживали крупных спекулянтов, которые хранили значительные запасы ценных продуктов питания, предназначенных на нелегальную продажу. Например, спекулянт Айзик Левн укрывал конфеты-монпансье, Менделей Прупис прятал, помимо золота и серебра, чай, а некто Кулязников скрывал в сарае на ул. Асинкритовской 17 бочонков масла. Безусловно, недоеда-

¹ ГАНО, ф. Р-34, оп. 1, д. 91, л. 3.

² Хроника // Красное знамя. – 1920. – 14 янв.

³ Там же. – 16 янв.

ние порождало хищения продовольствия. К примеру, в октябре 1920 г. газета «Дело революции» клеймила позором возчиков хлеба, которые были уличены в его систематических кражах¹.

На базаре хитрили и обманывали не только продавцы, но и покупатели. После изгнания «правителя омского» Колчака нередко фиксировались случаи, когда переодетые красноармейцами жулики вынуждали торговцев дешево продавать им понравившиеся продукты. Голод, криминализация общества и нравственный кризис толкали людей на мошенничества и грабежи.

В начале 1920 г. горожане, столкнувшиеся за время гражданской войны с недоеданием и голодом, получили надежду на справедливое распределение продовольствия путем введения карточной системы. В середине января в Новониколаевске началась продовольственная перепись населения, через месяц жители города получили карточки на муку, масло, рыбу, соль и спички. Карточки распределялись по разным «категориям» населения. В соответствии с внутривластным курсом советского правительства, в первую очередь обслуживались рабочие, а лишь потом – все остальные.

Продовольственные привилегии имели также и врачи. Тяжелый 1920 г. запомнился новониколаевцам смертоносной эпидемией тифа. Поэтому докторам, от которых зависели тысячи жизней горожан и беженцев, полагалось ежедневно съедать два с половиной фунта белого хлеба, фунт мяса, по 12 золотников сахара и жиров, выпивать бутылку молока². Городские власти старались также поддержать тифозных больных и выздоравливавших обывателей. Поэтому кофе и монпансье – продукты калорийные и деликатесные, по меркам 1920 г., – легально получали только временные обитатели госпиталей, больниц и лазаретов. В условиях голода и отсутствия лекарств улучшенное питание считалось одним из важнейших факторов выздоровления. Поправлявшихся военных поили даже пивом из стратегических запасов Красной армии. Хуже приходилось больным и ослабленным, но не госпитализированным. В то время болели и голодали разные слои городского населения. Многие новониколаевцы пытались добыть врачебные рецепты, подтверждавшие необходимость для них полноценного пита-

¹ Происшествия // Дело революции. – 1920. – 8 окт.

² ГАНО, ф. Р-34, оп. 1, д. 20, л. 27.

ния из-за плохого состояния здоровья, однако и по медицинским рецептам дополнительными продуктами обычно не отоваривали.

Разные социальные группы населения города мучались от недоедания. Традиционно в историографии отмечается, что в наихудшем положении находились служащие и рабочие, ведь новониколаевские предприятия едва функционировали. Однако рабочих в начале 1920-х гг. в Новониколаевске насчитывалось немного. В результате войны город наполнился людьми, реальное социальное положение которых не было явным, однозначным, многие достигли маргинального состояния. Помимо этого, широко распространилась преступность. Эти социальные процессы порождали контрасты в питании городского населения. В городе одновременно обитали нищие и бездомные, вечно голодные беженцы, вдовы, сироты и сытые люди, занимавшиеся грабежами, спекуляциями, притоносодержательством и т. п.

В Новониколаевске было много военных. Красноармейцев кормили скудно, часто недоброкачественной едой. На складах Военного городка хранились только самые необходимые продукты: мясо, рыба кета, сливочное масло, крупа, мука, картофель, чай, соль и лимонная кислота. Пища была крайне однообразной. Весь январь 1920 г. красноармейцам не давали привычной для них каши, потчую преимущественно наспех приготовленной «пустой» пищей¹. Газеты свидетельствуют о том, что даже привилегированные рабочие часто оставались недовольными продовольственной ситуацией. «Обыватель охает, стонет, жалуется постоянно, нудно, озлобленно: “Голодно и холодно!” В каждом доме, в каждом учреждении можно слышать эту нудную, гнусавую до тошноты песню обывателя: “Голодно и холодно”», – нервно восклицал один из авторов газеты «Дело революции» в 1921 г.²

Пессимизм в отношении питания и бытовых условий прослеживался в массовом порядке. Не умолкал недовольный обывательский ропот. По городу ходил слух, будто хлеб где-то есть в достаточных количествах, лежит себе и даже гниет, но его все равно почему-то не выдают голодным. Неравные права на получение продовольственных товаров порождали зависть, враждебное отношение голодных к более сытым. Например, вскоре после введения карточек служащие Новониколаевска с огорчением узнали, что рыбу дают только рабочим. Какой-

¹ ГАНО, ф. Р-34, оп. 1, д. 51, л. 180.

² Галкин А. Обывательские силуэты // Дело революции. – 1921. – 19 янв.

нибудь служащий советского учреждения, возжелавший зимой – весной 1920 г. рыбы, наверняка оставался неудовлетворенным, так как по карточке этот продукт не выдавали, а на рынках рыба практически исчезла из-за скудных уловов. Хотя газеты и заявляли, что обслуживание населения по карточкам существенно облегчает продовольственную ситуацию, горожане, особенно не принадлежавшие к «рабочему классу», были вынуждены, как и до введения карточек, идти за дорогими продуктами на базар.

Хотя многие новониколаевцы недоедали, это, к сожалению, не означало, что каждая хлебная крошка в городе была на счету. В условиях разрухи, административного передела и тифозного мора невозможно было вести тщательный учет всевозможных пищевых припасов. Известны случаи халатного обращения с запасами продуктов. К примеру, той же злосчастной зимой 1920 г. на заводе «Вена» было обнаружено 1115 пудов гнилого мяса – продовольственный припас, о котором попросту забыли¹.

В Сибири имелись голодавшие уезды: Тарский, Татарский, Калачинский и Омский. Новониколаевск же считался городом «сытым»². К счастью, наши земляки не столкнулись в начале 20-х гг. с такими страшными продовольственными катаклизмами, как например, жители Урала (уральская ситуация подробно описана историком И.В. Нарским³). Но питаться так же полноценно, как до революции, в те годы считалось в Новониколаевске едва ли не преступлением, ведь «сытая Сибирь» была обязана еще и помогать голодавшим регионам. Хотя Новониколаевский уезд воспринимался в продовольственном отношении самым благополучным в Томской губернии и достаточно благополучным в масштабах Сибири, потребление продуктов в городе за время продовольственного кризиса, казавшегося населению города бесконечным, сократилось в среднем на 50 %⁴. Постоянные ревизии грозили горожанам изъятием того, что припасалось ими «на черный день»: мяса, муки, крупы и пр. Преступниками становились обыватели, «умыкнувшие» кадку говяжьих языков или несколько тушек зайцев

¹ ГАНО, ф. Р-34, оп. 1, д. 55, л. 50.

² Голодные в сытой Сибири // Сов. Сибирь. – 1922. – 3 февр.

³ Нарский И.В. Жизнь в катастрофе: будни населения Урала в 1917–1922 гг. – С. 289–294.

⁴ Денисов К. О голодающих Новониколаевска // Дело революции. – 1921. – 20 мая.

и гусей, или отруби в таком количестве, которое было привычным при «царском режиме».

Из газет и от беженцев жители нашего города узнавали о голоде в других регионах, где люди ели мякину, полову, жмых, корни, стебли и листья растений, опилки, глину, падаль, даже человеческие трупы¹. Газеты постоянно призывали помогать голодавшим. Подобные призывы осуществлялись партийными работниками на различных рабочих местах, на агитационных собраниях и митингах. Однако, как показывает пресса, далеко не все новониколаевцы были готовы недоедать во имя спасения других голодавших. Возможно, это было неблагородно, однако в обывателях говорил страх за собственную жизнь. Дело доходило до открытых выступлений против помощи голодавшим районам². Нам стал известен такой случай: в одной из новониколаевских контор проходило общее собрание служащих и рабочих, посвященное вопросу помощи голодающим Поволжья. Присутствовало около 80 человек. Но даже после агитационной речи организаторов, сопровождавшейся ужаснейшими примерами о людоедстве и трупоедстве в голодных районах, за помощь голодающим проголосовало всего четверо³. Это пример того, как инстинктивное желание выжить становилось важнее напускной классовой солидарности.

Однако похоже, что далеко не все «несознательные» отказывались помогать голодавшим из-за собственного голодного состояния. Газетчики возмущались тому, что некоторые новониколаевцы накрывали столы на 60 персон и устраивали «танцульки» до 6 часов утра в то время, как желавших добровольно помочь голодающим находилось немного⁴. С другой стороны, исследования по истории православной церкви в Новониколаевске показывают наличие инициатив новониколаевского духовенства и прихожан городских церквей в деле помощи голодавшим Поволжья. Священнослужители добровольно сдавали властям церковные ценности, собирали продукты питания и деньги для голодавших⁵. Активным помощником Поволжья стал и раввин Новониколаевской синагоги.

¹ Хенкин Е.М. Очерки истории борьбы советского государства с голодом (1921–1922 гг.). – С. 26.

² Там же. – С. 37.

³ Голосовавший «за». К позорному столбу // Сов. Сибирь. – 1922. – 31 авг.

⁴ Алтайцев И. С натуры // Там же. – 24 февр.

⁵ История города: Новониколаевск–Новосибирск. – С. 319.

С началом нэпа в городах, в том числе и Новониколаевске, отменили продовольственные карточки, разрешили «свободную торговлю». Государство стремилось к максимальному регулированию процессов развития торговли. Однако на раннем этапе реализации новой экономической политики активность частных предпринимателей не вызывала серьезных опасений государства, которое уже через несколько лет начнет активно препятствовать развитию предпринимательства в СССР. Пока же предприимчивые частники, многие из которых прошли через «мешочничество» и «спекуляцию», помогали государству «накормить» измученное голодом и войной население. После отмены непродолжительной практики товарообмена между городом и селом крестьяне начали активно сбывать продукцию собственного сельскохозяйственного производства в городах. Множество частных предпринимателей устремилось в деревни для скупки продуктов питания и их перепродажи в городе. Частники выступали посредниками между потребителями и государством, которое на первых порах нэпа было занято в большей степени налаживанием заготовок продовольствия, промышленных товаров и оптовой торговли, нежели розничной. Поэтому частная торговля получила значительную свободу, частники стали играть решающую роль в снабжении городов продовольствием. В марте 1921 г. газета «Советская Сибирь» писала: «Свободная торговля. Она сейчас на языке и в мыслях самых широких, так называемых, обывательских кругов, от нее ждут исцеления наших хозяйственно-экономических недугов»¹.

Рынки существенно оживились в 1921 г. Новониколаевск, по сравнению со многими городами России, остался в это время относительно сытым городом. Сюда мигрировали из голодных районов. Подобные сюжеты нашли отражение в мемуарах. Например, Н.Ф. Беляева вспоминает, что семья ее матери приехала в 1921 г. из Оренбурга, спасаясь от голода. В Новониколаевске их приютили знакомые, стали потихоньку «откармливать» оголодавшую, истощенную семью². В начале 20-х гг. жители и других крупных городов наконец смогли относительно полноценно и досыта питаться. В 1922 г. М.А. Булгаков писал о торговле в Москве: «Трудно понять, из каких таинственных недр обнищавшая Москва ухитрилась извлечь товар, но она достала его щед-

¹ Свободная торговля // Сов. Сибирь. – 1921. – 27 марта.

² НГПУ. Записано А.В. Севрюковой в Новосибирске в 1999 г. от Н.Ф. Беляевой.

рой рукой, встряхнула на витрины и разложила на полках... Магазины стали расти как грибы под живым дождем нэпа... Не узнать Москвы. Москва торгует... До поздней ночи шевелится, покупает и продает...»¹. Бывшая бестужевка П. рассказывала в своем письме, адресованном приятельнице: «Лавочки, магазины, особенно кафе, растут, как грибы. Торговля настоящая, свободная, и все больше кафе, кафе и продукты питания...»².

К 1924 г. розничная торговля в стране уже на 90 % находилась в руках частного капитала³. Новониколаевск, имевший мощные торговые функции и до революции, снова стал крупным центром предпринимательства. В городе находилась главная контора «Сибторга», который отвечал за реализацию промышленных товаров, поступавших в Сибирь, ведал заготовками хлеба, масла, жиров, скота, пушнины и золота. Поэтому город стал торговым центром общесибирского значения⁴. Огромное значение в Новониколаевске обрела и товарная биржа, через которую проходили крупные сделки между государственными, кооперативными и частными торговыми предприятиями. Обороты этой биржи достигали трети общесибирского биржевого оборота⁵. Промышленность Новониколаевска переживала далеко не самые лучшие времена, поэтому многие занимались торговлей.

В Новониколаевске нэповских лет базар – место людное, динамичное, привлекательное не только для продавцов и покупателей, но и для тех, кто просто желает развлечься, провести досуг. Не случайно в ходу было слово «толкучка». Многие действительно шли на базар просто «потолкаться»: послушать слепых певцов и гармонистов, «поглазеть» на шарманщика с попугаем, вытягивающим из шляпы конвертики с предсказаниями дальнейшей судьбы, на мошенников, вовлекающих простодушных крестьян в сомнительные игры типа «веревочки», начистить ботинки, заглянуть в пивную. Иные отправлялись на базар, преследуя вполне серьезные по меркам тех лет цели: сфотографиро-

¹ Булгаков М.А. Торговый ренессанс: (Москва в начале 1922 г.) // Социол. исследования. – 1988. – № 1. – С. 137.

² Цит. по: Лебина Н.Б. Теневые стороны жизни советского города 20–30-х гг. // Вопр. истории. – 1994. – № 2. – С. 31.

³ Рынок Сибири // Продовольств. газета. – 1924. – 15 марта.

⁴ Дудукалов В.И. Развитие советской торговли в Сибири в годы социалистического строительства (1921–1928). – С. 47.

⁵ Там же. – С. 67.

ваться на фоне картонного моря или «озера с лебедями». Как базарная зевака запомнилась новосибирскому писателю и актеру И.М. Лаврову его знакомая Анна Григорьевна: «Мы с Давидом не раз видели, как она, размахивая руками среди толчеи базара, с упоением, долго рассказывала кому-нибудь об Украине, о полтавских подсолнухах и кавунах, стараясь посрамить Сибирь. А потом принималась честить спекулянтов за “грабеж трудового люда”, а магазины за то, что в них, “хоть разбейся в лепешку, не найдешь бельевых веревок и банных веников”»¹.

Что же являл собой вид новониколаевского базара нэповских лет? В 20-е гг. сильно разросся Центральный базар. На нем постоянно сооружались «нахаловские» строения, нарушавшие порядок и загромождавшие пространство, мешавшие проходу и сбивавшие привычные ориентиры горожан. Самочинно возводимые на базарах харчевни и столовые становились «очагами пьянства и карточной игры» – бедой для милиции и городской службы коммунального хозяйства. Существование подобных «клоак» по праву считалось недопустимым и опасным, поэтому их сносили. Часть добротных торговых построек городские власти снесли в период разрухи и использовали лес по своему усмотрению. Часто торг велся из палаток и с лотков.

Идя на базар, обыватель должен был помнить о собственной безопасности. После гражданской войны на рынках практически не было милиции. В начале 20-х гг. базарный смотритель просил прислать на Центральную базарную площадь четырех милиционеров, Ипподромскому базару требовалось два стража порядка. Из-за нехватки милиции и недосмотра санитарного надзора на рынках случались продажи неклеяменого мяса, других недоброкачественных продуктов, бывали недопустимые самовольные переходы торговцев с одного базара на другой, да и всяческие кражи, грабежи и насилие не исключались. Частенько обыватели страдали от далеко не безобидных забав хулиганов и беспризорников. Те устраивали драки и «кучи малы», толкали покупателей в грязь, на бегу задирали подолы женских юбок, выдумывали и другие способы опозорить и унижить посетителей рынка. Кроме того, базар вплоть до середины 1920-х гг. представлял собой грязную, незамошенную площадь с навозными кучами, лужами и завалами мусора, способными вызвать отвращение посетителей.

¹ Лавров И.М. Мои бессонные ночи. – С. 238.

Навести порядок на рынках было очень сложно. Мошенники, хулиганы, воры, спекулянты, грязь – все эти проблемы неизменно ассоциировались с базаром. В 1925 г. на Центральном базаре выросли настоящие обжорные ряды, напоминающие картину, описанную А.А. Бахтиаровым в знаменитом «Брюхе Петербурга»¹, – «обжорка», где предприимчивые торговки прямо на грязных ящиках выставляли на продажу пищу, которую тут же и готовили: жареные пирожки, пельмени, прочую снедь. Здесь же кипели самовары и дымились закопченные сковородки, в которые летела площадная пыль и грязь. «Советская Сибирь» оповещала горожан, что торговки пирожками имеют санитарные книжки и стоят на учете в саннадзоре, в то время как торговцы прочей снедью продают пищу без всякого разрешения, рискуя быть изгнанными с базара².

В период разрухи горожане не были застрахованы от покупки недоброкачественных продуктов из-за антисанитарной ситуации в городе и недостатка контроля за торговлей. Газеты постоянно извещали о продаже гнилой соленой рыбы, которой травились покупатели, о разбавленном водой молоке, об «отвратительно грязных пельменях», которые покупали преимущественно красноармейцы у торговки с лотка, о продаже влажных, подмоченных и затхлых хлебов, которые выдавались за свежие. Покупая хлеб, обыватель не мог быть уверенным в том, что товар не повалялся на грязном полу пекарни. Приобретая колбасные изделия, должен был внимательно оценить их свежесть и определить, ни из гнилого ли мяса они изготовлены. Недоброкачественные продукты не перевелись на базаре и в относительно сытый нэповский период. К примеру, газеты предупреждали, что молочники торгуют кислым молоком, разбавляют его водой и смешивают для густоты с мукой.

На городских базарах можно было купить и продовольственные, и промышленные товары, и предметы первой необходимости. Г.М. Кобзева, которая девочкой переехала в Новониколаевск с родителями в 1922 г., так вспоминает торговлю на рынке: «Самое центральное место занимала рыночная площадь, как раз там, где сейчас стоит Оперный театр. Богатая торговля была, бойкая. Мясо – тушами, гуси – возами, яйца – коробами. А в глубине базара кудахтали куры, кричали

¹ Бахтиаров А.А. Брюхо Петербурга: очерки столичной жизни. – СПб., 1994.

² По городу // Сов. Сибирь. – 1925. – 25 нояб.

петухи, блеяли овечки, игогокали лошади – там продавалась всякая живность»¹.

Судя по воспоминаниям старожилов, продукты, предлагавшиеся на рынках, как в 1920-е, так и в 1930-е гг. не отличались особым разнообразием, однако пища горожан была преимущественно натуральной. По списку продуктовых товаров, которые можно было купить на рынке в 1922 г., видно, что горожане потребляли хлеб, различные виды мяса (свинину, говядину, конину), домашнюю и дикую птицу: кур, гусей, индеек, уток, рябчиков, куропаток. Торговали на рынках зайчатинной и рыбой: осетрами, стерлядью, нельмой, язем, щуками и окунями, омулями и карасями. Можно было купить и деликатесы, вроде черной икры. Покупателям предлагались жиры, молочные продукты, яйца. В списке овощей приводятся капуста, картофель, свекла, морковь и лук. В продаже имелись товары, относящиеся к бакалейным: различные крупы (просо, манка, рис, горох), мука и пшеница, соль, приправы, сухофрукты (яблоки, сабза и урюк), ягоды (клюква, брусника, облепиха), кедровые орехи, мед, байховый и кирпичный чай, сушеные грибы².

Любопытно, что многие продукты ценились совсем иначе, нежели сейчас. К примеру, гусь стоил более чем в семь раз дороже тушки зайца. Дороже даже фунта осетровой икры, приблизительно в 1,2 раза. А это значит, что гусь был праздничным и для многих горожан недоступным лакомством. Высокую цену имел урюк, фунт которого приравнивался к 6–7 фунтам грецких, или, как говорили в те годы, «кудрявых» орехов³. Урюк был дефицитнее грецких орехов.

Продуктовые товары в начале 1920-х гг. были относительно разнообразными, но горожане все равно жили в ситуации продовольственного кризиса и ощущали недостаток самых важных продуктов⁴. Безусловно, не все продукты были в равной степени доступны разным социальным слоям городского населения. Кроме того, в начале 1920-х гг. быстро росли рыночные цены. В условиях разрухи постоянный дефицит товаров приводил к бешеному росту цен, к гиперинфляции. «Советская Сибирь» каждый месяц осведомляла своих читателей о темпах роста цен на продукты питания, которые становились дороже с каж-

¹ Кобзева Г.М. А по Красному бегали верблюды // Мой Новосибирск. – С. 8.

² ГАНО, ф. Р-59, оп. 1, д. 58, л. 5.

³ Там же, л. 47.

⁴ Там же, л. 44.

дым днем. К примеру, если 5 июля 1923 г. стандартный «набор продуктов» в среднем оценивался в 823 руб., то 8 августа его стоимость достигла 1759, а к 26 августа подскочила до 2082 руб. Привозные товары могли стать недоступными по цене в считанные недели. В 1922 г. обыватель мог наблюдать неимоверные темпы повышения цены на байховый чай, который в середине мая горожане покупали по 5200 руб. за пуд, 1 июня – по 6400, в июле – за 7200, в августе – за 12 тыс., в октябре – за 20 тыс. руб. В январе 1923 г. байховый чай вообще пропал с городских рынков, и поэтому чаепитие из повседневного занятия горожан стало превращаться в праздничное. Умереннее повышались цены на хлеб, мясо, основные овощи. Так, пуд мяса в мае 1922 г. стоил 1200 руб., в июне даже подешевел на сотню, но в октябре достиг цены 2000–2500, в середине же декабря – 3–4 тыс. руб.¹.

Конечно, пищевые потребности большинства горожан при таких обстоятельствах не могли быть удовлетворены в полной мере. Тем более, что одно время в Новониколаевске держались самые высокие базарные цены на продукты, по сравнению с ценами в других сибирских городах. Например, в 1922 г. красноярские и иркутские цены были ниже более чем вдвое². С другой стороны, уже в 1924 г. новониколаевцы покупали на городских рынках мучные и зерновые товары практически по самым низким ценам в РСФСР³. Кроме того, отмечалось, что общая тенденция роста в городах России цен на эти продукты к концу зимы была не свойственна для Новониколаевска, где стоимость муки и круп только понижалась⁴.

В прожиточный минимум 1922 г. включалась цена набора самых необходимых продуктов в самом скромном объеме⁵. Показательно, что представители многих неквалифицированных и малоквалифицированных профессий получали жалование ниже прожиточного минимума. В начале 1920-х гг. горожане получали обязательную продуктовую выдачу в счет жалования по месту работы. Продукты выдавались раз в две недели через систему специальных лавок Потребительского общества, по предъявлению продовольственных карточек. Существовало множество категорий карточек, рассчитанных на разные слои населе-

¹ ГАНО, ф. Р-59, оп. 1, д. 60, л. 15.

² По Сибири // Сов. Сибирь. – 1922. – 11 янв.

³ Обзор рынка и цен // Продовольств. газета. – 1924. – 5 янв.

⁴ Рынок и цены Сибири // Там же. – 23 февр.

⁵ ГАНО, ф. Р-1132, оп. 1, д. 6, л. 14.

ния. Разные виды карточек окрашивались различными цветами. Поэтому каждый цвет радуги у горожан ассоциировался с определенным набором продуктов, в который могли входить даже горсть (0,5 фунта) подсолнечных семечек или три яйца¹. В 1922 г. в список товаров обязательной выдачи входили основные продукты питания (соленое мясо, сливочное масло, соль, пшеничная крупа), спички, табак, хмель, мыло, керосин. Выдачу можно было получить деньгами – частично или полностью. Многие горожане предпочитали получать выдачу частично продуктами, частично деньгами. Введение обязательной выдачи свидетельствует о товарном голоде, существовавшем в Новониколаевске, о невозможности полноценного удовлетворения пищевых потребностей горожан в начале 20-х гг. Пресса информировала обывателей о том, что виновниками голода являются «кулаки», укрывающие в деревнях хлеб. Под новый 1921 г. по местным деревням поехала особая комиссия с целью «выкачать» у «кулаков» хлеб, и была организована выездная сессия Ревтрибунала, в задачи которой входила непосредственно расправа над укрывателями «продовольственных излишков»². Власти рассчитывали успокоить голодных обывателей подобными сообщениями.

Ассортимент базарных продовольственных товаров середины 20-х гг. практически не изменился по составу. Однако товаров стало гораздо больше. Теперь посетитель рынка мог выбирать: купить хлеб белый или ржаной, масло подсолнечное или конопляное, кету или селедку, кофе или байховый чай. Время от времени на базаре можно было приобрести и такие бакалейные товары, как грецкие орехи, фрукты, конфеты³. Появлялись на городских рынках и продуктовые товары из числа особенно деликатесных, по нынешним критериям. К числу их можно отнести пудовых осетров, которых ловили на Оби местные рыбаки⁴.

В середине 1920-х гг. горожане Западной Сибири любили и постоянно ели «простой» пшеничный хлеб, который приобретали чаще, чем ржаной и «белый». Мука соответственно выбиралась тоже простая пшеничная. Рису чаще предпочитались гречка и пшено. Из овощей на первом месте по потреблению стоял картофель, в пять раз меньше ели

¹ Хроника // Дело революции. – 1921. – 4 янв.

² Там же. – 1 янв.

³ Бюллетень рынка и цен Сибирского края. – 1926. – № 1–7.

⁴ Про все // Сов. Сибирь. – 1927. – 5 авг.

капусту, постоянно покупали корнеплоды, лук, чеснок и огурцы в летнее время. Свинине и баранине обычно предпочитали говядину, любили колбасу, которую ели чаще, чем мясо птицы. Кроме того, нередко обыватели покупали свежую рыбу и сало. Западносибирские горожане пили много молока, ели много творога, гораздо меньше потребляли сметану и уж совсем редко сыр¹.

Специфика пищевого поведения горожан в значительной степени определялась социокультурными обстоятельствами. Представители разных социальных слоев традиционно несколько по-разному питались. Рабочие с городских окраин вели образ жизни, во многом схожий с деревенским, поскольку в своем большинстве были выходцами из села, маргиналами. Тенденция рурализации сказывалась и на питании этой группы городского населения. Как и крестьяне, рабочие городов Западной Сибири потребляли много хлебных продуктов. Около 65 % суточной нормы калорий рабочее население получало за счет потребления хлеба. В сытые нэповские годы городские рабочие часто выбирали грубый ржаной хлеб, редко ели горох, бобы и фасоль, потребляли сравнительно мало овощей (почти не видели их во второй половине зимы и весной), нечасто баловали себя сладостями: медом, сахаром и леденцами, фруктами и ягодами. Когда к 1924 г. наладилась повседневная жизнь, стабилизировалось материальное положение, рабочие по деревенской привычке завели дойных коров, которых было удобно пасти на зеленых окраинах. Теперь молоко потреблялось рабочими семьями в достаточном, даже избыточном количестве. Молоком традиционно поили ребятишек. Мясо и рыба покупались рабочими нерегулярно. В отличие от хлеба, который потреблялся в одинаковых количествах вне зависимости от сезона, мясо более активно потребляли осенью, т. е. в период забоя скота, когда падали цены на мясные продукты. Поскольку осенью мясо становилось доступной по цене пищей, рабочие практически переставали покупать рыбу, ее вообще ели меньше мяса. Семьи рабочих в среднем были крупнее, чем семьи представителей других социальных слоев. Прокормить большую семью было труднее, чем маленькую, рабочие питались скромнее и менее разнообразно, чем служащие.

¹ Р[язановский] Ф.И. Потребление питания городским и сельским населением в 1924–1925 хозяйственном году: годовые нормы // Стат. бюллетень. – 1925. – № 2. – С. 29.

Питание служащих и нэпманов было калорийнее. В их рационе наблюдалось больше животной пищи: мяса, рыбы, яиц. Хозяйки в семьях служащих чаще готовили лапшу и различные каши, чем жены рабочих, которые постоянно варили на ужин картошку. Служащие и нэпманы обычно покупали пшеничный хлеб, так как он был дороже ржаного. Семьи служащих и нэпманов ели больше овощной пищи, чем семьи рабочих. Лук, чеснок, огурцы и сладости для тех лет – это пища скорее служащих и нэпманов, чем рабочих¹. Живя ближе к центру города, к рынку и крупным магазинам, эти категории населения имели больший доступ к разнообразным продуктовым товарам. Указанные слои в большей степени, нежели рабочие, подвергались урбанизации, под влиянием которой постепенно отказывались от коров и больших огородов, посещали городские кафе и рестораны, где пробовали изысканные по тем временам блюда.

Безусловно, на выбор горожанами продуктов питания и места их приобретения влияла и стоимость товаров. Базарные цены на продукты, как правило, превышали цены, установленные на предприятиях государственной и кооперативной торговли. Например, в марте 1926 г. самое дешевое масло продавалось на рынке, однако молоко, творог и сахар стоили гораздо дешевле в магазинах Центральной рабочей кооперации и в «Сибторге»². Если на рынке фунт мяса в июле 1925 г. стоил около 23 коп.³, то в магазине «Губторга» № 1 фунт мяса первого сорта обыватель покупал за 19 коп. Мясо второго сорта отпускали по 13, третьего сорта – по 11 коп.⁴. Однако горожане неизменно толпились на рынках, где выбор и запасы товаров были богаче.

Наиболее людным был Центральный базар. На Закаменском базаре не было такой же бойкой торговли, поэтому многие закаменцы предпочитали посещать базар в центре города. Цены на продукты существенно варьировались, что было связано не только с экономической ситуацией в стране, но и с сезонными и иными обстоятельствами. Приведем некоторые примеры. В период 1924–1925 гг. горожанин покупал картофель то по 17, то по 32 коп. за пуд, цены на молоко колебались между 44 и 82 коп. за ведро, на говядину – варьировались от 3 до

¹ Рязановский Ф.И. Состояние питания населения Сибирского края в 1925–1926 хозяйственном году // Стат. бюллетень. – 1927. – № 7/8. – С. 22–68.

² Где дешевле купить? // Сиб. гудок. – 1926. – № 51.

³ Вчера на рынке // Сов. Сибирь. – 1925. – № 147.

⁴ Новониколаевский день // Там же. – № 148.

5,8 руб. за пуд, на горох – от 65 коп. до 1,34 руб. за пуд. Однако цены на «огородные» овощи, хотя и колебались, все же оставались низкими, поэтому морковь, свекла, капуста, репчатый лук стабильно раскупались и потреблялись городским населением¹.

В 20-е гг. потребность населения в пище удовлетворялась неодинаково даже в разное время года. Так, в марте 1926 г. крестьяне особенно активно везли продукты на рынки, желая сбыть до начала полевых работ остатки урожая, что, безусловно, благоприятно сказывалось на питании горожан. В апреле подвозу продовольствия в города мешала весенняя распутица, поэтому продукты на городские рынки поставляли преимущественно крестьяне пригородных селений. Горожане чувствовали недостаток продовольствия. Во второй половине апреля поставкам продуктов из сельской местности мешало начало полевых работ. С установлением дорог новосибирский рынок начинал оживать, хотя предложение хлеба пока не удовлетворяло потребностям горожан. В мае из-за полевых работ, достигавших пика, почти замирала сельскохозяйственная торговля в городе. Кроме того, разлив рек ухудшал сообщение между городом и селом. В начале июня заканчивались полевые работы, устанавливались летние дороги. А это означало, что для городских обывателей ситуация с продовольствием улучшалась. Еще и дожди не давали крестьянам возможности выехать в поле, поэтому они отправлялись на базар. Оживление рынка приводило к снижению цен на хлеб. Июльский сенокос вновь отвлекал крестьян от торговли, «все население в поле уехало». Повлиял сенокос и на поставки определенных продуктов: овощей и муки везли в город больше. Августовская страда привела к затишью рынков. В сентябре новониколаевские базары несколько оживлялись, так как крестьяне начинали продавать свежий урожай. К зиме базары оживали, ведь крестьян не отвлекали полевые работы, и они сбывали продукты, произведенные летом².

В зависимости от сезона варьировался и ассортимент продуктовых товаров. В начале лета крестьяне продавали много помидорной и капустной рассады. В начале лета на рынке появлялись первые помидоры – овощи дорогие, экзотические, по сибирским меркам 20-х гг. Их продавали поштучно по 15–25 коп., в зависимости от размеров³. К середине лета возрастал подвоз на рынки города рыбы: стерляди, окуней, язей,

¹ Бюллетень рынка и цен Сибирского края. – 1926. – № 1–7.

² Там же.

³ На рынке // Сов. Сибирь. – 1927. – 25 июля.

карасей, щук. В июле горожане покупали на базарах грибы: свежие (корзинами) и соленые – фунтами (белые, рыжики, маслята и др.). К концу июля можно было купить баклажаны по 7–9 коп. за штуку¹. Безусловно, летом базар был полон зелени и огурцов. В конце августа огурцы сильно дешевели. Новониколаевская домашняя хозяйка могла купить сотню огурцов всего за 40–50 коп. При этом за десяток деликатесных помидоров она выкладывала ту же цену при самом удачном стечении обстоятельств². Продавались на базаре и более привычные для сибиряков овощи, скажем, свекла по 3 коп. за крупный корнеплод размером с кулак³. В конце лета на базаре торговали молодым картофелем, цены на который падали с каждым днем. В августе горожанин мог купить пока еще дорогой кочан скороспелой капусты, на рынке появлялась даже цветная капуста. Кроме того, конец лета знаменовался торговлей арбузами, дынями, яблоками, грушами и ягодами. С середины августа базарный арбуз, в зависимости от веса, стоил от рубля до двух с половиной (пудовый арбуз). Эта цена считалась достаточно высокой: за 5 руб. в Новониколаевске можно было месяц снимать квартиру. Однако имелась статистика, согласно которой за лето один новосибирец съедал в среднем по три арбуза и ежедневно потреблял по два – три мелких яблока⁴. На августовском базаре появлялся в середине 20-х гг. и виноград, который тоже имел высокую цену. Зато сравнительно дешевыми были ягоды: брусника, княженика, голубика, садовая и лесная малина⁵. Зимой на рынках появлялись такие сезонные товары, как замороженное кругами молоко, мороженые клюква и яблоки, квашеная капуста, соленые грибы.

Продукты на городские рынки поставлялись не только крестьянами. Горожане могли купить на базаре и импортные товары. Примечательно, что в середине 20-х гг. дорого стоили некоторые импортные продукты, не отличавшиеся высоким качеством. В апреле 1926 г. новосибирский обыватель платил частным торговцам за 1 кг китайского байхового чая низшего сорта 6,75 р. (больше, чем за пуд мяса), а за фунт молотого кофе – 3,4 р., немного меньше, чем за пуд мяса. Кило-

¹ Сов. Сибирь. – 1927. – 30 июля.

² Биржа и рынок // Сов. Сибирь. – 1925. – 28 авг.

³ Про все // Там же. – 1927. – 5 авг.

⁴ Арбузы и яблоки // Там же. – 1927. – 7 июня.

⁵ На рынке // Там же. – 1926. – 16 мая.

грамм кирпичного чая стоил 3,75 р.¹ Безусловно, такие продукты были доступны не всем горожанам и сельчанам, посещавшим базары. Для многих горожан и сахар являлся продуктом праздничным. Диковинная голова сахара, связанная с глубокими впечатлениями из детства, нередко фигурирует в воспоминаниях старожилов Новосибирска².

На закате нэпа со страниц местных газет начинаются обвинения «кулаков» в том, что цены на продукты высоки. Газеты сообщали, что государство ведет борьбу за снижение цен, за вытеснение капитала с рынка и старается препятствовать жажде накопления, свойственной «кулакам». Так официально объяснялись начавшиеся проблемы с продовольствием.

Как отмечает историк В.И. Исаев, в конце 20-х гг. государство пыталось противостоять росту цен. В 1928 г., как реакция на наметившуюся инфляцию, вышло совместное постановление правительства страны и ЦК ВКП(б) о снижении цен на товары массового потребления. Однако многие частные торговцы, в том числе и сибирские, не желали снижать цены, что приводило либо к затягиванию исполнения постановления, либо к дефициту самых необходимых товаров. Если цены все-таки снижались, горожане быстро раскупали подешевевшие продукты. Кампания по снижению цен провалилась, обернувшись огромными очередями за товарами первой необходимости и карточной системой распределения продуктов в городах с 1929 г.³

Продукты питания горожане могли купить не только на базаре, но и **в магазинах**. После гражданской войны торговля в Новониколаевске создавалась заново, сфера внутренней торговли регулировалась государством, которое контролировало и все виды торговли. С этапом нэпа связано развитие потребительской кооперации, поощрявшейся государством. За годы нэпа государство постепенно овладело оптовой торговлей и принялось за вытеснение частных торговцев из сферы розничной торговли. В годы нэпа в Сибири преобладала местная торговля. Продукция сибирских промышленных предприятий реализовывалась через систему «губторгов», которые появились весной 1922 г. во всех губерниях Сибири. Сеть торговых предприятий «Губторга» имела и в Новониколаевске в 1922–1925 гг. Как уже говорилось, в горо-

¹ Бюллетень рынка и цен Сибирского края. – 1926. – № 1. – С. 4–5.

² Например: НГПУ. Записано Л. Герб в 2003 г. от Л.Г. Шевцовой.

³ Исаев В.И. Социально-политические аспекты системы снабжения Сибири (1926–1937 гг.). – С. 77–78.

де располагалась главная контора «Сибторга» – крупного покупателя и заготовителя. Осенью 1925 г. «Сибторг» и «Губторг» слились воедино. «Сибторг» был ликвидирован по причине административной реформы: в 1925 г. устранили Сибирский край. А в 1926 г. было учреждено сибирское акционерное общество розничной торговли «Акорт», в ведение которого было передано несколько магазинов «Сибторга»¹.

«Сибторг» представлял собой одну из первых крупных коммерческих государственных организаций. Она занималась реализацией различных продуктовых товаров, среди которых значительное место занимали сливочное масло, кондитерские и бакалейные товары. Вообще же, кроме прочего, в магазинах «Сибторга» и «Губторга» продавались бакалейно-колонияльные и винно-гастрономические товары. Неизменным спросом населения пользовались мука и другие продукты питания из числа основных. К примеру, на торговые точки «Сибторга» и «Губторга», начиная с 1923 г., поступала продукция Новониколаевской мясохладобойни. Известно, что это предприятие занималось, помимо заготовок мяса (говядины, свинины и баранины), производством колбас, ливерных и печеночно-почечных пирожков, пельменей, котлет и других полуфабрикатов. Уровень производственных технологий на предприятии в 20-е гг. несколько повысился. Однако процесс производства осложнялся отсутствием достаточного количества квалифицированного персонала, а это сказывалось на качестве готовых продуктов. Кроме того, влияло на качество продуктов антисанитарное состояние производственных цехов и холодильников.

В продуктовых магазинах горожане могли купить не только основные продовольственные товары, но и лакомства: печенье, конфеты местного или московского производства, сухофрукты: урюк, сабзу и бадану. «Сибторг» и «Губторг» заботились о поставках импортных продуктовых товаров, поэтому посетители магазинов могли приобрести чай, сахар, рис, сельдь, кофе, пряности (были широко распространены перец в горошке и лавровый лист), орехи и миндаль, лимоны и апельсины². «Губторг» часто давал рекламу своих товаров в местных газетах: сообщал о подвозе консервированных омаров, паюсной икры и прочих деликатесов.

¹ Дудукалов В.И. Развитие советской торговли в Сибири в годы социалистического строительства (1921–1928 гг.). – С. 129–142.

² ГАНО, ф. Р-1132, оп. 1, д. 45, л. 304 об.

Как правило, на прилавках залеживались дорогие деликатесные товары, рекламой которых магазины пытались завлечь покупателей, но которые не пользовались спросом: балыки, семга, икра, астраханская сельдь, вина, ликеры, наливки. Не пользовался спросом и хлеб высших сортов¹. Вообще, в торговле хлебом существовали некоторые сложности. В 1924 г. отмечалось, что мукомольная промышленность находится «в хаотическом состоянии» и многие хлебозаготовки являются внеплановыми, существовали проблемы в своевременном снабжении мельниц зерном и сбыте готовой продукции². В 1924 г. стало очевидно, что восстановление промышленности отстает от темпов восстановления сельского хозяйства. Это несоответствие и порождало подобные неурядицы в заготовках и сбыте сельскохозяйственной продукции.

Число продуктовых торговых точек «Акорта» в Новосибирске колебалось, по данным 1927–1928 гг., от пяти до четырнадцати. В их числе имелись универсальные магазины, учреждения под названием «Бакалея и хлебопродукты», обычные бакалейные, винно-гастрономические магазины, точки, торговавшие мясом, рыбой и овощами, существовали ларьки и маленькие лавки на окраинах города³. Лучшие магазины «Акорта» располагались в центре Новосибирска, мелкие же размещались в отдаленных районах, в незначительном количестве. Жители окраин не были в полной мере обеспечены даже хлеботорговыми точками, которые местами вовсе отсутствовали. В «акортовских» продмагах новосибирцы покупали муку, крупы, бобовые, хлебобулочные изделия, животное масло, яйца, рыбу разных сортов, фрукты, бахчевые, сахар, консервы, кондитерские изделия, соль, спиртные напитки, овощи: картофель, капусту, свеклу, морковь, лук, огурцы и помидоры⁴. Для «Акорта» больше всего из овощей заготавливалось капусты, которая, видимо, пользовалась наибольшим спросом. Второе место по объему заготовок занимали свекла и морковь, третье – картофель. Меньше всего заготавливали лука и помидоров. Томаты только входили в пищевой рацион новосибирцев, особенно жителей окраин. Есть сведения, что для торговых предприятий «Акорта» выращивали также и арбузы⁵, которые, несомненно, считались лакомством.

¹ ГАНО, ф. Р-1132, оп. 1, д. 45, л. 130, 141.

² Там же, ф. Р-1058, оп. 1, д. 4, л. 16 об., 18.

³ Там же, ф. Р-100, оп. 1, д. 25, л. 2, 16, 37 об., 38.

⁴ Там же, д. 118а, л. 20.

⁵ Там же, д. 89, л. 9.

Новосибирцы, посещавшие магазины города в 20-е гг., сталкивались с обычными по тем временам проблемами. Магазины не могли похвастаться достойным уровнем сервиса. Простаивая в неизменных очередях, посетители теряли здесь много времени и испытывали раздражение. Нередко случалось так, что покупатели, «простояв в очереди и потеряв последнее терпение, уходят из магазина»¹. В 20-е гг. стабильно не хватало продавцов, или, как тогда говорили, «приказчиков». К тому же многие приказчики не обладали хорошими манерами: грубили покупателям и нерасторопно их обслуживали.

Типичный магазин «нэповского» Новосибирска был одним из тех мест, где трудился неквалифицированный, мало образованный маргинальный люд. Мальчишки на побегушках в магазинах, бочкомой и чаномой на винном производстве, номерщицы в банях – это уже изживавшие себя, но обычные для 20-х гг. профессии. Специфический кадровый состав торговых предприятий подчас порождал казусные ситуации. Например, в 1923 г. магазин в бывшем доме Ежова на Красном проспекте стал закрываться на обед. Сотрудники магазина расходились и разъезжались по домам и частенько не успевали вернуться к концу обеда, что нарушало обычный ритм работы. Пришлось отказаться от обеденного перерыва. Сотрудники вновь «целый день сидели голодом»².

Безусловно, неудобным был обычный график работы магазинов – только до 17–18 часов. Этот график мог вполне устраивать домашних хозяек, но работавшие допоздна горожане не всегда успевали зайти за продуктами. В 1923 г. новониколаевцы получили возможность посещать дежурный ночной магазин, где продавались гастрономические бакалейные и кондитерские товары, а также вина. Однако «ночной» магазин был единственным на весь город и работал только до полуночи. Этот же магазин обслуживал покупателей в праздничные дни. Очевидно, услуги такого магазина были очень востребованными, так как предприятие делало существенные товарообороты. В 1926 г. горожанам предлагалась еще одна интересная услуга: продажа тортов, пирожных и печенья с доставкой на дом. Но эта услуга не получила широкого распространения.

¹ ГАНО, ф. Р-1132, оп. 1, д. 45, л. 272.

² Там же, д. 21, л. 108.

В начале 1920-х гг. во многих магазинах отсутствовало электрическое освещение, что, безусловно, особенно в зимнее время, осложняло выбор продуктов. Однако, похоже, отсутствие электричества еще не воспринималось обывателями как большая проблема, к электрическому освещению не относились как к удобству первой необходимости. По всей видимости, распорядок дня еще в значительной степени подчинялся естественному солнечному освещению. Стоит упомянуть и о том, что покупатели не были застрахованы от приобретения недоброкачественных продуктов питания – такие случаи нередко фиксировались. Например, в 1927 г. на протяжении двух недель в магазине № 1 торговой сети «Акорт» отпускали заплесневевшую кету¹. Несомненно, порче продуктов способствовало характерное для многих магазинов антисанитарное состояние складов и иных служебных помещений, где хранились продукты.

Еще одна категория объектов городской среды, служивших удовлетворению потребностей обывателей в питании – это **столовые, кафе и рестораны**. Безусловно, с приходом советской власти в городе угас некогда хорошо развитый трактирный промысел. Общественное питание в 20–30-е гг. налаживалось медленно и не особенно успешно. Приведем для сравнения данные дореволюционной статистики. В 1904 г. в городе имелось 21 трактирное заведение, на один трактир приходился 1251 житель². В 1910 г. в городе существовало уже 87 трактирных заведений (из них собственно трактиров и ресторанов – 12), 50 пивных лавок и винниц, три заведения, попадавших под категорию «харчевни, закусочные, столовые и чайные», два буфета. На один трактир приходилось 606 горожан³. Даже не располагая статистикой начала 20-х гг., можно с уверенностью сказать, что количество подобных заведений в это время существенно сократилось. Случайному человеку, не приписанному к определенной столовой и не знающему местонахождения частных кафе, было крайне трудно добыть горячую еду в Новониколаевске. Эта проблема остро стояла на вокзале и в некоторых других людных местах. В период же расцвета нэпа на вокзале и на пристани появилось немало торговцев пирожками, семечками и прочей снедью. На обской пристани открывались частновладельческие лавочки, бойко торговавшие едой.

¹ Новосибирский день // Сов. Сибирь. – 1927. – 13 авг.

² Города России в 1904 г. – С. 386.

³ Города России в 1910 г. – С. 240.

В годы нэпа в нашем городе общественным столовым составляли конкуренцию частновладельческие кафе и харчевни, отрывочные сведения о которых мы находим сегодня в местной прессе («Советская Сибирь») и в воспоминаниях старожилов. Ясно, что выбор тех или иных заведений определялся социальным статусом горожан. Особенности пищевого поведения разных социальных групп диктовали их членам выбор кафе или ресторана. Нам известно, что в 1922–1923 гг. обыватель мог решать, пойти ему отужинать в частновладельческое кафе «Аполло» или в кафе-трактир «Звезда», которое, впрочем, попало на газетную полосу благодаря грубости его персонала. Летом новониколаевские «толстосумы» (преимущественно нэпманы) любили посещать сад «Юпитер» с рестораном, где до глубокой ночи публика весело кутила. В 1925 г. «Юпитер» закрылся. Вместо него сразу же распахнул двери для посетителей «Летний павильон» кавказской кухни, где с 10 утра до 2 часов ночи жарили шашлыки из баранины, телятины, говяжьего филе и предлагали посетителям отведать цыпленка или рыбу, приготовленную на вертеле. Гости «Павильона» угощались пивом, виноградными винами и наливками разных фирм, слушали живую музыку и веселились¹. При входе в дорогое кафе (к примеру, в «Де Пари») настроенные на праздник посетители могли купить мороженое у опрятных уличных мороженщиков, в то время как в более людных и «простых» местах руки и фартуки мороженщиков отнюдь не сияли белизной. В нэповские годы новониколаевцы имели возможность посетить и рестораны высокого класса, скажем, «Свет» или «Ренессанс», открывшийся в 1922 г., где устраивались обеды и ужины «а la carte», подавали какао и кофе, и где посетителей развлекало концертное трио. Люди с менее взыскательным вкусом и более скромными финансовыми возможностями выбирали кафе «Биржа» на Центральном базаре.

Несомненно, что грязные харчевни на Закаменском базаре привлекали внимание, прежде всего, городских пьяниц, которые искали возможность «угоститься» там самогоном. Впрочем, в новониколаевских газетах мы находим намек на то, что эти заведения представляли собой отнюдь не единственный пример «харчевочек», где собиралась далеко не самая пристойная публика и где рекой лился самогон, с производителями и продавцами которого власти вели борьбу. «Сколько в Ново-

¹ [Реклама] // Сов. Сибирь. – 1925. – 19 июня.

николаевске пивных? Десятка три, если не больше», – вел подсчет журналист «Советской Сибири» Г. Андреевич осенью 1925 г.¹

В городских пивных нередко происходили неприятные инциденты, которые могли весьма драматично закончиться. Так, в феврале 1925 г. в частной столовой гражданина Алимпиева на ул. Межениновской завязалась отчаянная драка между хозяином заведения и пьяными посетителями, «инвалидами-неврастениками», как уточнялось в репортаже газеты «Советская Сибирь», которые не желали платить по счету за выпитое пиво. За хозяина вступились некоторые посетители. Драчуны жестоко били друг друга, и не только кулаками. В ход пошли пустые и полные бутылки, прочая посуда и даже железная мешалка. Драка лишь тогда прекратилась, когда стало ясно, что до смерти забит посетитель Фомичев². Случались дебоши и в «приличных» ресторанах. Так, в ресторане «Россия», который любили посещать нэпманы, актеры и циркачи, однажды вышел следующий конфуз: подвыпивший клоун Серж из местного цирка хулиганил до двух часов ночи, не хотел уходить после закрытия заведения и кидался с ножом на милиционера, «героически» перед дамами.

И.М. Лавров вспоминал, что напротив дома будущего писателя, на ул. Бийской, угрюмый нэпман Быков держал пивную. «В пивной толклись пьяные, орущие людишки. Постоянно возникали драки. Иногда дрались топорами. В ход пускали камни, дубинки, ножи»³, – такие страшные картины навсегда остались в памяти Ильи Михайловича, на глазах у которого произошло два убийства в этой пивной.

Конец нэпа привел к закрытию частных ресторанов, кафе и трактиров и к появлению государственных кафе и ресторанов, входивших в сеть общепита. Если новониколаевские нэпманы предпочитали кафе и рестораны, то рабочие и служащие, «кутившие» чаще в пивных, во время трудового дня отправлялись обедать в общественные столовые. Но, по мнению историка Н.В. Буша, в первой половине 20-х гг. для Сибири в целом было характерно отставание развития общественного питания от общероссийских показателей. Ведь Сибирь все-таки не-

¹ Андреевич Г. Мелочи сибирской столицы // Там же. – 27 нояб.

² В пьяной драке // Там же. – 1926. – 6 февр.

³ Лавров И. М. Мои бессонные ночи. – С. 26.

смотря на обывательское сопротивление помогала голодавшим Поволжья, что приводило, в частности, к завышению столовских цен¹.

В 1921 г. столовые по всей стране были сняты с централизованного государственного снабжения и переданы в ведение потребительской кооперации, переведены на хозрасчет и самокупаемость. В столовых перестали практиковать бесплатное питание для рабочих, которые теперь платили за обед в столовой по месту работы. Общественные столовые создавались преимущественно на предприятиях и в государственных конторах, но далеко не каждое предприятие и учреждение могло себе позволить открытие столовой, так как на это требовались существенные финансовые затраты².

Предприятий общественного питания, открытых для всех желающих, в Новониколаевске было мало. К их числу относилась единственная чайная на Новониколаевской станции, начавшая работу в 1920 г. Создание первых советских столовых для рабочих и для детей относится к началу 20-х гг. Известно, что весной 1920 г. открылась столовая для рабочих сапожных и обмундировочных мастерских Губсовнархоза. Открытие первых маленьких, плохо оборудованных столовых, пресса преподносила как важные, можно сказать, эпохальные события, существенно преувеличивая их роль в питании горожан³. Кроме того, в послевоенном Новониколаевске ситуативно открывались столовые для обслуживания вполне определенного, ограниченного контингента. Так, в январе 1920 г. была временно организована бесплатная столовая для проезжающих пленных из Германии и Австрии⁴. Для служащих отдельных контор и предприятий устраивались коллективные обеды по спискам. Рабочих и служащих советских учреждений «прикрепляли» к новым столовым, которых насчитывалось всего пять-шесть на весь город⁵.

¹ Буша Н.В. Изменения в быту трудящегося населения городов Сибири накануне и в годы восстановления народного хозяйства (1920–1925 гг.) – С. 14.

² Дудукалов В.И. Развитие общественного питания в Сибири в годы социалистического строительства (1921–1932). – С. 125–126.

³ Л-ин В. Общественное питание и снабжение Сибири // Сов. Сибирь. – 1921. – 2 марта

⁴ Хроника // Красное знамя. – 1920. – 12 янв.

⁵ Там же. – 31 марта.

Столовые обычно не вызывали энтузиазма посещавших их немногочисленных рабочих, которые жаловались на грязь, «дурное приготовление обедов», немытые и нечищенные продукты и грубость персонала. Весной 1921 г. пресса была вынуждена констатировать, что с общественным питанием «дело обстоит хуже некуда»: не хватало продуктов, нормальных помещений, посуды, рабочих рук¹. Но и работники общепита не всегда были довольны теми, кто у них «столовался». Конфликт поваров и посетителей столовых мог привести к таким эксцессам, как, допустим, исключение на месяц из детской столовой хулиганов за сквернословие, «курение табаку и ругань служащих столовой».

Упомянем, наконец, и о **приусадебных хозяйствах**, которые служили значительным подспорьем в питании горожан на протяжении всего описываемого нами периода. В 1917 г. в Новониколаевске имелось 54 хозяйства с посевом, содержалось 7949 голов скота, притом, что всего в городе насчитывалось 4802 двора (на 100 усадеб приходилось 166 голов). Однако в соседних маленьких, «захолустных» городах, таких, как Камень или Колывань, эти показатели были куда выше. В 1920 г. в Вокзальной части города переписали весь скот. Оказалось, что практически на каждом из 775 дворов была корова, а то и две. Дворы, где не было ни коров, ни телят, можно было пересчитать по пальцам. В 1923 г. вышло даже постановление городских властей, запрещавшее выпускать скот на улицы и площади города.

В период с конца 1919–1928 г. приусадебные хозяйства оставались характерными для городской среды, однако с наплывом населения на усадьбах строились дополнительные дома, из-за которых уплотнялась застройка, и вытеснялись огороды. Почти не было огородов в беднейших частях города, таких, как Малая Нахаловка, в местах, которые застраивались многоквартирными бараками. Преимущественно не огородничали и представители отдельных «прибыльных» профессий, к примеру, железнодорожники.

Каждому человеку необходима **чистая питьевая вода**. Английский историк Йорк Мембери, говоря о повседневных проблемах населения своей страны в 50-х гг., приводит «шокирующие данные»: «Средняя домохозяйка работала по 15 часов в день, в одном из трех домашних хозяйств не было ванны, в одном из двадцати не было водо-

¹ Л-ин В. Указ. соч.

провода»¹. Конечно, мы ведем речь не о 50-х гг., но некоторые данные о новосибирском водопроводе, которыми мы располагаем, действительно способны если не шокировать, то удивить современного горожанина.

Водопровода в нашем городе не существовало вплоть до 1929 г. Источником водоснабжения Новониколаевска–Новосибирска являлась р. Обь, ее притоки, а также подземные воды. До того как в городе был построен водопровод, осуществлялся подвоз воды: она разливалась в специальные деревянные бочки и на лошадях доставлялась до домовладений, где продавалась ведрами. Горожане начала 20-х гг. могли откликнуться на газетное объявление следующего содержания: «Водовоз доставит воду аккуратно и недорого». Водовоз Ушаков, разместивший это объявление в газете, предлагал обращаться по адресу: ул. Болдыревская, № 68².

По данным новониколаевского санэпидотдела, в тяжелом 1920 г. суточное потребление воды горожанином составляло в среднем четверть ведра. Это количество автор газетной заметки о водопотреблении в Новониколаевске мягко назвал «скромным». Он осведомил читателей, что по санитарным нормам каждому горожанину необходимо от 2 до 12 ведер чистой воды для питья, приготовления пищи, содержания в чистоте тела, жилища и белья³. В середине 1923 г. на одного новониколаевца приходилось около ведра чистой питьевой воды в день⁴. Воды недоставало, потому что горожане пользовались неисправными, дающими воду в небольших количествах и непостоянно, буровыми колодцами бывших частных сооружений.

В середине 20-х гг. водокачки работали только в половину мощности, а закаменская водокачка не работала вовсе. Плохим качеством отличалась вода в Военном городке, которая поступала к жителям из р. Каменки и недостаточно очищалась слабыми фильтрами. Летом 1924 г. водокачка в Военном городке работала по крайне неудобному графику: красноармейцы, их домочадцы и прочие жители городка могли набрать воду только с 6 до 10 утра, либо с 16 до 20 часов. Красноармейцы возмущались, что утолять жажду приходится «по расписанию», что не у всех есть баки для хранения воды, не все успевают в

¹ Mambery Y. All our yestodays // History today. – 2001. – № 4. – P. 28.

² [Реклама] // Красное знамя. – 1920. – 3 янв.

³ Хроника // Дело революции. – 1920. – 12 дек.

⁴ Хроника // Большевик. – 1923. – 11 июня.

назначенные часы подойти к водокачке, что без воды не справиться с бытовыми возгораниями, но подобный график работы водокачки оставался длительное время неизменным¹. По данным 1926 г., в городе существовало 12 водокачек, которые подавали около 35 тыс. ведер воды в сутки. На одного горожанина приходилось всего около трети ведра, что было в три раза меньше «голодной нормы»². В начале 20-х гг. за воду нужно было платить, а в условиях хозяйственной разрухи многие горожане не имели достаточных средств и экономили деньги буквально на всем.

В середине 20-х гг., когда быт горожан в целом стал налаживаться, водоснабжение оставалось крайне большим вопросом. Особенно из-за недостатка воды страдали жители окраин. Водовозы службы городского коммунального хозяйства не желали доставлять воду на окраины и постоянно норовили объехать их стороной. Жители окраины Вокзальной части города ходили за полторы версты к ближайшей водокачке и выстаивали там длинную очередь³. Обитатели Красной Горки, не дожидаясь водовоза, который приезжал один-два раза в день, обычно шли за водой к грязной речке Второй Ельцовке, вследствие чего нередко заражались инфекционными болезнями⁴. На закаменской окраине зимой 1926 г. единственная водокачка ни дня не работала. Приезжавший туда водовоз брал по 5 коп. за ведро, поэтому далеко не все пользовались его услугами, многие пили грязную воду из талого снега⁵. Закаменцы приспособились брать воду из источника возле сада «Строитель», где зимой и летом за минуту можно было наполнить ведро. Но, безусловно, этот источник не мог удовлетворить нужды целого городского района.

Естественно, обыватели берегли чистую воду и в бытовых целях использовали, как правило, воду речную. Скотину и домашних птиц поили речной водой, ею же мыли полы, белье полоскали на реке. Это было не только негигиенично, но и неудобно. В воспоминаниях старожила Новосибирска Н.Ф. Беляевой приводится сюжет о трагическом случае, произошедшем во время полоскания белья на реке. Зимой

¹ О водокачке // Красноармейская звезда. – 1924. – 6 июня.

² По Новосибирску // Сиб. гудок. – 1926. – 28 янв.

³ Потерпевший. Дайте воду на окраины // Сов. Сибирь. – 1925. – 13 мая.

⁴ Красногвардеец. Забытые окраины: жизнь на Красной Горке // Там же. – 15 мая.

⁵ Жалобы окраин // Там же. – 1926. – 12 янв.

1923 г. беременная мать мемуаристки поскользнулась на льду, когда полоскала белье в проруби, упала на живот и вскоре родила младенца, который сразу умер.

На протяжении 1920-х гг. водоснабжение города развивалось главным образом за счет строительства водокачек и увеличения числа водовозок, что не решало радикально проблем водоснабжения и не освобождало горожан от необходимости экономного обращения с водой. Многие горожане выкапывали колодцы на своих усадьбах, однако колодцы имелись далеко не у всех.

Городские власти Новониколаевска хлопотали о создании водопровода еще с 1910 г. Отсутствие водопровода приводило к использованию для питья грязной воды и распространению инфекций (летом 1910 г. вспыхнула эпидемия холеры). Страшный пожар 1909 г. имел такие серьезные масштабы потому, что город не располагал достаточным количеством воды для его тушения. Однако Кабинет его величества отказался финансировать строительство водопровода по причине большой задолженности Новониколаевска казне. Таким образом, водопровод пришел в город только в 1927 г. Для строительства и эксплуатации городского водопровода и канализации в 1927 г. был образован коммунальный трест «Водосвет», переименованный в 1931 г. в «Водоканал». За 1927–1928 гг. построили только 53 км водопровода. Водопровод начал работу в 1929 г., тогда подключили к системе водоснабжения 109 домовладений в Центральной части города. Писатель Илья Лавров так запомнил день, когда «дали воду»: «Мальчишки, девчонки, женщины выбегали изо всех калиток, гремели ведрами, коромыслами, перекликались. Бежал и я, махая синим крашеным ведром... Сразу же вытянулась веселая, шумная очередь. Внизу окна был лоточек. Выдвинется он, положишь в него талон, лоточек юркнет обратно, а ты только поспевай, суй ведро под трубу. Струя прозрачная, студеная, как хватит – только ведро зашатается, запоет»¹.

Однако начало функционирования водопровода вовсе не означало исчезновения из Новониколаевска водовозов и примитивных колодцев. Многие обыватели продолжали потреблять воду из этих привычных источников. Жители окраин по-прежнему выбегали на улицы, гремя пустыми ведрами, когда появлялся человек, везущий огромную бочку

¹ Лавров И.М. «Прошло мое детство...»: главы из романа «Мои бессонные ночи» // Сиб. горница. – 2003. – № 4. – С. 18.

с водой. В 1929 г. вышло даже обязательное постановление городского совета, регламентировавшее работу водовозов и правила охраны источников водоснабжения¹. Из этого постановления видно, что обыватели продолжали пить речную воду, загрязняли колодезную воду немытыми ведрами, кадушками и продуктами, которые часто опускали в колодцы для охлаждения.

1.2. Проблемы жилья и отдыха в Новониколаевске

Удовлетворение потребностей в отдыхе, тепле и отчасти в безопасности человек находит **в жилище**, где обитает постоянно или временно пребывает. Поэтому данный параграф посвящен сюжетам, связанным с жильем новониколаевских обывателей: постоянным и временным. В 1920-е гг. горожане Новониколаевска–Новосибирска жили в частных, коммунальных (государственных и муниципальных) и кооперативных домах. Временное жилье – квартиру, комнату или угол – обыватель мог снять за плату у частного владельца. Кроме того, можно было поселиться в коммунальной гостинице или на частном постоялом дворе (в годы нэпа).

Жилищный фонд города в период разрухи был недостаточным для полноценной реализации потребностей горожан. В период гражданской войны строительство на городской территории практически прекратилось. Многие люди, лишившиеся крова в результате гуманитарной катастрофы, разразившейся в стране, ютились в землянках, сараях, вагонах и прочих непригодных, исходя из санитарных норм и элементарных соображений удобства, жилищах. Однако в силу особенностей своего географического местоположения, административного и экономического значения Новониколаевск быстро увеличивался по демографическим показателям, и уже в начале 20-х гг. была заметна тенденция роста числа частных жилых строений. Частная застройка в Новониколаевске преобладала, так как три четверти городского населения проживало в частных домах². Горожане брали в аренду земельные участки в селитебной городской черте и, в зависимости от материальных возможностей, строили избы, бараки или землянки. В начале 20-х гг. советская власть принялась за муниципализацию крупных до-

¹ ГАНО, ф. Р-343, оп. 1, д. 83, л. 1–2.

² Петров А. Жилищное строительство и жилищные условия в Новосибирске // Статистика Сибири. – 1930. – № 2/3. – С. 78.

мов, в которых могли устраиваться общежития. Домовладения «капиталистов» экспроприировались государством и передавались горсовету, который по своему усмотрению заселял эти дома пролетариями и служащими различных государственных учреждений. Однако уже в начале 20-х гг. коммунальщики отмечали, что муниципализация «буржуазных владений» не дала ожидаемых результатов, так как лучшие дома отходили военным штабам, лазаретам, воинским частям и советским учреждениям. Лишь во вторую очередь бывшие дома буржуазии заселяли нуждавшимися горожанами. Система вселения не была отлажена: чрезвычайные жилищные комиссии, создававшиеся горсоветом, «вселяли и выселяли без конца, жилец чувствовал себя перелетной птицей»¹. Показательно, что число муниципализированных жилых домов в Новониколаевске было наименьшим по сравнению с другими сибирскими городами, составляя только 4,4 % всех жилых домов².

В начале 20-х гг. государство в большей степени занимали вопросы реконструкции промышленности и аграрной сферы экономики, нежели проблемы восстановления и развития коммунального и жилищного хозяйства. В «Сибирском Чикаго», который рос феноменально быстрыми темпами, жилищный кризис ощущался очень остро, хотя за десятилетний период с 1920 по конец 1929 г. в Новониколаевске–Новосибирске добавилось 295 тыс. м² новой жилой площади (преимущественно частной)³. Получалось, что за десятилетний период жилая площадь в Новониколаевске возросла в два раза, а численность населения увеличилась в 2,1 раза. Однако эта видимая гармоничность пропорции между ростом численности населения и ростом жилой площади вовсе не свидетельствует о достаточной обеспеченности горожан жильем. При более пристальном взгляде становятся очевидны проблемы, которыми сопровождалось обеспечение новониколаевцев крышей над головой.

В 1925 г. в Новониколаевске возникли государственные строительные организации, жилищно-арендные и жилищно-строительные кооперативные товарищества (ЖАКТы и ЖСКТы), деятельность которых была направлена на расширение жилищного фонда и обеспечение ну-

¹ И.В. Жилищный вопрос и наши задачи // Сов. жизнь. – 1922. – № 2/3. – С. 11.

² Петров А.И. Предварительные итоги учета домовладений, жилых зданий и квартир по переписи 1926 г. // Стат. бюллетень. – 1926. – № 9/10. – С. 50.

³ Новосибирск: Справочник по городу и району. – С. 363.

ждавшегося городского населения жильем. Государство стремилось поддерживать и поощрять жилищную кооперацию, предоставляя кооперативам правовые и материальные льготы, облегчив процедуру выкупа в кооперативную собственность арендуемых муниципализированных жилищ и т. д.¹. Но жилищная кооперация не получила широкого распространения в Новониколаевске–Новосибирске 1920-х гг. Хотя в 1926 г. в городе существовало 26 ЖАКТов, в которых состоял 901 человек, при статистическом подсчете выяснялось, что в кооперативных домах арендует жилье только 2,1 % городского населения. Эта цифра снизилась к 1929 г. до 1,3 %². Население Новосибирска быстро возрастало, а темпы развития жилищной кооперации не повышались. Кооперативное жилье было доступно далеко не всем социальным группам горожан. Лишь те, кто обладал гражданскими правами, могли рассчитывать на кооперативное жилье, поэтому небольшие, тесные кооперативные домики заселялись рабочими и служащими, участие которых в кооперации было преобладающим. Новониколаевские служащие, судя по питанию, условиям проживания, по одежде, находились в более выгодном положении, чем рабочие, повседневность которых была тяжелее и скромнее. Жилищная кооперация была не популярной и по причине ее относительной дороговизны в сравнении с частным строительством. Частное жилищное строительство предполагало, в отличие от кооперативного, полную и быструю реализацию вложенного капитала. Горожане выбирали частное строительство и на том основании, что частный дом можно построить по своему вкусу, т. е. сказывалась привычка к «индивидуальному быту»³.

Кроме того, строительством жилых домов занимался городской совет и некоторые государственные учреждения. Распределял жилье в таких домах преимущественно горкомхоз, т. е. служба городского коммунального хозяйства. Доля государственных домов в Новосибирске была небольшой.

Жилищный фонд города оставался скудным еще с дореволюционных времен. В начале 1920-х гг. строительная база в Новониколаевске

¹ Постановление ЦК РКП(б) о жилищной кооперации // КПСС в резолюциях и решениях... – Т. 3. – С. 400.

² Петров А. Жилищная арендная кооперация Сибирского края в 1928 г. // Статистика Сибири. – 1930. – С. 129.

³ Петров А.И. Обследование строительной деятельности в городах Сибири в 1924–1925 гг. // Стат. бюллетень. – 1924. – № 5/6. – С. 24.

была крайне слабой, газеты постоянно писали о том, что жилищный вопрос обостряется с каждым днем. Многим новониколаевцам, особенно недавно приехавшим в город (а таковых становилось все больше), негде было жить. Государство не располагало достаточными средствами, чтобы обеспечить горожан качественным жильем. В 1924 г. домовладения оставались преимущественно частновладельческими. Частных квартир в городе насчитывалось 8427 и проживало в них несметное количество людей: 75 275 человек. Арифметический подсчет показывает, что на одно домовладение приходилось девять человек. Частное жилье в те годы – это обычно небольшой и неблагоустроенный домик, избушка. Многие горожане жили в тесноте. Домовладений, принадлежавших государственным учреждениям, было в Новониколаевске всего 473 и проживало в них только 11 633 человека, т. е. 24–25 обитателей на одно домовладение. Слишком многие в Новониколаевске претендовали на государственное жилье, поэтому и «плотность населения» в таких домах была крайне высокой. Меньше всего обывателей жило в муниципальных домовладениях, по данным 1924 г., – 9316 человек на 587 домовладений, или 15–16 человек на один дом¹.

Домовладения, чаще государственные и муниципальные, нежели частные, делились на квартиры. Получалось, что в одной квартире в среднем обитало от шести до десяти человек. Подавляющее большинство квартир были однокомнатными (72,5 %). Даже шесть человек на одну комнату, очевидно, много. Однако у горожан не было выбора. В таких квартирах обычно имелась кухня, но в 3,8 % случаев квартира состояла только из жилой комнаты. Сегодня проживание десяти обывателей в одной неблагоустроенной комнате кажется едва ли мыслимым. Но для тех лет такая ситуация была более привычной и сносной по сравнению с перспективой остаться без крова. Двухкомнатных квартир было гораздо меньше – всего 17 % от общего числа квартир; трехкомнатных, соответственно, 8,9 %, а четырехкомнатных и еще более просторных – 3,6 %. Ясно, что в больших квартирах обычно ютилось по несколько семей. Более чем одной семьей было занято 36,2 % однокомнатных квартир, 57,5 % – двухкомнатных, 74,6 % – трехкомнатных. В большие квартиры чаще всего селили по 3–4 семьи. Минимальные санитарные нормы того времени по площади на человека не

¹ Вся Сибирь: Справочная и адресная книга на 1924 г. – С. 161.

достигались даже наполовину¹. Согласно статистике, все семьи Новосибирска к началу 30-х гг. жили в условиях перенаселения².

Люди жили в тесноте и далеко не всегда – не в обиде. Об отдыхе и уединении многие зачастую лишь грезили. Для первой половины 20-х гг. газетные объявления о продаже квартир и домов были редким явлением, в то время как объявления «Куплю дом» встречаются довольно часто. Горожане хотели и зачастую могли бы купить жилье, но предложение практически отсутствовало. Крайне редкими были объявления даже о сдаче комнат и квартир в аренду. Пресса постоянно оповещала об усугублении квартирного кризиса. Осенью 1923 г. из-за отсутствия свободного жилья вышел конфуз: не нашлось временного пристанища для гастролировавших столичных артистов, которых заранее пригласили в Новониколаевск³. Ежедневная местная газета «Трудовой путь» предупреждала в 1922 г. нуждавшихся в жилье горожан о том, что жилищный отдел горкомхоза, который утопает в заявлениях и требованиях на квартиры, комнаты и углы, совершенно не имеет таковых в распоряжении⁴. Когда кому-либо удавалось снять комнату, жильцы держались за нее, даже если жилье было плохим или не складывались отношения с соседями. «Куда пойдешь в нашем городе?» – задавала со страниц газеты риторический вопрос квартирантка, сильно конфликтовавшая с соседями⁵. Между тем, в Новониколаевске на съемных квартирах за плату проживала треть населения⁶. Получить жилье было трудно, поэтому обыватели искали обходные пути: заводили полезные знакомства или старались дать взятку за ордер на комнату, скажем, сотруднику губсоюза, распределявшего жилье.

Летом можно было поселиться на каком-нибудь сеновале, где-нибудь в холодной клетушке, зимой же многим приезжим некуда было податься. Городские власти, как могли, пытались решать проблему жилья. К примеру, уже в июне 1922 г. 1735 человек въехало в 421 новую квартиру, 1441 человек занял 531 комнату, в 493 углах приюти-

¹ Вся Сибирь: Справочная и адресная книга на 1924 г. – С. 162.

² Петров А. Жилищное строительство и жилищные условия в Новосибирске. – С. 78.

³ Квартирный кризис в Новониколаевске // Большевик. – 1923. – 28 сент.

⁴ Хроника // Трудовой путь. – 1922. – 15 нояб.

⁵ Дом ненависти // Сов. Сибирь. – 1926. – 12 окт.

⁶ Петров А. Жилищное строительство и жилищные условия Новосибирска. – С. 94.

лось свыше 1036 нуждавшихся¹. Каковы были условия жизни в этих самых углах – можно только с ужасом догадываться, тем более, что к тесноте в начале 20-х гг. добавлялся суровый дровяной кризис: было тесно и бесконечно холодно.

В 1925 г. решение жилищного вопроса в обозримой перспективе отсутствовало. «Небывалый тупик в жилищном вопросе», – вот диагноз, вынесенный жилищному фонду Новониколаевска газетой «Советская Сибирь»². 117 новых жилых домов, которые предполагалось сдать осенью, планировали заселить более чем тысячей человек. Однако в этом же 1925 г. совершенно вышло из строя 10 жилых домов, и отмечалось, что до 70 % муниципальных домов находится практически в аварийном состоянии и вскоре совсем развалится, если не начать срочный ремонт, на который нет средств. Не случайно поэтесса Лариса Крымская писала в 1926 г.: «А по углам глухих проулков / Копятся старые хрычи – / Хибарки, ветер бьет их гулко, / Никто не хочет их лечить»³. Это – пейзаж с натуры.

Мало того, что многие новониколаевцы жили скученно, часто качество жилья было плохим. В газете железнодорожников «Сибирский гудок» отмечалось, что жилье, которое дают представителям этой профессии, тесное и холодное из-за отсутствия сеней⁴. Зимой обитатели таких домов часто простывали и жаловались, хотя и тщетно. Важно и то, что с наплывом нового населения в Новониколаевск средняя жилая площадь на человека сокращалась: если в 1923 г. на одного горожанина приходилось 4,3, то в 1926 – 4,2 м², что составляло менее половины тогдашней минимальной санитарной нормы⁵. По другим подсчетам, в середине 20-х гг. на одного жителя Новониколаевска в среднем приходилось 7–8 кв. аршин жилой площади вместо 16, положенных по санитарным нормам. Если прирост населения составил за год около 10 %, то жилплощадь приросла всего приблизительно на 7 %⁶. За зиму 1926–1927 гг. в муниципальных домах освободилось

¹ Жилищный кризис // Сов. Сибирь. – 1922. – 19 авг.

² Жилищный вопрос в городе // Там же. – 1925. – 1 июля.

³ Крымская Л. «На площади пустой...» // Там же. – 1926. – 10 февр.

⁴ По Новосибирску // Сиб. гудок. – 1926. – 9 янв.

⁵ Петров А. И. Жилищный вопрос и жилищное строительство в Новосибирске // Стат. бюллетень. – 1927. – № 11/12. – С. 100.

⁶ Там же.

только семь комнат, в то время как в горкомхоз поступило более 300 заявлений от горожан, нуждавшихся в жилье¹.

По указанной причине в то время, как умы столичных архитекторов, градостроителей и идеологов новой эпохи были заняты спорами об идеальном советском городе, пока велись дискуссии о должном облике города-сада, пока размышляли о том, как построить новый быт в доме-коммуне, пока решался вопрос, имеют ли право на жизнь идеи урбанизма и дезурбанизма, пока чертились проекты будущих соцгородов, Новониколаевск–Новосибирск зарастал «нахаловками», а его население преимущественно довольствовалось условиями, которые едва ли можно назвать комфортными. «Нахаловка» была столь характерна для 20–30-х гг., что писатель Николай Самохин называл свое довоенное детство в «городе-саде» Новокузнецке «эпохой бурного образования “шанхаев” и “нахаловок”»². Если для Петрограда–Ленинграда приметой того времени являются первые коммуналки, то для Новониколаевска – «нахаловки». Газеты часто сообщали о самовольной застройке города. Пожалуй, чаще, чем в 20-е гг., пресса рассказывала читателям об этой проблеме только до революции, когда возникли и разрослись целые «нахаловские» районы³. В июне 1927 г. «Советская Сибирь» писала, что в Новосибирске особенно много самозастройщиков: «Все спешат обзавестись собственным уголком. Они захватывают все более или менее свободные клочки земли, буквально задавили Каменку, изрыли все ее берега и полезли в гору. Застройщики теснятся, загораживают себе проезды и проходы». Далее говорилось, что 103 домовладельца прислали в горкомхоз заявления с просьбой утвердить их в правах домовладения. Однако прогноз газеты был неутешительным – домишки скорее всего снесут, освобождая земли под новую застройку⁴. Множество заявлений – 1460 – поступило в апреле 1927 г. от застройщиков Ельцовской слободы. Они просили об отводе и закреплении земельных участков⁵.

¹ Про все // Сов. Сибирь. – 1927. – 6 марта.

² Самохин Н.Я. Где-то в городе на окраине. – С. 59.

³ Косякова Е.И. Социокультурный облик дореволюционного Новониколаевска по свидетельствам местной прессы // «Есть Родина твоя...». – Новосибирск, 2002. – С. 21.

⁴ Нахаловки растут // Сов. Сибирь. – 1927. – 1 июня.

⁵ Про все // Там же. – 3 апр.

Во всех районах и особенно в окраинных «слободах» Новосибирска постоянно возникали самовольные строения несмотря на противодействие милиции и земельно-лесного отдела губкомунотдела. По мнению доктора архитектуры Б.И. Оглы, рост «нахаловок» в 20-е гг. был обусловлен стремлением народа получить пусть и плохое, но индивидуальное жилье. Это стремление было формой противостояния обобществлению быта и жизнью коммуной. На наш взгляд, «коммуналкой», в столичном понимании этого слова, жителей Новониколаевска 20-х гг. едва ли можно было напугать. Конечно, случаи выселения «буржуев» из многокомнатных квартир и просторных домов были в Новониколаевске нередкими, но этот способ разрешения жилищного вопроса не имел далеко идущих перспектив. В городе было крайне мало каменной многоэтажной жилой застройки и домов с многокомнатными квартирами. А что касается коммун, то они появлялись в начале 20-х гг. и практически в «нахаловских» (дискомфортных, неблагоустроенных и антисанитарных) условиях. Об этом говорит, в частности, существование коммуны на ул. Енисейской, в доме № 58 (в Вокзальной части, застроенной обычными рублеными избами), где в 1920 г. поселилось 45 коммунаров¹.

«Нахаловцами» становились люди разного социального происхождения и уровня материального благосостояния. Например, на ул. Старой Кирпичной в пойме Каменки, в одном из очагов «нахаловского» строительства, проживал следующий разношерстный контингент: бедный одинокий инвалид, сапожник, грузчик, вдова бедная, плотник, извозчик, чернорабочий, мелкий спекулянт... Имущих и состоятельных жильцов на этой улице было немного: мелкий торговец да зажиточный мельник-промышленник Ваганов². И рабочие, на которых не хватило «законного» жилья, и классовые враги пролетариев шли на самовольное строительство, не желая остаться на улице без крова.

«Нахаловцу» стоило значительных усилий построить дом: он не располагал достаточным временем («Нахаловки – горе Новосибирска. Они вырастают за одну ночь в овраге, где свалки и сточные воды», – писал один из авторов московского журнала «Огонек»³); не имел необходимых строительных материалов, инструментов и, что самое важное, разрешения на строительство и проекта будущего дома. По этой

¹ ГАНО, ф. Р-1124, оп. 1а, д. 3, л. 2.

² Там же, оп. 4, д. 20.

³ Гехт С. Столица Сибири // Огонек. – 1929. – № 46. – С. 34.

причине многие брались за рытье землянок, которые как грибы росли и на ставших уже традиционными местах (пойма Каменки), и в местах, заново «осваиваемых». По воспоминаниям старожила Новосибирска В.Г. Дугалюкова, застройщики Большой Нахаловки воровали лес, который сплавляли по Оби, и из него строили избушки¹. Однако в дело шли и куда менее благородные материалы: фанера и ящики, бидоны из-под керосина и распоротые консервные банки... Достать хорошие строительные материалы в Новониколаевске было непросто. Широко использовались стройматериалы, бывшие в употреблении. В местных газетах появлялись такие объявления: «Продается старый годный кирпич от разобранного здания»². Жители таких районов, где активно велась самовольная застройка, привыкли к скученности домишек, сараев, углярок, уборных, дровенников и прочих сооружений, где, кстати, тоже можно было жить.

Как свидетельствуют источники, богатая городская усадьба до начала индустриализации часто больше напоминала деревенскую. В скученных, наспех застроенных «нахаловках» практически не было огородов. Это касалось, в частности, Малой Нахаловки. При описи имущества ее населения было зафиксировано частое отсутствие на этой территории огородов и даже дворов. Однако огородами пользовались жители каждой усадьбы Большой Нахаловки. Новосибирские нахаловки отличались друг от друга: в более старых и крупных люди жили богаче, во многом за счет огородов. Сами по себе «нахаловки» с ростом многих российских городов становятся их неременной принадлежностью.

Совершить один подвиг – самовольно построить дом – было недостаточно. Необходимо было пройти и через испытание, которое состояло в утверждении прав обывателя на владение данным строением. «Нахаловцы» пытались прикрыться незнанием закона, говорили, что место, на котором они построили дом, все равно пустовало (для заявлений типична формулировка: «Построенный мной домик на свободном месте...»³), рассказывали представителям земельно-лесного отдела службы городского коммунального хозяйства жалостливые истории (дом купили, а уж потом узнали, что построен он самовольно), обвиняли во всем Колчака, настаивая на том, что в период его власти не тре-

¹ НГПУ. Записано автором в 2002 г. в Новосибирске от В.Г. Дугалюкова.

² [Объявления] // Сов. Сибирь. – 1925. – 5 сент.

³ ГАНО, ф. Р-1124, оп. 4, д. 19, л. 42.

бовалось разрешения на строительство, а их дом появился именно тогда. Некоторые формулировки были особенно наглыми с юридической точки зрения и напоминали скорее высказывания крестьян пореформенной эпохи: «Земля – ничья, Божья, вот и строимся»¹. Если горе-застройщики не могли убедить милицию и земельно-лесной отдел в своей невинности, им либо отказывали в праве арендовать собственный дом, передавая его другим лицам, либо вовсе сносили самочинные постройки.

«Нахаловское» движение было массовым. Только в 1923 г. в архивное дело о самовольной застройке подшито 84 листа. В 1927 г. по факту самовольной застройки было рассмотрено около 500 судебных дел, еще около 200 дел на рубеже 1927–1928 гг. находилось в процессе рассмотрения. Многие постройки сносили по решению суда, поскольку они не вписывались ни в какой план². Четыре из каждых пяти новосибирских домов этого периода строилось самовольно; если прирост жилых домов за три года составлял приблизительно 51 %, то прирост «нахаловских» строений за три года – почти 286 %. Лидировали по темпам самовольной застройки Ельцовский р-н, пойма р. Каменки, Большая Нахаловка и Карьерная слобода³.

Фортуна была благосклонна далеко не ко всем «нахаловцам». Обратимся к некоторым частным примерам, касающимся отдельных персонажей, которые по разным причинам лишились плодов своего труда. Граждан Утюмову, Мельникова, Власова и других постигла печальная участь. При распланировании берегов Каменки «были включены в число плановых» и те участки, где эти люди возвели постройки. «Вместо того, чтобы утвердить указанных граждан на введенных в план участках, горкомхоз по причинам формального порядка договора с фактическими владельцами этих участков не заключил, а передает их другим лицам», – указано в заведенном деле⁴. Горкомхоз предложил снести постройки, а участки передать другим лицам. Утюмовой, которая отстроилась на злосчастном участке № 13 квартала № 34, сослужило плохую службу ее социальное положение. Ей отказали в закреплении

¹ На окраинах города // Сов. Сибирь. – 1926. – 30 авг.

² Прекращается много дел самовольных застройщиков // Там же. – 1928. – № 5.

³ Петров А.И. Жилищный вопрос и жилищное строительство в Новосибирске – С. 102–103.

⁴ НГГА, ф. Р-331, оп 1, д. 14.

нии на участке по той причине, что она «собирает тряпье и торгует им на базаре». Утюмова – бывшая крупная домовладелица из Перми, имевшая две мельницы и ломовую баржу, как-то оказалась в Новониколаевске, в то время как ее муж-контрреволюционер уехал в Харбин, где занялся торговлей. Можно ли было с такой характеристикой рассчитывать на утверждение прав владения домом? Даже если «да», то Утюмовой не повезло, ее не признали владелицей участка и построек. Больше повезло гражданину Власову. На участок к этому домовладельцу, не взирая на протест Власова, приселили «совладельца» Олина. Постройки гражданина Олина оказались стоящими прямо на вновь запроектированной улице. Поэтому ему и велели перебираться со всем своим скарбом на огород к соседу. Не повезло и гражданину Мельникову. Его «нахаловское» строение в Татарской слободе, находившееся в марте в зародышевой стадии строительства, обнаружила милиция. К осени дом был построен. А в сентябре его уже не существовало. По результатам обследования дома милиция заключила, что это строение «не соответствует требованиям инструкции НКВД от 24 августа 1925 г.», а значит, подлежит сносу. Из всех жалобщиков, которые протестовали против решения горкомхоза, повезло лишь гражданке Крюковой, чьи права владения на «нахаловское» строение были признаны.

Самовольщики часто стремились быстрее избавиться от наспех построенного домика в Нахаловке. Из страха сноса быстро продавали за 300–500 руб. свое строение, чтобы сколотить где-нибудь на окраине новое. Случаи сноса самовольных строений принимали подчас особенно скандальный характер. На Ельцовке около сухарного завода в 1927 г. лесник Пожаринский самовольно построил дом, который вскоре снесли, но дом Пожаринского возник на прежнем месте. Снос и восстановление дома происходили трижды, пока жилище лесника милиционеры демонстративно и прилюдно не столкнули в реку¹.

Отчасти росту нахаловок способствовало и невысокое качество работы горкомхоза. В докладной записке ОГПУ о работе горкомхоза значилось следующее: «Наблюдения за свободными селитебными землями нет никакого, благодаря чему земли захватываются самовольными застройщиками, которые строят самые разные постройки без всякого плана, в результате чего создается пожарная опасность. Борьбы с самовольной застройкой горкомхоз не ведет никакой, если не считать

¹ Ванька-встанька на Ельцовке // Сов. Сибирь. – 1927. – 5 авг.

его обращения по отдельным случаям в суд. Суд в большинстве случаев в иске отказывает, а если горкомхозу иногда удается получить исполнительные листы о постройках, то не всегда они приводятся в исполнение»¹.

Безусловно, далеко не все население Новониколаевска–Новосибирска ютилось по «нахаловкам» и углам. Конечно, застройка была преимущественно деревянной (в 1927 г. в Новосибирске деревянных жилых строений было 78,9 % от общего числа жилых построек)². Конечно, на более чем 120-тысячное население города приходилось только 8423 зарегистрированного жилого строения (по данным того же 1927 г.). Конечно, данные о жилом метраже, которым располагал в 1929 г. среднестатистический горожанин, крайне скромны – 4,5 м² против девяти, положенных по санитарным нормам³. Однако в Новониколаевске–Новосибирске предпринимались попытки улучшения быта, строительства новых благоустроенных домов для рабочих и служащих.

К примеру, на углу ул. Каинской и Красного проспекта в 1926 г. построили жилой дом (общежитие) на 18 квартир площадью по 55 м² каждая. В 1927 г. построили 4-этажный благоустроенный дом с 25 трехкомнатными квартирами на углу ул. Урицкого и Трудовой. Однако каменные многоквартирные дома представляли собой в 1920-е гг. «точечную застройку». В середине второго десятилетия отмечался временный всплеск государственного жилищного строительства: из-за перевода в Новосибирск краевых учреждений потребовалось срочное обеспечение квартирами служащих этих учреждений, однако вскоре всплеск государственного строительства сошел на нет.

Изучение статистических сведений об экономическом состоянии городских домовладений за 1928 г. показало следующее⁴. Не только дома, находившиеся во владении частных лиц, но и практически все дома, которыми владели жилищно-арендные кооперативные товарищества («Новый быт», «Кооператив Сибмедторга», «Красный Октябрь», «Искра», «Первомайский», «Пионер», «Тополь» и др.) в центре, Вокзальном р-не и Закаменке были деревянными, одноэтажными или двухэтажными. Примечательно, что при домах ЖАКТов имелось

¹ НГГА, ф. Р-331, оп. 1, д. 55, л. 1.

² Города Союза ССР. – М., 1927. – С. 120.

³ ГАНО, ф. Р-1353, оп. 1, д. 32, л. 210.

⁴ Там же, ф. Р-1989, оп. 1, д. 174.

много надворных построек и почти не было огородов. Вероятно, это было связано с тем, что с наплывом населения на усадьбах строились дополнительные дома, которые занимали огороды и уплотняли застройку. Такая застройка оставалась характерной для города и на протяжении третьего десятилетия XX в. Лишь кое-где в центральной части города появлялась в 20-е гг. капитальная каменная застройка. В это время в центре строили дома-коммуны и жилкомбинаты.

В 20-е гг. появилось «подселение», обычно вызывавшее серьезные проблемы во взаимоотношениях тех, кто был вынужден жить под одной крышей. Например, на Красной Горке было всего два больших добротных дома, которые ярко выделялись на фоне бедных маленьких халуп. Эти дома принадлежали бывшим предпринимателям – кожевнику и мыловару. Советская власть устроила в домах предпринимателей общежития Сибирского военного округа. Старые хозяева переселились на первые этажи. Супруга бывшего заводчика Сажина открыто брала советскую власть и новых соседей, а сам «буржуй» вынашивал план «вытряхивания» из дома военных под видом открытия мыловаренной артели¹. О наиболее громких скандалах подобного рода рассказывалось в газетах, где описывались сцены с угрозами кухонным ножом, обливанием горячими щами, избиванием соседа поварешкой, а также сюжеты пьяных потасовок².

С середины 20-х гг. в газетах начинают довольно часто встречаться объявления о продаже домов, в том числе и особняков. К примеру, в сентябре 1925 г. некто продавал особняк на ул. Бийской³. Мелькали в прессе и объявления об обмене жилья: как правило, меняли комнаты в разных районах города.

Несомненно, строились в городе и дома для элиты. Примером может служить жилой дом для работников госбанка на ул. Урицкого, построенный по проекту А.Д. Крячкова. Как об элитном, вспоминает о доме своего детства старожил нашего города Е.А. Баранова⁴. Этот дом располагался на пересечении улиц Ядринцевской и Мичурина. Деревянный двухэтажный, 8-квартирный дом был построен кооперативом «Просвещенец», пайщиками которого стали преимущественно пред-

¹ Красногвардеец. Забытые окраины: жизнь Красной Горки // Сов. Сибирь. – 1925. – 15 мая.

² Дом ненависти // Там же. – 1926. – 12 окт.

³ [Объявление] // Там же. – 1925. – 13 сент.

⁴ Баранова Е.А. Дом на ветрах истории // Память сердца. – С. 53–66.

ставители городской интеллигенции. Дом не отличался особым комфортом: «удобства» располагались на улице, отопление было печным, водопровод отсутствовал. Водопроводная вода и домашние туалеты появились в этом строении лишь в 30-е гг.

В начале 1920-х приехавшие в Новониколаевск люди могли остановиться, отдохнуть и выспаться **на постоянных дворах**. Значительное число постояльцев составляли крестьяне, приезжавшие на базар. Мест на постоянных дворах было немного, условия проживания оставляли желать лучшего. Постоялые дворы притягивали мошенников, втягивавших временных жильцов этих заведений в азартные игры, и спекулянтов, желавших дешево купить у крестьян те товары, которые они собирались сбывать на городских базарах.

На исходе 1922 г. на ул. Томской был открыт ночлежный дом. Там имели возможность временно остановиться одинокие безработные, зарегистрировавшиеся на бирже труда и не имевшие жилья люди. Постояльцы могли жить в ночлежном доме вплоть до устройства на работу и вволю пользоваться предлагавшимся им удобством, т. е. «горячим кипятком», который, если верить газетной рекламе, всегда имелся в «ночдоме»¹.

В годы нэпа в нашем городе были открыты дорогостоящие «номера», как, скажем, «Нэпо» на Михайловской ул., где сервис и обстановка отвечали вкусам «нэпачей». К числу дорогих гостиниц относился и «Метрополь» на ул. Коммунистической, где посетителям предоставлялись «все удобства» и «точное выполнение всех поручений»². В 1927–1928 гг. в городе строилась гостиница «Доходный дом», которой гордились городские власти. Кроме того, в эти годы работали гостиницы «Центральная» и «Сибирь», «Коммунальные номера» на Омской ул. Известен ряд частновладельческих гостиниц. На ул. Коммунистической в доме № 94 работали номера «Европа», на Семипалатинской, д. 48 размещался «Дом крестьянина», на ул. Томской, д. 16 находились «Меблированные комнаты», а на ул. Томской, д. 5 – номера «Москва». На ул. Барнаульской в доме № 56 имелись номера «Свет», на Красноярской, д. 5 были номера «Урал», на Рабочей, д. 27 располагалась небольшая гостиница «Номера», на Горького, д. 89 имелся «Постоялый двор».

¹ [Реклама] // Трудовой путь. – 1922. – 6 дек.

² То же // Сов. Сибирь. – 1927. – 23 марта.

Посетители частных новосибирских гостиниц конца 20-х гг. обычно попадали в небольшой дом, где имелась либо одна общая спальня для постояльцев, либо несколько номеров (обычно 6, 12 или 14). В некоторых гостиницах оставить вещи и багаж можно было в специально отведенной для этого комнате, в других предлагалось повесить пальто прямо на кухне, где топилась печь, готовился обед и кипели самовары. Условия проживания были разными. В некоторых гостиницах каждый номер был снабжен умывальником, в других умывальник был общим и единственным. Многие гостиницы требовали ремонта. К примеру, постояльцы «Дома крестьянина» созирали давно не беленые потолки и испытывали дискомфорт от духоты и запыленности помещения¹.

Пользуясь относительной незащищенностью постояльцев гостиниц и склонностью некоторых приезжих к приключениям, на некоторых постоялых дворах несанкционированно торговали водкой и самогоном. Кроме того, в ночное время сюда нередко наведывались «нюси» и «ла-ры» – девицы легкого поведения, искавшие встреч с постояльцами².

1.3. Санитарная безопасность, здоровье и уход горожан за телом

Вопросами санитарного состояния Новониколаевска в 20-е гг. занималась служба городского коммунального хозяйства. При горкомхозе имелся специализированный санитарный подраздел, отвечавший за чистоту города, источников воды, доброкачественность продуктов питания, поступавших в продажу. В апреле 1923 г. появилась специальная комиссия по очистке города, которая работала постоянно вне зависимости от санитарно-эпидемического состояния Новониколаевска. В этом же году была создана служба городского санитарного надзора³. В ведении горкомхоза находились городские бани и парикмахерские, т. е. места, непосредственно связанные с гигиеническими потребностями горожан. Кроме того, горкомхоз сотрудничал с лечебными заведениями города, которые до революции считались отраслью городского хозяйства. К числу лечебных учреждений, которые находились в ведении губздравицы, относились амбулатории (аналог поликлиник), диспансеры и больницы, число которых варьировалось на протяжении

¹ ГАНО, ф. Р-343, оп. 1, д. 83, л. 13.

² Про все // Сов. Сибирь. – 1926. – 21 июля.

³ ГАНО, ф. Р-1353, оп. 1, д. 32, л. 208.

20-х гг. Проблемы антисанитарии и эпидемий стояли в Новониколаевске этих лет очень остро, а учреждения и организации, созданные для решения этих проблем, с большим трудом справлялись со своими задачами. Сказывалась крайняя запущенность инфраструктуры города, отсутствие достаточных средств и недостаточная согласованность в работе учреждений, отвечавших за вопросы санитарии, медицины и коммунального хозяйства¹.

Здоровье и гигиена горожан напрямую зависели от состояния окружающей их среды. К моменту восстановления советской власти в Новониколаевске санитарные условия жизни новониколаевцев сделались катастрофическими. Именно грязь и эпидемии стали наиболее существенной проблемой для обывателей. Население Новониколаевска пострадало от тифа, эпидемия которого началась еще в 1917 г.², сильнее, чем жители других населенных мест Томской губернии. Распространению болезни способствовало отступление через Новониколаевск белой армии, размещение в Военном городке пленных, колоссальный приток беженцев и остановки железнодорожного движения, в результате которых ослабленные беженцы оседали в городе, становясь легкой добычей смертоносного тифа и распространяя заразу³. Городское хозяйство Новониколаевска было практически разрушено. Обыватели ежедневно созерцали наваленные ими самими во дворах и на улицах кучи бытового мусора, а в обывательский нос, высывывавшийся из дома, привычно ударял смрад стихийно появлявшихся навозных отвалов и гор прочих нечистот и отбросов.

Чем грозило засорение города? В помоях размножались микробы брюшного тифа, холеры, туберкулеза, гнойных инфекций и т. п. По подсчетам врача П.А. Воробьева, «сумма отбросов» физиологических и бытовых на одного человека за год составляла 5691 кг. Таким образом, на 100-тысячное городское население в год приходилось в среднем 36 млн пудов нечистот⁴. Сегодня трудно даже вообразить, во что

¹ Шиша А. Коммунальное хозяйство г. Новониколаевска // Сов. жизнь. — 1922. — № 2/3. — С. 10.

² Садовский П.П. Текущая тифозная эпидемия в Томской губ. // Сиб. мед. журнал. — 1922. — № 1. — С. 28.

³ ГАНО, ф. Р-34, оп. 1, д. 20, л. 39.

⁴ Воробьев П.А. К вопросу об улучшении ассенизационного промысла и устройства полей ассенизации в г. Новосибирске // Сиб. мед. журнал. — 1926. — № 6. — С. 16.

превратился Новониколаевск к 1920 г., если учесть, что городское хозяйство было разрушено, а население, хотя и резко сократилось по численности, все-таки оставалось значительным (в августе 1919 г. в городе обитало около 130 тыс., а к началу 1920 г. осталось чуть больше 67 тыс. горожан)¹.

Донельзя замусорены были прежние владения бывших «хозяев». Их муниципализовали, но использовали не сразу. Дома и дворы приходили в запущение, превращались в места свалок. Очистка таких владений производилась лишь тогда, когда городские власти начинали эксплуатацию муниципализированных владений. Например, из двора госпиталя, расположившегося в здании бывшего ресторана «Универсаль», при уборке удалили более 800 возов мусора и навоза². К существенным разрушениям и загрязнению привели также военные действия в городе. В таких санитарных условиях прошли первые годы после восстановленной советской власти.

В 1920 г. в Новониколаевске начала работать Чрезвычайная комиссия по борьбе с тифом (Чекатиф), образованная по приказу Всероссийской комиссии по улучшению санитарного состояния республики № 34 от 4.1.1920 г. Работа Чекатифа неоднократно становилась объектом изучения историков, поэтому, не останавливаясь на подробностях, скажем лишь то, что эта комиссия взяла на себя ответственность за генеральную уборку города³. Неделя с 7 по 14 марта была назначена «неделей чистоты». Горожане в принудительном порядке были вынуждены отчистить улицы и дворы Новониколаевска от грязи. Речь шла о жизни и смерти, поэтому новониколаевцы были заинтересованы в уборке и очистке улиц. Однако прикасаться к смертоносной грязи было омерзительно и, главное, боязно, так как можно было заразиться, поэтому энтузиазм смешивался со смертельным страхом. Сотрудники санитарного подотдела Чекатифа подошли с большой ответственностью к поставленной задаче. Они лично тщательно обследовали уборные и помойные ямы на каждой усадьбе и при каждом учреждении. За неделю, по оценке санитарного отдела, город был очищен на 90 %⁴, однако непочатый край работы представляли собой наполненные навозом овраги и свалки, ведь именно эти грязные места были наиболее

¹ Новосибирск – 100 лет: События. Люди. – С. 119, 121.

² ГАНО, ф. Р-34, оп. 1, д. 49, л. 143.

³ История города: Новониколаевск–Новосибирск. – С. 374–376.

⁴ ГАНО, ф. Р-34, оп. 1, д. 55, л. 18.

опасными с точки зрения накопления, сохранения и распространения инфекций.

Несмотря на усердную работу горкомхоза и Чекатифа к марту следующего года санитарная ситуация в городе вновь угрожала эпидемией. Ведь городское хозяйство еще не было восстановлено. Весной 1921 г., когда апрельское солнышко растопило замерзшую грязь и потекли мутные отравленные весенние воды, городские власти были вынуждены объявить первую неделю апреля «неделей чистоты». Обыватели снова вышли на улицы города с метлами и лопатами, как призывал лозунг: «Возьмемся за метлу, за лопату, за очистку домов, улиц и дворов!»¹. Вопреки усилиям горожан, очистить Новониколаевск за неделю было невозможно, город просто зарос навозом и мусором. Снег все таял и таял, поэтому, как свидетельствуют газеты, «обыватель по щиколотку ходил в жиже навозной»². Кажется, новониколаевцы уже привыкли к городской грязи, составлявшей неизменный атрибут их повседневной жизни.

Санитарное состояние города напоминало в это время ситуацию, характерную для крупных европейских городов двухсотлетней давности. Скромные достижения в области развития городского хозяйства не выдержали испытания войной. Даже захолустный городок Бежецк, описание которого представил А.Б. Каменский³, выглядел в начале XVIII в. лучше Новониколаевска, стоявшего на пороге «светлого будущего». «Грязи, топи и гади», «украшавшие» Бежецк, напоминают пейзаж послевоенного Новониколаевска, но кажутся не такими уж и опасными по сравнению с незахороненными трупами на улицах «Сибирского Чикаго». Вывод И.В. Нарского о неустойчивости ростков городской культуры европейского образца, оформившейся в дореволюционное время, подтверждает и наше исследование. Однако, на наш взгляд, Новониколаевск на пути своего регресса отнюдь не рурализировался, он оставался городом с присущими ему функциями транспортного узла, торгового и административного центра, но внешне похожим на «традиционные» российские города той поры, когда процессы модернизации лишь начинались в России.

¹ Хроника // Дело революции. – 1921. – 5 марта.

² Там же. – 27 апр.

³ Каменский А.Б. Повседневность русских городских обывателей: исторические анекдоты из провинциальной жизни XVIII в. – С. 121–128.

Раздраженные власти не могли не сетовать на поведение горожан, игнорировавших грязь и мусор. Новониколаевск и до революции отнюдь не отличался высокими показателями развития городского хозяйства, чистотой и благоустроенностью, ведь город рос очень быстро, и бесконечное строительство в сочетании с постоянным притоком новых людей приводило к антисанитарии. Да и выживание в условиях гражданской войны предполагало смирение с бытовой неустроенностью и привыкание к царившему вокруг хаосу. Но «Советская Сибирь» «прорабатывала» несознательных загрязнителей и нерях: «Вот, обыватель везет воз вонючих нечистот и как бы незаметно для других старается проделать в саях дыру и просыпать, и пролить по дороге нечистоты; пока приедет к свалке, полвоза уже нет, и лошади легче! А посмотрите, где он сваливает нечистоты? Там, где на столбе написано: “Строго воспрещается свалка нечистот!”»¹. Наконец за загрязнение улиц горожан стали штрафовать, в том числе и несправедливо. Выходили конфузы. К примеру, за навозные отвалы оштрафовали жителей ул. Трудовой, однако скоро выяснилось, что навоз вываливался из ворот тюрьмы и равномерно распределялся по улице «аккуратными» дворниками². Весна всегда была критическим с санитарной точки зрения периодом, когда не только оттаивала уличная грязь, но и активно засорялись источники водоснабжения, такие, как реки Каменка и Обь, в которые постоянно сваливали навоз.

Зимой 1920 г. более серьезную проблему, чем стихийные свалки, представляли собой незахороненные трупы людей. Власть в Новониколаевске менялась отнюдь не бескровно. В воспоминаниях старожилов до сих пор живы страшные картины гражданской войны. Например, Н.Ф. Бартош так передает рассказ своей матери: «Когда по Новониколаевску красные гнали белых (мама рассказывала), весь народ прятался по домам. Стрельба, кровь, крики. Мама говорила, что никогда не забудет, как с еще теплых убитых белых солдат красные снимали сапоги... Для нее, маленькой девочки, это было страшное время. От тифа умер ее отец; немного пожив после смерти мужа, умерла и мама от чахотки в 28 лет»³. А писатель И.М. Лавров так вспоминал о своем первом детском потрясении: «Отец ... рассказывает о том, как обочины дорог были усеяны стылыми трупами – беженцев косил тиф, как

¹ Неделя чистоты // Сов. Сибирь. – 1922. – 6 апр.

² Хроника // Трудовой путь. – 1922. – 26 дек.

³ НГПУ. Записано А.С. Бартош в 2004 г. от Н.Ф. Бартош.

мобилизованные возчики складывали эти трупы в большие поленницы и отламывали у покойников пальцы, если на них были кольца»¹. Смерть подстерегала городского обывателя темным вечером в переулке (в городе усугубилась криминальная обстановка), приходила в тифозном обличии, напоминала о себе безымянными, припорошенными снежком трупами на улицах. Тысячи мертвецов не были погребены и лежали во дворах, на улицах и в переулках. Мертвецкие и ледянки переполнились покойниками. В госпиталях, лазаретах и жилых помещениях скапливалось такое количество трупов, что санитары не успевали избавлять живых горожан от присутствия умерших.

Такая ситуация была не только опасной с санитарной точки зрения, но и совершенно безнравственной. Хотя, конечно, в те страшные месяцы вопросы нравственности решались совсем не так, как в более благополучное время. Обыватели, пережившие ужасающие события предыдущих лет, зачастую пускались в «загулы» и пьянство. Городские власти и газетчики сокрушались – как можно ходить по вечерам, когда город завален мертвецами и дух смерти витает в воздухе. Однако измученные люди массово принимали алкоголь, как «эликсир забвения»², и не спешили на очистку города. Так, пассивно, было легче переживать ужас царившей вокруг катастрофы. Многие не спешили даже написать заявление, адресованное Чекатифу, об уборке с улиц обнаруженных ими одиночных трупов – патологическое безразличие объяснимо с психологической точки зрения. Желание не замечать проблему или бежать от нее, заливая горе алкогольными суррогатами, стало массовым. Пережив множество психотравмирующих ситуаций, нажив неврозы, горожане не могли конструктивно справляться с хаосом, творившемся как в их духовном, внутреннем, так и в окружавшем их мире. Многие быстро спивались. Однако даже в те дни, когда обыватели, казалось, привыкли к самым невероятным ужасам и потрясениям, в сердцах новониколаевцев оставалось место для сострадания: в начале марта 1920 г. в газете «Красное знамя» опубликовали полную жалости заметку о двух, якобы брошенных беженцами, замерзших малышах, которых некто нашел на улице³.

¹ Лавров И.М. Мои бессонные ночи. – С. 20.

² Нарский И.В. Жизнь в катастрофе: будни населения Урала в 1917–1922 гг. – С. 424.

³ Хроника // Красное знамя. – 1920. – 2 марта.

Сколько незахороненных мертвецов было в Новониколаевске зимой 1920 г.? Создается впечатление, что их никто не считал даже приблизительно. Для врачей и сотрудников Чекатифа избавление от покойников было одним из самых больных вопросов: не хватало подвоза для транспортировки умерших, не хватало санитаров, медперсонал заражался тифом. А тем временем часовня на Николаевском проспекте – символ центра Российской империи – превратилась в морг. Туда свозились трупы из различных лазаретов. Часовня была переполнена до крыши мертвецами, вокруг нее валялось около 200 покойников. Центр бывшей империи вымирал, о чем красноречиво свидетельствовал вид часовни-символа и смрад, который она источала¹. Мертвецами были завалены железнодорожные пути. Ежедневно с путей убирали до 170 трупов². Это обстоятельство также должно было восприниматься как крушение мифа о богатом и благополучном Новониколаевске, т. е. о городе, стоящем на пересечении великих путей: железнодорожных, построенных по царскому указу, и водных, завоеванных царем. Именно на поезде в город приезжала смерть вместе с заразными беженцами, ранеными и погибшими в боях. О том, что творилось в поездах, которые везли в разные концы страны людей, бежавших прочь от войны, красноречиво написала от лица своей героини Алины М. Шагинян в романе «Приключения дамы из общества»: «Я потеряла всякую способность чувствовать. Запах пота, грязи, женского молока, пеленок, невымытых волос, паровозной копоти убил мое обоняние... С нашим оратором сделался приступ чего-то очень похожего на холеру. Поезд шел как черепаха... Мужик, евший огурец, переглянулся с соседом, и вдруг вещи несчастного учителя одна за другой полетели на платформу, а вслед за ними и он сам... Человек поврежденный, куда ему дальше ехать!»³.

Хотя администрация железной дороги и следила за распространением инфекций в поездах, устраивая теплушки-изоляторы и отправляя заразившихся людей в специальные изоляторы на станциях, откуда инфицированные поступали в городские больницы, случаи смерти в пути были очень частыми⁴. В санитарных вагонах ст. Новониколаевск

¹ ГАНО, ф. Р-34, оп. 1, д. 72, л. 84.

² Там же, д. 20, л. 14.

³ Шагинян М. Приключения дамы из общества. – Л., 1929. – С. 495, 501.

⁴ Шеин. Санитарный надзор за движущимися массами в пути // Сиб. мед. журнал. – 1923. – № 1. – С. 135.

находилось около 5 тыс. мертвецов – бывших колчаковцев, там же стояло 20 вагонов тифозных трупов¹. В Новониколаевск свозились трупы, обнаруженные вдоль линии железной дороги². На близкой к городу ст. Кривошеково скопилось 1,5 тыс. трупов³, они начали разлагаться с наступлением оттепели в феврале⁴.

Сверх того, около 3 тыс. не захороненных умерших имелось на новом кладбище, еще около 12 тыс. было обнаружено в Военном городке⁵. Трупы «лежали кучами на открытом воздухе» среди мусора и нечистот. Требовалось не менее 100 подвод для того, чтобы все это убрать⁶. Покойники валялись на центральной городской площади, и крысы объедали их⁷. Десятки подвод для вывоза трупов ежедневно отправлялись в лечебные учреждения города. К примеру, 23 января 1920 г. пять подвод отбыли во 2-й Новониколаевский госпиталь для выздоравливающих, через два дня четыре подводы потребовалось останковочному пункту № 3 и три подводы – во 2-й эпидемический городской лазарет. Одновременно шесть подвод отправили во 2-й эпидемический госпиталь для перевозки 30 трупов к братским могилам. 30 января госпиталь приемника эвакуационного пункта нуждался в 12 подводах для вывоза 110 умерших⁸ и т. д. Всю зиму и всю весну изо дня в день лечебные учреждения заваливали Чекатиф и транспортный отдел горкомхоза заявлениями с просьбой о высылке подвод для транспортировки трупов. До мая 1920 г. по городу перевозили подводами мертвецов, в том числе и отнюдь не «свежих». Даже 16 апреля 1920 г. на улицах было обнаружено 50 подвод человеческих останков⁹.

Вышло так, что в 1920 г. новониколаевский обыватель был свидетелем страшных трансформаций привычных объектов городской среды: часовня, святое место, превращалась в отвратительную, заразную ледянку, знакомый по дореволюционным временам хороший ресторан делался лазаретом, откуда многие не возвращались. Женская гимназия,

¹ ГАНО, ф. Р-34, оп. 1, д. 82, л. 34.

² История города: Новониколаевск–Новосибирск. – С. 358.

³ ГАНО, ф. Р-34, оп. 1, д. 82, л. 1.

⁴ Там же, д. 49, л. 125.

⁵ Там же, д. 55, л. 18.

⁶ Там же, д. 82, л. 91.

⁷ Там же, л. 97.

⁸ Там же, л. 9, 14, 22, 23, 55.

⁹ Там же, д. 49, л. 299.

где еще недавно звучал детский смех, становилась мрачным госпиталем, а безобидный кирпичный завод – крематорием, последним пристанищем жертв войны и тифа. В городе создали два крематория. На кирпичном заводе по договору с отделом здравоохранения оборудовали крематорий для сжигания инфицированных тифом трупов, в первую очередь тех, что находились на ст. Новониколаевск. Затем установили гофмановские печи, оборудовали пять камер для кремации. В первый же день работы было предано кремации 42 трупа. Всю весну крематорий утилизировал до 80 трупов в сутки. В этом импровизированном, наспех оборудованном крематории, трудились рабочие завода, которые напропалую нарушали правила кремации – одновременно сжигали большее количество трупов, чем полагалось по инструкции. В итоге в крематории создалась антисанитарная обстановка, и весной 1920 г. его ликвидировали. Немало потрудились рабочие завода, чтобы убрать копать и остатки человеческих костей из цеха, где располагался крематорий. Вскоре крематорий вновь переоборудовали в кирпичный завод¹.

Часть неизвестных мертвецов предали земле. В конце марта 1920 г. на Закаменском кладбище санитарями было захоронено 4599 жертв политической борьбы, инфекций и голода. Еще почти столько же мертвецов ожидало захоронение в братских могилах. Стоит отметить, что похоронное дело тех лет не отличалось упорядоченностью, не было четко оговорено, какая организация возглавляет руководство похоронным делом, остро стоял вопрос санитарного состояния кладбищ, которые содержались крайне небрежно². Все это осложняло уборку и ликвидацию трупов.

Однако мало было решить проблему с мертвыми людьми, перед городскими властями стояла актуальная задача борьбы за жизни и здоровье живых. Санитарное состояние города вызывало почти паническое настроение врачей. Начальник санитарного надзора Новониколаевска заявлял в Чекатиф, что при имеющихся санитарных условиях оттепель может привести к распространению холеры и даже чумы, а тогда вымрет весь город³. Случаи распространения чумы уже были на территории страны. В 1920 г. чума бубонной и легочной форм попала в

¹ ГАНО, ф. Р-1124, оп. 1, д. 33.

² Рабоче-крестьянская инспекция // Сов. жизнь. – 1922. – № 7. – С. 18.

³ ГАНО, ф. Р-34, оп. 1, д. 73, л. 59.

Дальневосточную республику из Маньчжурии и поразила пять населенных пунктов¹. Было чего опасаться!

К счастью, в Новониколаевске было не так много случаев заболеваний холерой, как в других сибирских городах, располагавшихся на железнодорожных путях. Спасало и то обстоятельство, что всплеск тифозной инфекции пришелся на зиму 1920 г., а холера начала распространяться летом, когда тиф частично поборол. Холера ехала в Сибирь на поездах из Европейской России вместе с гонимыми голодом мешочниками². Холеру привозили и переселенцы, которые были вынуждены надолго останавливаться в городе из-за простоев поездов. Новониколаевцы трепетали от ужаса, так как в городе было очень много приезжих, которые бродили по улицам, прося хлеба, ночлега и заражая обывателей смертоносными болезнями. Заболело в 1920–1921 гг. холерой в городе 283 человека (0,3 % горожан), половина больных скончалась³. Из Новониколаевска холера расплзалась по губернии – город стал столицей инфекций.

Зимой–весной 1920 г. горожанам смертельно угрожал сыпной, брюшной и возвратный тиф. Наиболее распространенной формой тифа была сыпная, прозванная в народе «сыпняком». В большей степени подвержены тифозной инфекции были военнослужащие и пленные белогвардейцы. Условия жизни в Военном городке страшной зимой 1920 г. не назовешь иначе, чем адскими. «Военный городок – это зараженный, вымирающий пункт... Приходится опасаться за то, чтобы он не превратился в сплошное кладбище», – писали военные врачи сотрудникам Чекатифа 13 января 1920 г. В крошечном городке находилось до 20 тыс. больных тифом. Пленные белогвардейцы, среди которых присутствовал контингент, вызывавший сочувствие даже у красноармейцев: это бывшие студенты, квалифицированные рабочие, писари, служащие, мобилизованные Колчаком, пребывали в невероятно жалком состоянии. Пленные ни разу не были в бане, голодали, замерзали в сырых, не отапливаемых, грязных сараях и конюшнях, где их размещали, поголовно болели тифом и туберкулезом, массами гибли⁴. Некоторые пленные были освобождены, иным удалось бежать, но

¹ Куршунов В. А. Указ. соч. – С. 57.

² ГАНО, ф. Р-1071, оп. 1, д. 59, л. 21.

³ Грацианов А. Движение эпидемии азиатской холеры в Сибири // Сиб. мед. журнал. – 1923. – № 1. – С. 32–33.

⁴ ГАНО, ф. Р-34, оп. 1, д. 51, л. 17.

многие «гнили в стенах грязных бараков». Военный городок закрыли на карантин, население запаниковало, решив, что оно обречено на гибель, а администрация Военного городка самозабвенно запила. Нужно было обладать стальными нервами и страстной волей к жизни, чтобы перезимовать в новониколаевском Военном городке эти страшные месяцы.

Тифом болели не только военные и пленные, но и местные жители, беженцы, заключенные, люди с поездов. Спасая новониколаевцев от тифа, гибли врачи (зимой 1920 г. скончался 21 человек), сестры милосердия, санитары и сиделки (их погибло 209)¹. 31 декабря 1919 г. в Новониколаевске было зафиксировано более 14 тыс. больных, из которых госпитализировали только около 5000 человек². Остальные болели в домашних условиях и заражали окружающих. Зимой–весной 1920 г. была очевидна неуклонная тенденция роста числа больных. Редким днем пациентов в военных и гражданских лазаретах и госпиталях не насчитывалось меньше, чем накануне. Врачи ежедневно подсчитывали только госпитализированных пациентов. В городе имелось немало больных, которых не выявили врачи и которые не обращались за помощью. Видимо, многие считали, что добиться хорошей медицинской помощи невозможно, что попадание в больницу чревато усугублением болезни, что в спокойных домашних условиях выздоровление более вероятно. Другие оставались наедине с болезнью, так как о заражении одиноких людей некому было сообщить врачам. С 8 января по 1 февраля 1920 г. было госпитализировано 13 988 обывателей, умерло 3031 человек. Многие горожане болели и умирали дома. В феврале случалось, что число людей, скончавшихся от тифа, составляло более сотни за день. Подсчет не госпитализированных больных зимой 1920 г. показал наличие 6097 тифозных на 74 городских улицах, т. е. тифом страдало почти 20 % местных жителей³. В редком доме никто не болел. На одну квартиру в среднем приходилось 2–3 инфицированных тифом человека⁴. В некоторых семьях инфекция валила с ног всех домочадцев. Тогда за больными некому было ухаживать, некому было даже затопить печь, да и топить-то в условиях дровяного кризиса часто бывало нечем.

¹ ГАНО, ф. Р-34, оп. 1, д. 43, л. 65.

² Там же, д. 20, л. 2.

³ Там же, д. 55, л. 45 об.

⁴ Там же, д. 73, л. 59.

В начале января 1920 г. в городской газете «Красное знамя» была опубликована статья врача Лаврентьева об эпидемии сыпного и возвратного тифа, который ежедневно уносит жизни обывателей, и о том, какие элементарные меры необходимо применять для борьбы с этим страшным заболеванием. В условиях массового обнищания и катастрофической нехватки лекарств доктор едва ли мог предложить что-либо более действенное, чем помыться и сменить белье. Чекаertif распространял листовки, содержавшие простейшие рекомендации по оказанию первой помощи заразившимся тифом и по профилактике этой смертоносной болезни. Многие горожане толком не представляли, что делать, если вдруг заразятся их близкие или они сами. Чекаertif рекомендовал элементарные средства самозащиты от инфекции: полоскать белье в горячем щелоке с дегтем, прогревать одежду в русской печи, истреблять клопов керосином, а вшей – горячей водой и окуриванием серой. «Ничтожная вошь – убийца человека», – гласила листовка «Тельце малое» о связи педикулеза и тифа¹. Случалось, что обыватели гибли от самолечения. Многие не знали, например, что тифозным больным нельзя давать жаропонижающие средства, и применяли их, из-за чего ухудшалось состояние больных.

Пожилые горожане до сих пор помнят, что их родители рассказывали, будто обыватели боялись заразиться тифом не только по причине возможного летального исхода болезни, но и потому, что в приступе паники соседи и даже близкие могли «помочь» несчастному больному отправиться к праотцам. Говорят, бывало, что тифозных закрывали зимой в сараях, а то и живьем закапывали в землю, однако эти слухи не подтверждены документально².

О том, какую медицинскую помощь получил один внезапно заболевший обыватель в середине января 1921 г., свидетельствует газета «Дело революции». Приключения пациента свелись к следующему. Больным он себя почувствовал, когда ехал через Новониколаевск на поезде. Больной тифом попал в изоляционно-пропускной пункт при ст. Новониколаевск, где ему был поставлен диагноз. Из изоляционно-пропускного пункта мужчину отправили в санитарный приемник, где велели поместиться в ванну, находившуюся в холодном помещении. Потом едва обсохшего и переодетого в больничное белье пациента

¹ ГАНО, ф. Р-34, оп. 1, д. 34, л. 94 об.

² НГПУ. Записано автором в 2003 г. в Новосибирске от Е.А. Карымовой.

«потащили» полуголым, с мокрым полотенцем на голове, в барак через сугробы. В бараке было так холодно, что изо рта шел пар. Определив мужчину в холодную палату, доктора принялись лечить его от тифа, однако через некоторое время пришли к выводу, что в действительности он болен оспой. К счастью, бедняга поправился, хотя условия больничного содержания и скверное питание черствым ржаным хлебом часто приводили к обратному результату. Старшего врача 3-го госпиталя охватывало отчаяние, когда его тифозные пациенты, отобедав сомнительным хлебом из муки неясного происхождения, травились и мучились от кровавых поносов¹.

Чекатиф принимал решительные меры, создав в городе четыре эпидемические больницы на 500 коек для «заразных» пациентов, выявляя и госпитализируя больных, расширив ассенизационный обоз, проводя серьезные меры по дезинфекции города, регулируя работу бань и прачечных. Комиссия работала в тяжелейших условиях недостатка материальных средств и медицинского персонала (четыре больницы обслуживало лишь 9 врачей, 14 фельдшеров и 36 сестер), но все-таки весной 1920 г. тиф был практически побежден².

Средства, которые шли на работу комиссии, часто изымались у людей, сохранивших после революции хоть какие-то материальные блага. К примеру, для оборудования одного из госпиталей комиссия нуждалась в строительных материалах, которые в годы разрухи не так просто было достать. Тогда-то и заприметили сотрудники Чекати́фа на Новобазарной площади в мануфактурном ряду лавки «Маньчжурки», построенные не так давно из хорошей древесины. Их еще до установления советской власти распорядился построить китаец, который распродал лавки при Колчаке в 1919 г. Теперь же с помощью газетного объявления владельцам лавок предложили написать заявления в коммунальный отдел и указать стоимость купленных ими лавок, ведь они готовились к сносу. Написавшим заявления платили компенсацию в размере ниже стоимости лавок в среднем в 5–6 раз. Тем, кто не читал газет и заявления не написал, не выплатили ничего. Вырученные же средства и стройматериалы пошли на нужды Чекати́фа³. Бывшие хозяева лавок могли остаться недовольными, но их эмоции в данной си-

¹ ГАНО, ф. Р-34, оп. 1, д. 72, л. 70.

² Познанский В.С., Финченко А.Ф. Чекатиф // Новосибирск: Энцикл. – С. 953.

³ ГАНО, ф. Р-1124, оп. 1, д. 9.

туации не волновали Чрезвычайную комиссию и общественность, которая привыкла к произволу власти, в данном случае скорее оправданному, нежели бессовестному.

Сотрудники Чекатифа были вынуждены отнимать у некогда состоятельных горожан последнее. Согласно одному из обязательных постановлений тех страшных дней, горожане, чье недвижимое имущество оценивалось в 18–30 тыс. руб., были вынуждены сдать в пользу Чекатифа по одному теплему одеялу и одной тюфячной наволочке. Если недвижимое имущество оценивалось в 30–40 тыс., его владельцы должны были доставить сверх этого еще по одному легкому одеялу. Те, чье имущество оценивалось суммой свыше 40 тыс. руб., сдавали по два теплых одеяла, одному легкому и по три тюфячных наволочки¹. Лазареты и госпитали нуждались не только в постельном белье. Не хватало продовольствия, лекарств, дров... Тюфячные наволочки изнашивались и рвались, санитары вытряхивали солому из старых тюфяков в больничном дворе, обыватели обходили стороной заразную солому, а Чекатиф не мог найти людей, которые бы рискнули здоровьем и жизнью убраться этот источник инфекции.

4 января 1923 г. газета «Большевик» обнародовала результаты борьбы с тифом в Новониколаевске. Читатель мог узнать, что, по официальным данным, в городе на одного врача приходилось 1948 человек, что за год в губернии тифом переболело 20 066 человек, а погибло от этой болезни 1577, что холерой за год переболело 108 новониколаевцев, а умерло от нее 55 горожан. Отдельно говорилось о беженцах, обитавших на ст. Новониколаевск: 184 человека заболело холерой и 137 скончалось по причине заражения этой болезнью. Трудно сказать, шокировали ли эти данные обывателя в 1923 г., оставляли ли равнодушным «видавшего виды», или вызывали ироничную усмешку у тех, кто знал несколько больше, чем печаталось в газете. Сравнение этих сведений с цифрами, которые содержат документы архивного фонда Чекатифа (ГАНО, ф. Р-34), показывает заниженность газетных данных. Впрочем, сотрудники Чекатифа отмечали, что статистика, которой они обладают, весьма приближительна.

Болезни отступали, но не сдавались. По данным, которые приводятся в книге «История города. Новониколаевск–Новосибирск», эпи-

¹ ГАНО, ф. Р-34, оп. 1, д. 20, л. 47.

демии тифа в городе прекратились в 1922 г.¹. Но из публикации на страницах «Советской Сибири» сводок губздрави о количестве тифозных в Новониколаевске можно сделать вывод о том, что зимой 1922 г. ежедневно фиксировалось от 1100 до 1300 больных тифом и гибло от него 10–15 человек в день. Вспышки инфекций продолжались и в последующие годы. К примеру, в марте 1923 г. сыпной тиф за каких-то две недели «подкосил» 77 горожан². Сильный всплеск тифа наблюдался и в 1929 г. Коек в больницах не хватало, лекарств и врачей тоже, поэтому несчастным больным зачастую приходилось уповать только на Божью помощь.

Летом 1921 г. Новониколаевск серьезно пострадал от холерной эпидемии, которая свирепствовала вплоть до сентября. Жара, городская антисанитария и постоянный приток беженцев приводили к быстрому распространению холеры. Употребление некипяченой воды, немытых овощей и отсутствие условий для соблюдения личной гигиены приводили к тому, что летними днями в Новониколаевске насчитывалось до 150 зараженных холерой и гибло до двух десятков больных. Холерная тема сделалась одной из основных в местных газетах: врачи ежедневно публиковали в «Советской Сибири» бюллетень, отражавший количество холерных больных, информировали новониколаевцев об эпидемической ситуации в стране, которая была охвачена этим недугом. Рассказывали о таких элементарных мерах предосторожности и средствах профилактики болезни, как мытье рук и поимка мух, скажем, с помощью стоящей на подоконнике тарелки, в которую налито молоко с формалином для привлечения вредоносных насекомых³. Холера вызывала страх, поэтому по опыту борьбы с тифом в городе начала функционировать особая чрезвычайная комиссия по борьбе с холерой.

Со временем, в годы нэпа, эпидемии перестали представлять собой такую серьезную проблему, как в начале 20-х гг. Однако известно, что окончание весны и наступление лета в 1923 г. вызвало небывалую вспышку малярии. В округе Новониколаевска располагалось много низких лугов, которые с таянием снега превращались в заливные луга, а потом в болота. Здесь, а также в сырых подвалах на частных подворьях и обитали многочисленные малярийные комары. Новоникола-

¹ История города: Новониколаевск–Новосибирск. – С. 372.

² Вспышка сыпного тифа // Большевик. – 1923. – 22 марта.

³ Врач К. Холера и необходимые меры предосторожности и борьбы с нею // Сов. Сибирь. – 1921. – 17 авг.

евцы особенно рисковали заразиться малярией в июне. По подсчетам медиков, летом 1923 г. малярией болело 705 человек. У многих после лечения случались рецидивы. Трудно сказать, почему именно в 1923 г. произошел всплеск этого заболевания в Новониколаевске. Врачи считали, что и в предыдущие годы горожане часто заражались малярией, однако случаев заболевания фиксировалось меньше, по причине малого числа медицинских учреждений, отсутствия в них хинина, и, следовательно, редких обращений за помощью к докторам¹.

В 1925 г. врачи немало сил положили на борьбу со скарлатиной, которой за год переболело 4756 новониколаевцев. В 20-е гг. многие новосибирцы умирали и от туберкулеза. Это заболевание стало в 1925 г. причиной смерти 264 человек, по большей части мужчин 20–35 лет². Здоровью детей особенно угрожала корь, от которой часто умирали малыши до четырех лет. Очень распространены в 20-е гг. были заболевания пищеварительной системы, органов дыхания и нервной системы³. В 1927 г. отмечался рост заболеваемости сыпным тифом, скарлатиной и трахомой – к сожалению, санитарная обстановка в городе и гигиена горожан оставляли желать лучшего⁴. Зато со временем горожане меньше стали страдать коклюшем, малярией, дизентерией, оспой и сифилисом, т. е. теми заболеваниями, над искоренением которых работали специально организованные комиссии.

По данным 1924 г., здоровье горожан, особенно рабочих, едва ли можно было назвать удовлетворительным. Врачи считали, что новониколаевские рабочие вынуждены трудиться в условиях, способствующих развитию болезней. Летом 1924 г. провели медицинское освидетельствование всех рабочих крупных предприятий Новониколаевска. Выяснилось, что наиболее подвержены заболеваниям работники кожевенного и полиграфического производства. Условия труда на подобных предприятиях способствовали развитию заболеваний органов дыхания. Кроме того, выяснилось, что среди рабочих распространены нервные заболевания, несколько меньшее количество рабочих страдало заболеваниями системы кровообращения и пищеварения. При опросе 24 % рабочих признались, что страдают венерическими заболеваниями. Стоит сказать, что данное обследование проводилось при ис-

¹ ГАНО, ф. Р-1071, оп. 1, д. 382, л. 38–38 об.

² Там же, ф. Р-1353, оп. 1, д. 11, л. 6–7.

³ Там же, л. 10–11.

⁴ Там же, д. 32, л. 208.

пользовании крайне нехитрых методов диагностики. Даже не проводилось лабораторных исследований анализов у рабочих, проходивших комиссию, многое записывалось лишь со слов обследовавшихся. Однако даже приблизительные данные результатов медицинского обследования рабочих свидетельствуют о том, что многие рабочие Новониколаевска серьезно болели и часто преждевременно умирали, не обращаясь к врачам или не получая должной помощи¹.

Медицинское обслуживание Новониколаевска представляло собой значительную проблему. Имевшиеся в городе больницы постоянно переполнялись в результате эпидемий. Стоит оговориться, что и в дореволюционный период, как свидетельствуют работы М.Г. Хитаряна, Л.М. Горюшкина и Г.А. Бочановой, больничный вопрос стоял достаточно остро из-за быстрого демографического и территориального роста города². В 1920 г. госпитали и лазареты открывались в срочном порядке на базе учреждений, совершенно для этого не приспособленных: в кинотеатрах, гимназиях, в здании злоказовского завода, в доме окружного суда... Стихийно возник лазарет на базе еврейского училища, когда больные евреи искали помощи и поддержки в синагоге, оставаясь прямо в молельной. Всего в период тифозной эпидемии в городе функционировало 28 военных и 15 гражданских (постоянных больниц насчитывалось только четыре) лечебных учреждений³.

Эпидемия приводила к полнейшему хаосу в больницах. К примеру, в начале января 1920 г. в переполненном 8-м госпитале больные лежали и на койках, и в проходах, и под койками. В лазаретах, вопреки санитарным требованиям, устраивались двойные нары для пациентов. Больные тифом, терапевтические больные и раненые размещались в одном помещении, заражаясь друг от друга разными формами тифа. Госпиталь представлял собой не место лечения, а источник заражения тифом⁴. Кроме того, в обстановке всеобщего страха перед смертью и остервенения санитары, случалось, успокаивали больных кулачными методами. Организация медицинского обслуживания в период тифоз-

¹ Гаусман И. Здоровье новониколаевского рабочего // Сов. Сибирь. – 1925. – 5 июля.

² Хитарян М.Г. Из истории здравоохранения в Новосибирске: матер. к лекциям. – Новосибирск, 1951.; Горюшкин Л.М., Бочанова Г.А. Так начинался Новосибирск. – С. 171.

³ ГАНО, ф. Р-34, оп. 1, д. 18, л. 167–168.

⁴ Там же, д. 72, л. 32.

ной эпидемии грешила многими вполне объяснимыми и оправданными суматохой и безденежьем недостатками. В феврале 1920 г., когда многие горожане умирали дома, в гражданских лечебных заведениях имелись свободные места¹, хотя в прессе постоянно сообщалось, что больницы переполнены.

По данным 1921 г., в Новониколаевске имелась хирургическая больница на 125 коек (из них 25 глазных, 15 женских), терапевтическая больница на 100 мест, больница переселенческого пункта с таким же количеством кроватей, небольшая кожно-венерическая больница, детская и детская заразная больницы, родильный приют. Располагавшиеся преимущественно в тесных, не подходящих для лечебных учреждений помещениях, больницы постоянно переполнялись². Известно, что в 20-х гг. больницы имелись во всех частях города, и население приписывалось к одному из пяти врачебных участков. Теоретически все население охватывалось медицинской помощью в случае необходимости. На деле же амбулатории и больницы не справлялись с наплывом пациентов.

Заболевший горожанин обращался за помощью в амбулаторию по месту жительства и буквально на пороге сталкивался с грубой регистраторшей, которая была вынуждена многократно за день объяснять больным правила работы амбулатории и записи к врачу, отказывать тем, кто стремился нарушить эти правила. Далее пациент по обыкновению попадал в тесную, пыльную ожидальню, где толпился народ, были навалены шубы за неимением гардероба. Кто-то курил, за отсутствием курильни, кто-то пытался проникнуть в кабинет врача без очереди. На малярной станции в период эпидемии больные не только толпились в ожидальне, но и наводняли весь двор. Многие из них из-за постоянных очередей не оканчивали лечения, не приходили на контрольный осмотр. Врач часто не успевал до конца рабочего дня принять всех желающих, и разъяренный больной, случалось, потратив полдня на посещение амбулатории, уходил ни с чем. Во время эпидемии малярии ежедневно до 50–60 человек не могли попасть на прием к врачу. Часто время приема докторов было не удобным для пациентов. Так, в амбулатории на Обском проспекте врачи по внутренним, женским и детским болезням принимали только утром, а хирург и дан-

¹ ГАНО, ф. Р-34, оп. 1, д. 73, л. 59 об.

² Новониколаевское лечебно-амбулаторное дело // Сов. Сибирь. – 1921. – 11 июля.

тист – только вечером¹. Более удобным для посетителей был график венерического диспансера: там первая смена длилась с 9 до 14 часов, вторая – с 17 до 22. Такой график был рассчитан на работающее население города.

Попав все-таки в кабинет врача, пациент едва ли мог рассчитывать на тщательное обследование и пристальное внимание к себе. В период эпидемии малярии о необходимом бактериологическом обследовании не было и речи. Из-за наплыва людей врач мог принимать одновременно женщин и мужчин, что противоречило представлениям о приличии. Некоторые болезни нигде в городе вовсе не лечили. К их числу относился костный туберкулез, которым в 1925 г. заболел один ребенок в Новониколаевске. Родители мальчика напрасно пытались найти врача².

Случалось, что в результате переполнения больниц во время эпидемий врачи вставали перед нелегким выбором: кого из больных госпитализировать, а кого срочно выписать из больницы недолеченным. Так, в октябре 1925 г. в заразной больнице не хватало мест из-за эпидемии скарлатины, поэтому администрация отказалась от госпитализации тех, кто страдал корью и дифтеритом. Из-за переполнения туберкулезной больницы намеренно был усложнен порядок поступления в больницу. Больной должен был через амбулаторию получить направление в туберкулезный диспансер, где решалось, нужно ли помещать его в стационар. Пациент выстаивал очереди и в конечном итоге мог не дожидаться госпитализации. В 1929 г. из-за очередной эпидемии брюшного тифа мест в больницах не хватало, и врачи были вынуждены выписывать недолеченных пациентов. Когда выдворили из больницы жену надзирателя исправительно-трудового дома Шаронова, муж встретил супругу на пороге с револьвером, потребовал больничного кучера увести женщину обратно³. Горожане еще хорошо помнили последствия тифозной эпидемии в Новониколаевске 1920 г. и, очевидно, сильно боялись этой болезни. Больные, нуждавшиеся в хирургическом лечении, могли месяцами ждать госпитализации, так как срочно клали в больницу только тех, кто был на грани смерти⁴.

¹ ГАНО, ф. Р-343, оп. 1, д. 68, л. 1.

² Там же, д. 71, л. 4.

³ Там же, д. 72, л. 275.

⁴ Там же, д. 73, л. 8.

В середине 20-х гг. в городе существовало несколько специализированных больниц. Помимо эпидемических, к числу таковых относились кожно-венерическая больница на ул. Михайловской, дом 13, зубоврачебная клиника и 8 государственных стоматологических кабинетов, туберкулезный диспансер и туберкулезная больница. Имелись также гинекологические больницы, а в 1927 г. открылась физиотерапевтическая лечебница. Железнодорожники и военнослужащие лечились соответственно в железнодорожной больнице и в военном госпитале.

В Новониколаевске–Новосибирске тех лет не существовало специализированной психиатрической больницы. Случалось, что некоторые обыватели вынужденно терпели присутствие в своем доме невменяемых родственников. Два года одна из малоимущих горожанок не могла добиться госпитализации буйно помешанного супруга, которого постоянно приходилось связывать¹.

Горожане в случае необходимости могли вызвать на дом разъездного врача или скорую медицинскую помощь. Однако неожиданно заболеть в Новониколаевске вовсе не означало обязательно получить быструю и квалифицированную поддержку. В соответствии с постановлением городского совета, скорую помощь имело смысл ждать, если обыватель поранился, пострадал от перелома, получил ожог, отравился, обморозился, захлебнулся, пострадал от электричества, получил солнечный удар, потерял сознание в результате ушиба головы, долго находился в обморочном состоянии, внезапно сошел с ума, если у него началось неожиданное кровотечение или если у женщины на улице начались роды². В иных случаях на вызов скорая помощь не приезжала. Случалось, что люди погибали. Зимой 1928 г. скончался студент сельскохозяйственного техникума от сердечной недостаточности. Скорая не приехала к умиравшей с высокой температурой женщине из Большой Нахаловки. Отказали в вызове женщине, чьи малолетние дети умирали от лихорадки, не выезжала скорая помощь к тем, кто болел тифом и скарлатиной... Такие факты достаточно легко объясняются: на вызовах в 1928 г. работало всего от двух до пяти врачей, которые физически не успевали оказать помощь всем нуждавшимся. За сутки скорую помощь горожане обычно вызывали 35–45 раз, но случалось и бо-

¹ ГАНО, ф. Р-343, оп. 1, д. 68, л. 97.

² Там же, д. 72, л. 154.

лее 50 вызовов, тогда рассчитывать на то, что врач приедет, было практически бесполезно¹.

В конце 20-х гг. бывали случаи злоупотребления служебным положением крупных начальников и сотрудников ГПУ. Некто из числа последних однажды, угрожая, заставил врача скорой помощи выехать на вызов, причина которого не входила в предписание городского совета, и отчитал доктора за медлительность².

Надеяться на визит разъездного врача также далеко не всегда было разумно. Газета «Хозяин города» писала в январе 1928 г.: «Разъездная помощь не принимает вызовов круглые сутки. В городе развита частная практика врачей, а между тем качество помощи в амбулаториях далеко не удовлетворительно»³. Разъездных врачей было недостаточно. К примеру, в штате амбулатории на Обском проспекте числилось всего два разъездных врача, которые, согласно правилам, должны были за день посетить 10 больных (в период эпидемии – 12), но вызывали их до 30 раз в день. Части больным отказывали в вызове врача. Особенно трудно было добиться визита разъездного врача тем, кто жил на закаменской окраине.

Почувствовав недуг, обыватель мог обратиться и к врачу, занимавшемуся частной практикой. В местных газетах постоянно размещались соответствующие объявления. «Советская Сибирь» содержала в себе, кроме всего прочего, «Врачебный указатель», используя который, горожане могли узнать адрес и часы приема интересовавших их специалистов по легочным заболеваниям, «внутренним болезням», женским, кожно-венерическим и зубным (таковы были основные специальности докторов того времени). В 1926 г. в Новониколаевске насчитывался 21 частный стоматологический кабинет⁴.

При наличии государственных медицинских учреждений и частных врачей обыватель, которому экстренно требовалась медицинская помощь, зачастую попадал в беду. Взмолнованный муж мог часами бегать по неосвещенным и опасным улицам ночной окраины Новониколаевска, отыскивая дом акушерки, на котором не было даже таблички, в то время как жена мучилась от родовых схваток. Диагнозы зачастую выносились неверные, и больных лечили вовсе не от тех болезней,

¹ ГАНО, ф. Р-343, оп. 1, д. 72, л. 152.

² Там же, д. 73, л. 237.

³ Там же, д. 72, л. 235.

⁴ Там же, ф. Р-1353, оп. 1, д. 22, л. 41.

от которых следовало. Достать лекарства, особенно в срочном порядке, тоже было непросто. Аптек в городе было мало, круглосуточные аптеки отсутствовали вовсе. Особенно актуален был аптечный вопрос для городских окраин.

Не удивительно, что в Новониколаевске 20-х гг. обыватели повсеместно применяли народные средства лечения: в городе жили и занимались лечением и целительством всевозможные «бабки», знахари и знахарки. Это было связано с недостатком квалифицированной медицинской помощи горожанам. Была и более глубокая причина культурного характера, состоявшая в том, что за годы гражданской войны существенно пошатнулись некрепкие ростки европеизированного городского варианта культуры, возродились традиционные формы культуры. Из Новониколаевска уехали многие интеллигенты и предприниматели, выбиравшие между «бабкой» и врачом второй вариант. Демографический рост города обеспечивался преимущественно за счет крестьян. Кроме того, за годы войны и разрухи желание выжить заставляло народ обращаться к более доступным народным методам лечения. Распространенность знахарства и народной медицины в городе – одно из свидетельств тенденции рурализации в нашем городе 20-х гг. Несомненно, народная медицина помогала многим горожанам справиться с недугами, однако случалось, что обращение к подобным методам лечения заканчивалось трагично.

Журналист, подписывавшийся псевдонимом «Серп», передавал в статье о жизни в пойме Каменки услышанный им разговор женщин, полоскавших белье. Одна из них делилась опытом с собеседницами: «А штоб лихоманка не трепала, нужно сто поклон класть и свечу Николаю угоднику поставить, а как догорать будет – съесть, как рукой снимет». Разговор продолжился обсуждением того, как некая знахарка Михеиха «заморила» больного соседского ребенка, который «сох». Михеиха замотала ребенка в тесто, «как окорок», и засунула в остывшую печь на некоторое время, после чего младенец умер¹. А сколько горожанок погибло в результате криминальных абортов, производившихся «бабками»! О некоторых особенно скандальных случаях, достойных страниц романа «Казус Кукоцкого» Л. Улицкой, писали газеты. К примеру, в ноябре 1925 г. некая Евдокия Ишимцева сделала

¹ Серп. Жизнь Закаменки // Большевик. – 1923. – 1 авг.

аборт гражданке Суходоевой, в результате чего последняя погибла¹. Некая Карпухина неоднократно производила аборт знакомым женщинам в домашних условиях, пока одна из пациенток чуть было не скончалась от потери крови – вовремя спасли врачи². В мае 1927 г. судили «бабку» Фролову, повинную в аналогичном преступлении³, в августе, произведя криминальный аборт ржавой иглой, умертвила свою клиентку «бабка» Лихоносова⁴. За подобное же злодеяние села в тюрьму в январе 1928 г. некто Котович⁵. И это только некоторые примеры «неудачных» аборт.

Не только в недостатках медицинского обслуживания горожан сохранялись отголоски и живые напоминания о разрухе, которую в Новониколаевске как бы победили. В более благополучные нэповские годы новониколаевцы уже не голодали, страшные эпидемии смертельных болезней остались в прошлом, вопросы жилья и одежды худо–бедно решались, однако многие проблемы санитарии, городского благоустройства и коммунального хозяйства оставались очень болезненными.

Пока автомобили не вытеснили лошадей, проблема стихийных навозных отвалов продолжала мучить сотрудников городского коммунального хозяйства и простых обывателей. Горкомхоз установил официальные места отвалов – за городским санным складом налево от Каменской дороги; за Военным городком на расстоянии полуверсты влево от него и Гусинской дороги; на льду р. Обь – у ее левого берега, вблизи Яренского о-ва, и на середине реки, ниже водокачки⁶. Но обыватели зачастую пренебрегали установлениями горкомхоза. Поэтому город отнюдь не отличался чистотой.

Мощение улиц могло частично решить проблему загрязнения городской среды. Но в начале 20-х было не до мощения дорог. Благоустройство улиц по большей части сводилось к засыпке ям, заравниванию дорог и срытию ухабов. Мощение улиц велось очень вяло. К примеру, в 1922 г. замостили ул. Рабочую⁷. Мощение дорог распространялось

¹ По городу // Сов. Сибирь. – 1925. – 19 нояб.

² Специалистка по аборту // Там же. – 10 марта.

³ Суд над бабушкой Фроловой // Там же. – 1927. – 27 мая.

⁴ Бабка Лихоносова // Там же. – 14 авг.

⁵ Абортмейстер Котович // Сов. Сибирь. – 1928. – 31 янв.

⁶ ГАНО, ф. Р-1124, оп 2, д. 139, л. 2.

⁷ Там же, оп. 3, д. 216.

далеко не на все городские улицы – замощены были преимущественно центральные. Согласно инструкции по устройству и содержанию тротуаров в городе на 1926 г., все улицы города делились на три группы по характеру содержания тротуаров. Только асфальт или тесанный камень в сочетании с цементными плитами предполагалось класть на группе центральных улиц, в которую входили Кузнецкая, Красный проспект (от ул. Колыванской до Ядринцевской), наиболее людные участки улиц Советской, Сибревкома, Михайловской, Телеграфной, Барнаульской, Бийской, Семипалатинской, Серебренниковской, Свердлова. Класть деревянные тротуары решили на менее оживленных частях Красного проспекта, улиц Телеграфной, Урицкого, Советской, Рабочей, Коммунистической, Серебренниковской, Логовской, Горького, Межениновской, Большевицкой. Кроме того, соорудить деревянные тротуары решили на Обском проспекте, улицах Фабричной, Спартака, Бийской, Семипалатинской, Трудовой, Ядринцевской, Вагановской, Гоголя, Переселенческой, Вокзальной, Томской, Дуси Ковальчук. Наконец, к третьей группе относились те улицы, которые решили благоустраивать с помощью шлаковых и земляных тротуаров. Такое «счастье» выпадало на долю практически всего Ипподромского р-на. Земляной тротуар устраивался так: между досками, поставленными на ребро, засыпались строительный мусор, песок, земля и глина¹. Можно только представить, во что превращался земляной тротуар после ливня.

Городской воздух тоже нельзя было назвать чистым. Несмотря на популярность в 20-е гг. идеи города-сада, новониколаевские обыватели, по всей видимости, испытывали дискомфорт в летнюю пору, когда улицы становились очень пыльными, а зеленых насаждений было недостаточно для очистки воздуха. В 1920 г. были разработаны правила об охране зеленой площади, садов, парков, лесов и других зеленых насаждений, был наложен запрет на их самовольную вырубку. Однако таковая не прекращалась. В дело о самовольной порубке зеленых насаждений за 1923 г. в НГГА подшито 487 листов. Лес рубили разные люди для разных нужд. К примеру, рядом с городом «нарубили дров» (молодой сосняк) красноармейцы. В городе существовали старые сады и парки, постепенно создавались и новые, но в парках обычным было столпотворение народа. Жителям окраин дышалось легче, чем жите-

¹ НГГА, ф. Р-331, оп. 1, д. 5.

лям городского центра: там, куда не добрались коммунальщики (Большая Нахаловка, ельцовская окраина или тихие улочки Ипподромского р-на), сама собой росла сорная трава, обыватели по старинке сажали черемуху и яблоньки-дички у ворот домов, занимались огородничеством. Это, конечно, в целом скрашивало недостатки экологической обстановки в городе.

Безусловно, обыватели заботились (правда, с переменным успехом) не только о санитарном состоянии окружающей их среды, но и о гигиене собственного тела. А эта забота была связана с посещением **городских бань**. К моменту восстановления в Новониколаевске советской власти банный вопрос стоял крайне остро. «Выжившие» в годы революции и войны торговые бани Новониколаевска (частновладельческие, открытые для всеобщего посещения за плату) национализировали. 5 января 1920 г. они перешли в ведение городского коммунального хозяйства. Бане предпринимателя Шаappa на Семипалатинской ул. присвоили номер 1, самой роскошной по дореволюционным меркам бане Федорова на Кабинетской – номер 2, небольшой баньке бывшего купца Князева на Стевенской – номер 3, бывшей «Московской» бане на ул. Гудимовской – номер 4. Бань в городе стало значительно меньше, чем до революции. Они находились в аварийном состоянии и требовали пополнения помывочного инвентаря.

Зимой 1919–1920 гг. бани города преимущественно прекратили работу, что привело к массовому распространению педикулеза, создавшего благотворную почву для вспышки эпидемии тифа всех возможных форм. Горожане практически не имели возможности мыться и стирать одежду. В январе 1920 г. газета «Красное знамя» была вынуждена констатировать факт: «Бани не всегда добьешься, чистого белья не всегда достанешь...»¹. Между тем Чрезвычайная комиссия по борьбе с тифом призывала горожан мыться чаще, менять нательное платье, ведь именно там «гнездится вошь» – «враг такой опасный, что смотреть на него сквозь пальцы не годится»². Люди мерли от тифа, поэтому ситуацию с банями, которые простаивали без работы неделями из-за отсутствия дров и ремонта (или его имитации?), газета называла не

¹ Как бороться с тифом // Красное знамя. – 1920. – 16 янв.

² Там же.

иначе, как «горем»¹. Чекатиф был вынужден обязать всех владельцев домашних бань предоставить их для всеобщего пользования².

В условиях разрухи бани не могли предложить своим посетителям широкий выбор услуг. Горожане приходили сюда только для мытья и стирки. О приятном парении и традиционном субботнем отдыхе посетители и не мечтали. Парикмахерские и буфеты при банях не работали, прожарок вещей в целях дезинфекции не проводилось. Зато по воскресеньям бани дезинфицировали серой, из-за чего сокращалось время их работы. В 1921 г., когда улеглась эпидемия тифа, новониколаевских обывателей постигла настоящая напасть – невозможность добыть мыло, которое забронировали городские власти на случай новой вспышки эпидемии.

В начале 20-х гг. горожане привыкли к перебоям в работе бань. Бывшая «Федоровская» баня оставалась лучшей и в условиях хозяйственной разрухи, однако из 24 имевшихся в ней номеров работало только 14. Из-за эпидемии тифа в бане устраивали дезинфекции, которые отнимали много времени, а пропускная способность заведения снижалась. Это притом, что для гражданского населения баня работала только один-два дня в неделю. Она же обслуживала и военных по отдельному графику³, поскольку две гарнизонные бани Военного городка, обладавшие в лучшие времена высокой пропускной способностью – 300 человек в час, – простаивали без топлива⁴. По особому графику и в отдельных номерах мылись врачи, от здоровья и работоспособности которых зависели жизни тысяч горожан.

Баня № 3 работала в убыток по вполне понятным причинам. Посещать ее после обеда народ не хотел – печи не подтапливали, тепло и пар заканчивались. Кроме того, у бани не было собственного колодца, а значит, воды не хватало. Часы работы бани № 4 обычно сокращались из-за промерзания труб, недостатка воды и сухих дров. В привокзальной бане, открытой специально для железнодорожников, был неудобный график работы. Женщины могли попасть сюда только в пятницу, а мужчины – только в субботу⁵. Население города прибывало, а бани работали очень плохо. Кое-кто мог пользоваться и домашними банями,

¹ Красное знамя. – 1920. – 19 февр.

² ГАНО, ф. Р-34, оп. 1, д. 20, л. 26.

³ Там же, ф. Р-1124, оп. 1, д. 65.

⁴ Там же, ф. Р-34, оп. 1, д. 51, л. 19.

⁵ Хроника // Сиб. гудок. – 1924. – 2 апр.

но это касалось скорее состоятельных горожан. На периферийной улочке Бийский спуск только 23 домовладения из 386 включали баню. Кроме того, топка домашних бань осложнялась дровяным кризисом. Как часто мылись те, кто не имел домашней бани, источники не сообщают.

Мытье в банях Новониколаевска начала 1920-х гг., очевидно, не удовлетворяло потребность обывателя в чистоте. Сами они представляли собой полуразрушенные строения с ограниченными возможностями обслуживания. Однако интересно заметить: при полной хозяйственной запущенности в бане на ул. Советской трудились банщики и банщицы, мывшие посетителей. А в штат служащих бани № 4 входила прачка. В январе 1923 г. помывка в верхнем этаже этой бани стоила 100 руб., на нижнем этаже – 80 руб., за такое удовольствие, как ванна, приходилось выкладывать четыре сотни. Дети до 8 лет, если они приходили с родителями, допускались к ванне совершенно бесплатно¹. Бывшая «Федоровская» баня была крайне перегружена – более чем вдвое, поэтому обыватели изыскивали возможность помыться в другом месте.

Летом этот вопрос решался проще: можно было искупаться в реке и таким нехитрым способом удовлетворить свои гигиенические потребности. В середине 20-х гг. появилась и более «цивилизованная» альтернатива государственной бане – небольшие торговые баньки, принадлежавшие частным владельцам. Подобных заведений в городе возникло немало, однако их неудовлетворительное, а подчас и просто ужасное санитарное состояние отпугивало посетителей. Поэтому в холодное время года горожане были вынуждены выбирать государственные бани. Жители окраин ходили в бани пешком за 2–3 версты, теряя время и рискуя простыть, попадая на холод после банного жара². Кроме того, далеко не во всех районах города работали бани, например, в середине 20-х гг. в Ипподромском р-не бани вовсе отсутствовали³.

При всей плачевности состояния банного хозяйства в 1920 г. в городе заложили две новые бани. В августе 1925 г. «Советская Сибирь» сообщала о недостаточном финансировании и задержке в строительстве каменной бани на Будаговской ул.⁴. Известно, что строилась но-

¹ Хроника // Большевик. – 1923. – 4 янв.

² Баня в Ипподромском р-не // Сов. Сибирь. – 1925. – 26 авг.

³ Новосибирский день // Там же. – 1926. – 12 окт.

⁴ Новониколаевский день // Там же. – 1925. – 10 авг.

вая баня и в 1926 г. Однако вскоре после открытия закаменской бани новосибирские газетчики оповестили население, что долгожданное заведение работает в убыток. Баня работала 15 часов в сутки, четыре банных номера были извечно переполнены, особенно много желающих помыться толпилось в банном коридоре в традиционный для водных процедур субботний день. Однако, по социальным соображениям, помывка в этой бане была самой дешевой в городе – всего 10 коп., против 30, обыкновенных для других бань. Получалось, что население Закаменки, гонясь за дешевизной, буквально атаковало баню, пропускавшую в день до 2280 человек, но затраты предприятия не окупались¹. Впрочем, этим проблемы закаменской бани не исчерпывались: зимой, разумеется, перемерзли трубы, заведение не работало, вызывая недовольство местных жителей, ждавших банного дня и узнававших из газет, что таковой отменяется. В 1927 г. на ул. Ядринцевской открылась новая баня со значительной пропускной способностью – до 500 человек в день. Достоинством бани было наличие душевых кабин, которые активно рекламировались в газетах.

Вообще в середине 1920-х гг. в банном хозяйстве обнаружили позитивные изменения. Однако многие забытые современными горожанами нюансы довоенного быта делали мытье в банях неудобным и небезопасным. К примеру, в бане на ст. Новониколаевской горели керосиновые лампы, стекло на которых ежедневно накалялось и лопалось от попадавших на него брызг воды². Подобная ситуация была характерна и для лучшей в городе бани № 2, где зимой 1925 г. возникали перебои с электрическим светом³. Случались и другие казусы. Например, летом 1926 г. в женской бане на Андреевской площади работники заведения, не выдерживая жары и духоты, открывали настежь окна и дверь, при этом мывшиеся невольно и неожиданно для себя демонстрировали прохожим свои обнаженные тела.

Посещение **парикмахерской** удовлетворяет не только гигиенические, но и эстетические потребности человека. В годы хозяйственной разрухи в Новониколаевске и о том, и о другом можно было говорить с натяжкой. В 1920 г. по инициативе Чекатифа горкомхоз закрыл все парикмахерские будки и «некоторые парикмахерские, не соответствовавшие правилам гигиены». В качестве замены мелким частным

¹ Закаменская баня работает в убыток // Сов. Сибирь. – 1927. – 16 сент.

² Хроника // Сиб. гудок. – 1924. – 8 марта.

³ Новониколаевский день // Сов. Сибирь. – 1925. – 14 дек.

парикмахерским в жилых кварталах и на базарах были открыты три новых коммунальных парикмахерских. Безусловно, далеко не все горожане пользовались услугами парикмахерских, о чем свидетельствуют фотоисточники. Многие горожане предпочитали стричься дома, однако ряд фотографий начала 20-х гг. позволяет предположить, что более или менее состоятельные новониколаевцы делали модные прически в парикмахерских. Некоторые обыватели могли позволить себе вызов парикмахера на дом, что отражено в воспоминаниях старожилов города.

Вместо старых, частновладельческих, парикмахерских открылись новые, советские. В обязательном постановлении губернского отдела здравоохранения о санитарном состоянии парикмахерских от 9 января 1920 г. предписывалось устраивать парикмахерские в светлых и отапливаемых помещениях, состоящих не менее чем из двух комнат – приемной и для прислуги; оснащать приемные вешалками для верхней одежды и стульями, дезинфицировать инструменты, сметать и сжигать мусор через каждые 4 часа, мыть руки перед приемом каждого посетителя. Строго запрещалось обслуживать одним и тем же бельем двух и более посетителей и носить грязные рабочие халаты.

Однако в городе, многие обитатели которого месяцами не посещали бань и не держали в руках мыла, страдали педикулезом и подчас не догадывались, что «есть средства от вшей и их надо применять», скромные по современным меркам требования «обязательного постановления» не могли полноценно выполняться.

Заходя в новую парикмахерскую, обыватель попадал в помещение, обставленное реквизированными у частных владельцев мебелью и «туалетными вещами», оборудованное инструментами соответствующего происхождения. Со своими принадлежностями для стрижки и бритья пришлось навеки проститься двенадцати бывшим частным парикмахерам. Людей, имевших парикмахерские принадлежности, вычисляли, даже если те не работали. К примеру, товарищ Ковальчук, живший на ул. Михайловской, д. 78, имел такие инструменты, и в 1920 г. без ведома хозяина горкомхоз решил их судьбу. Однако изъятых инструментов не хватало. Обыватель вряд ли мог рассчитывать на безупречную прическу, ведь многий инвентарь был фактически негоден, но его все равно использовали. Посетителя парикмахерской № 1 на Николаевском проспекте встречали мастера в грязных халатах и с неисправными инструментами в руках, усаживали на реквизированный

стул, завешивали его плечи непростиранным изъятым полотенцем, брили, стригли, причесывали, надушивали каким-нибудь «баргамотным» или лимонным маслом, пудрили каким-то «Лебяжьим пухом»...

Посетители парикмахерской на Николаевском проспекте, д. 22, были вынуждены пользоваться услугами мастеров, которым катастрофически не хватало пригодных для использования инструментов. Из семи пар ножниц годных было всего пять, из восьми бритв годились к использованию тоже только пять, машинка для стрижки была единственной. На ул. Межениновской, № 1, в доме бывшего купца Казакова, открылась парикмахерская № 3. Однако ее посетители быстро лишились возможности пользоваться услугами нового заведения, располагавшегося в теснейшем помещении, требовавшем капитального ремонта. Посетители не могли рассчитывать на обслуживание свежим бельем, ведь парикмахерская закрылась очень скоро за полным неимением белья.

Горожане жаловались на то, что парикмахеры были «больше заняты разговорами, чем публикой». В газете «Дело революции» в 1920 г. напечатали заметку, в которой говорилось, что парикмахеры, пренебрегая очередью в 10 человек, бросили работу и принялись стричь и брить друг друга, и лишь один из них занялся посетителями. В парикмахерских постоянно толпился народ, скапливались очереди, многие не выдерживали и раздраженно уходили ни с чем. Рискованно было отправляться в парикмахерскую ранним утром, надеясь успеть постричься и побриться до начала рабочего дня, поскольку существовала вероятность опоздать на работу, к концу же рабочего дня закрывались, соответственно, и парикмахерские.

С преодолением хозяйственной разрухи постепенно налаживалась и работа парикмахерских. Со временем их стало значительно больше, их оснащенность существенно улучшилась. В середине 20-х гг. открылись десятки небольших частновладельческих парикмахерских, которые считались доходным делом. Газетчики отмечали, что частные парикмахерские тесны и грязны. Случалось, что неосторожный парикмахер «подрезал ухо» клиенту и не мог оказать ему никакой помощи за неимением йода¹. Однако все же к середине 1920-х гг. проблема «где постричься в Новониколаевске» утратила актуальность. Как оказалось,

¹ Наши парикмахерские // Сов. Сибирь. – 1926. – 10 янв.

утратила ненадолго: с окончанием нэпа частные заведения, где «за три капли одеколона брали по четвертаку»¹, устроили, и парикмахерских вновь перестало хватать.

1.4. Одежда горожан

Одежда удовлетворяет не только биологические потребности человека в тепле и защищенности тела, она свидетельствует о социальной и культурной самоидентификации того, кто ее носит, отражает его материальные возможности и эстетический вкус. По тому, что носит человек и что он думает о своем костюме, можно частично судить о том, как реализуются его потребности в уважении, признании, в красоте и т. д. На протяжении 20-х гг., особенно начала этого десятилетия, большинство новониколаевцев не имело возможности в полной мере реализовать свою потребность в одежде. Эта ситуация оставалась характерна для повседневной жизни горожан и в 30-х гг.

Горожане могли приобрести одежду на вещевом рынке («барахолке»), где покупателям предлагались как поношенные, так и новые вещи. Новониколаевцы могли купить одежду в государственных и кооперативных магазинах города, приобрести неновое платье с рук, заказать обновку портнихе, сшить самостоятельно, либо получить одежду через систему государственного распределения (в начале 20-х гг.).

После революции и гражданской войны новониколаевцы одевались чаще всего бедно. Горожане преимущественно донашивали дореволюционную одежду, шили в домашних условиях незамысловатые обновки, перешивали, перелицовывали старое, старались получить любую одежду через систему распределения.

В рассказе новосибирского писателя В. Зазубрина «Общежитие» колоритно и откровенно описан быт ответственных совработников, «коммунистической верхушки губернского города»². Действие рассказа происходит в общежитии сотрудников губисполкома на углу Коммунистической и Октябрьской ул. Центральной части Новосибирска в 1922 г. Описание одежды героев отражает реалии начала 20-х гг. В общежитии теснятся люди, занимающие разные должности и имеющие разное материальное благосостояние. Вениамин Скурихин – зав-

¹ Андреевич Г. Мелочи сибирской столицы // Там же. – 1925. – 30 окт.

² Зазубрин В.Я. Общежитие. – С. 137–169.

хоз губисполкома, человек образованный (учился в духовной семинарии) и чистоплотный, носит новый, наглаженный коричневый френч, черные галифе и начищенные сапоги, на его носу «блестит золотое пенсне». Спит Скурихин в тиковых полосатых кальсонах. Однако хорошо одетый Скурихин, которому каждое утро подают лошадь к подъезду, носит штопаные чулки. Это вскользь упомянутое обстоятельство свидетельствует о том, что даже региональное партийное начальство 20-х гг. с трудом могло обеспечить себе безупречный гардероб.

Врач Зильберштейн одет, как дореволюционный интеллигент, в строгий костюм, широкополую шляпу, длинное пальто и сапоги. Зинаида Спинек – завзagsом, самостоятельная и одинокая женщина, имеющая домработницу, играющая на досуге на пианино. На службу она надевает синее платье с глухим высоким воротником, гостей принимает в свободном пестреньком платьице с открытой шеей, для свидания выбирает белое платье с широкими короткими рукавами или платье «синее, новое». Спинек пудрится, красит губы и подводит синим карандашом глаза. Эта героиня рассказа шикарно одевалась по меркам периода хозяйственной разрухи и восстановительного периода.

Вымышленная героиня рассказа Владимира Зазубрина – не единственная модница начала 20-х. Это доказывают, в частности, фотоисточники. К примеру, на новониколаевском снимке 1921 г. изображена молодая горожанка Зинаида Гулякова, одетая в хорошее темное пальто и элегантную шляпку. Костюм украшен красивым воротником из белого меха и пушистой муфтой. Однако модницу «разоблачает» дата съемки – 28 апреля, слишком теплое время года для такого наряда. Вероятно, специально для фотографирования девушка надела «все лучшее сразу», пренебрегая погодой (рис. 1). На другом снимке той же поры девушка одета в красивое темное платье с ажурным лифом, соответствующим дореволюционной моде, на ней длинные бусы. Это наводит на мысль, что многие более или менее интеллигентные новониколаевцы (известно, что сестра Зинаиды Наталья Гулякова была художницей) в начале 20-х гг., хотя и не имели возможности щеголять в новых нарядах, все же не дошли до состояния «оборванства» (рис. 3). Художественный снимок Натальи Гуляковой в кругу подруг подтверждает эту мысль. Мы видим на групповом портрете и нарядную блузу из легкой ткани с бантом у воротника, с мелкими частыми пуговками, и кружевную белую сорочку, которая просвечивает сквозь тонкую блузу, и тем-

ное клетчатое платье с глухим воротом и элегантным маленьким галстуком, и белоснежные воротнички (рис. 4).

Рис. 1.

Зинаида Николаевна Гулякова,
28.04.1921 г., Новониколаевск
(из коллекции автора)

Рис. 2.

Наталья Николаевна Гулякова,
начало 20-х гг., Новониколаевск,
фото Ф.А. Шевцова
(из коллекции автора)

Рис. 3.

Зинаида и Наталья Гуляковы,
начало 20-х гг., Новониколаевск
(из коллекции автора)

Рис. 4.

Наталья Гулякова в кругу подруг,
начало 1920-х, Новониколаевск
(из коллекции автора)

Многие из тех, кто был до 1917 г. достаточно богат, за время революции и гражданской войны все же сильно обносились. К примеру, жена полковника Степанова тяжело заболела зимой 1920 г. тифом и была отправлена на лечение в губздрав. Женщина, привыкшая к достатку и хорошим условиям жизни, из-за болезни не была в состоянии даже запереть за собой дверь. Красноармейцы обнаружили открытую квартиру, где в полнейшем беспорядке находились некогда роскошные, но по большей части обветшавшие вещи – напоминание о прежнем благополучии и свидетельство нынешнего жалкого положения их владелицы. Из одежды у жены полковника сохранились две полотняные кофты, старое вечернее платье, синий сюртук супруга, два пояса, шарф, белая бурка, две пары сапог, две пары старых калош, старые кальсоны, шелковый платок, нижняя юбка, пара лифчиков, старая шинель, детская панама, цветная кофта, пять портянок, корсет, полуботинки, пара старых мужских башмаков, муфта, два фартука, фуфайка, нательная рубаша, жакетка, старое красное пальто и еще кое-какая мелочь¹. Неизвестно, выжила ли гражданка Степанова и понадобилась ли ей эта старая одежда, временно помещенная в вещевой цейхгауз. Вобщем же, историк Е. Жирицкая отмечает общую тенденцию, согласно которой представители прежде привилегированных слоев общества окончательно обносились к середине 1920-х гг².

Вернемся к героям рассказа В. Зарубина «Общежитие». Вишняков – лектор губпартшколы, как многие бывшие красноармейцы, донашивает военную шинель, потертый английский френч, тяжелые армейские сапоги. К концу 20-х гг. элементы красноармейской формы, точнее, ее изношенные остатки, обнаруживаются в одеянии беспризорников и нищих. На снимке 1929 г. изображен беспризорник, чье одеяние составляют рваные в клочья ватные штаны, такого же вида телогрейка и ветхая буденовка³. Но для начала 1920-х поношенная красноармейская одежда – вполне прилична и даже респектабельна. Коллега Вишнякова Петя Русаков одевается и обувается аналогично. Жена Вишнякова носит широкий капот. Она сама кроит своим малолетним сыновьям рубашки.

¹ ГАНО, ф. Р-34, оп. 1, д. 51, л. 49–51.

² Жирицкая Е. Легкое дыхание: запахи как культурная репрессия в российском обществе 1917–30-х гг. // Ароматы и запахи в культуре: в 2 кн. – М., 2003. – Кн. 2. – С. 202

³ НГКМ, Со/Ф № 10, 258 всп.

В начале 20-х гг., в условиях массового обнищания, на базарах можно было купить не только элементы устаревших туалетов, но и хорошие дорогие вещи, которые были вынуждены продавать некогда состоятельные люди. В 1920 г. газета «Красное знамя» писала: «На барахолках много «торговцев новой формации». Это – безумные беглецы с Волги, Камы, из Омска и пр. Почему они попали на положение торговцев? Очень просто, буржуи в Новониколаевске прожились, что называется, в пух и прах, и теперь, переживая страшную нужду, продают на барахолке остатки своего бывшего величия: золотые кольца, теплые дорогие шубы, саки, бриллианты и прочие буржуазные затеи и прихоти»¹. Новониколаевскую барахолку газетчики окрестили в 1920 г. Сухаревкой – по аналогии с известной московской толкучкой. Они рассказывали, что несмотря на голод и массовое обнищание барахолка процветает всюду: растут ее территория и ассортимент товаров. Новониколаевцы могли купить там «что угодно» (конечно, в пределах фантазии городского обывателя 1920 г., лицемерившего полнейшую разруху): подошвенные кожи, подметки, сапоги, туфли, шубы... Но уплатить за эти товары пришлось бы не менее фантастическую сумму, которой не мог, по мнению журналистов, располагать простой советский рабочий и служащий. На барахолке толпились «спекулянты, кулачки, бывшие барыньки» и прочий, по выражению газетчиков, «сброд»², благодаря которому торговля велась постоянно бойко несмотря на рост цен.

В начале 20-х гг. не только толкучка и барахолка могли стать источником пополнения гардероба. Горожанин мог получить вещи путем бесплатного снабжения, если его признавали нуждающимся в одежде. В начале 20-х гг. жителей города снабжали одеждой в счет жалования на предприятиях. К примеру, сотрудники «Губторга» получали в 1922 г. полушубки, валенки, шапки, рукавицы, ватные тужурки, овчины и сапожный товар³. Но одежды неизменно не хватало. В январе 1921 г. отделом социального обеспечения была прекращена выдача нуждавшимся обывателям «натур» (белья, одежды и обуви) за истощением ее запасов.

«Дело революции» восклицало в конце 1920 г.: «Зима! Рабочие и работницы Новониколаевска в большинстве своем разуты и разде-

¹ На барахолке // Красное знамя. – 1920. – 31 янв.

² Хроника // Дело революции. – 1920. – 3 июня.

³ ГАНО, ф. Р-1132, оп. 1, д. 6, л. 138.

ты!»¹. Власти не могли изыскать средств на обеспечение граждан производственной одеждой и теплыми вещами. В начале 1921 г. рабочим выдавали гимнастерки, брюки, белье, ткани, нитки, кожаную обувь, шапки, валенки, рукавицы, лапти, но удовлетворяли потребности рабочих в одежде не более чем на 20 %, и запасы одежды истощались². Легкая промышленность в Новониколаевске и Новониколаевском районе едва теплилась и не могла обеспечить удовлетворения потребностей трудящихся в одежде: шерсть в пимокатные мастерские поставляли с перебоями, готовые валенки шли по большей части на нужды армии, в шубных мастерских не хватало портных и швейных машин.

Неожиданные находки «бесхозной» одежды, брошенной эмигрантами и сторонниками колчаковской армии, а также оставшейся после гибели состоятельных горожан, называли «кладами» и быстро делили. Так, в декабре 1920 г. на ул. Михайловской, д. 27, подобный «клад» из 10 ящиков «бесхозных вещей» – дорогого белья, платьев и другой одежды на сотни миллионов рублей – нашли начальник уездной милиции и его помощник. Найденные вещи обещали раздать нуждавшимся трудящимся.

Однако кое-кого из новониколаевских служащих посещала птица счастья – неожиданная возможность «хапнуть». «Хапнули», – именно под таким заголовком была опубликована обличительная статья в «Деле революции» на исходе 1920 г. Автор статьи с возмущением рассказывал, как центральная власть разрешила сотрудникам транспортного отдела горкомхоза, нуждающимся в теплых вещах, выдачу «невоенного, бесхозного имущества». Выдача вещей производилась не нуждавшимся, а «близко стоявшим к кормилу правления организации», которые присвоили от 10 до 65 вещей. Заведующий районным отделом организации получил демисезонное пальто, енотовую шубу, мужской костюм, шляпу-панаму, мужские ботинки и сапоги, дамские ботинки, шаль, детские ботинки, пальто дамское на лисьем меху с каракулевым воротником и прочее, вплоть до перчаток. Хорошие теплые вещи «перепали» также и людям, не имевшим прямого отношения к этой организации, но имевшим личные связи с его сотрудниками. Однако некоторые нуждающиеся все-таки получили кое-какую одежду: брюки, сапоги, рубахи, кальсоны, фуфайки. Некоторым вовсе не повезло – им

¹ Одежду – рабочим // Дело революции. – 1920. – 18 нояб.

² Хроника // Сов. Сибирь. – 1921. – 21 февр.

выдали не одежду, а бытовой инвентарь – по ведру и сечке. «Негодяи» торопились до ревизии успеть поделить оставшиеся запасы тканей, теплых шалей, мужских ботинок, дамской обуви и чулок, однако ревизия подоспела раньше, чем закончился противоправный дележ «бесхозных вещей»¹.

В середине 20-х гг. кое-какой ассортимент одежды и обуви выставлялся на выбор покупателей на рынках города. Однако, по данным 1926 г., этот выбор был крайне скудным. На рынках города стабильно торговали тканями (ситцем, бязью, льном, сукном), галошами, яловыми сапогами. Появлялись на рынке овчинные шубы, женские ботинки, носки, которые стоили дорого – 45 коп. за пару, против 7,5 коп. за 1 кг ржаного хлеба². Вообще же на базаре могло появиться что угодно и когда угодно. В конце марта 1925 г. в магазине «Губторга» № 2 неизвестными было похищено 29 шелковых галстуков. Часть этих галстуков милиционеры обнаружили у базарного торговца, который, скрывшись, избежал ареста³.

На новониколаевской барахолке середины 1920-х гг. можно было увидеть самые неожиданные вещи: от старой потрепанной шляпы до бриллиантов. Скупщики старья предлагали широкий ассортимент товаров из остатков дореволюционной роскоши: корсет, пестрые галстуки, жилет от фрака, запонки и пр. Здесь можно было встретить бедного старика, таскавшего на палке пару поношенных ботинок, или бывшую «барыньку», стоявшую на жаре в хорьковой шубе, предназначенной на продажу⁴.

За одеждой и тканями горожане приходили не только на рынки города, но и в магазины. В первой половине 20-х гг. в Новониколаевске возродились специализированные магазины «готового платья» и обувные магазины. Так, в магазине «Слава» на Красном проспекте горожанин мог купить изящную замшевую и цветную дамскую обувь, детские туфельки и резиновые галоши⁵. Это заведение устраивало даже распродажи, и покупатели получали возможность приобрести дешевле бракованную или попросту залежавшуюся на прилавках обувь⁶. А в

¹ Хроника // Дело революции. – 1920. – 17 нояб.

² Бюллетень рынка и цен Сибирского края. – Новосибирск, 1926. – № 1–7.

³ Происшествия // Сов. Сибирь. – 1925. – 28 марта.

⁴ Серп. На барахолке // Там же. – 24 сент.

⁵ [Реклама] // Большевик. – 1923. – 29 марта.

⁶ То же // Сов. Сибирь. – 1923. – 3 апр.

магазине «Сибдальвнешторга» на углу Красного проспекта и ул. Спартак продавали шевровые и хромовые сапоги, как свидетельствует реклама¹. Однако в магазинах «Губторга» в начале 20-х гг. не пользовались особенным спросом разные виды дорогих тканей, модные галантерейные товары и модная дорогая обувь по причине высокой цены на эти товары. Новониколаевцы плохо раскупали даже галоши. Несомненно, обедневшие в результате войны горожане мечтали о многих товарах, выставлявшихся в центральных магазинах города, среди которых были и перчатки, и носки, и фильдекосовые чулки – истинная примета времени, объект вожделенного любования героинь скандального романа Л. Гумилевского «Игра в любовь», вышедшего в 1927 г.²

Еще в 1922 г. в стране появились первые советские журналы мод, где обычно публиковались копии содержания парижских журналов. В начале 20-х гг. известные московские художники В. Мухина, Б. Кустодиев, И. Грабарь, К. Петров-Водкин, К. Юон пытались создать образцы советской моды, ведь старая эстетика костюма устарела по идеологическим причинам. Мода первого десятилетия XX в. была уже совершенно не актуальна и на Западе. Но, безусловно, мода 20-х гг. в нашей стране была ориентирована не на широкие круги городского населения, а на нэпманов. До Советского Союза доходили отголоски западных модных тенденций. Советские модники были знакомы с образцами египетского стиля и джазового модерна. И в Новониколаевске середины 20-х гг. жили нэпманы, одевавшиеся по моде, щеголявшие в шикарных туалетах и дорогих костюмах.

В первой половине 20-х гг. более состоятельные горожане могли позволить себе купить предметы «средней роскоши»: дамское белье с вышивкой, «галстухи», воротнички, лайковые и замшевые перчатки. В списке «роскошных» товаров значились платья, шелковые отрезы, вышитые батистом, шелковые перчатки³. Но все-таки большая часть городского населения одевалась просто и однообразно. В то время как общая масса горожан носила старую дешевую обувь, на прилавках центральных магазинов выставляли ажурные туфли, туфли «лодочки», гетры и полугетры, хромовые сапоги и сапоги шевро. Однако покупали подобные вещи редко. Приобретению дорогой «готовой» обуви существовала альтернатива – покупка заготовок для самостоятельного по-

¹ [Реклама] // Трудовой путь. – 1922. – 4 янв.

² Гумилевский Л. Игра в любовь. – М., 2001. – С. 90.

³ ГАНО, ф. Р-1132, оп. 1, д. 35, л. 304 об.

шива обуви: каблуков, задников, стелек, голенищ, подошв, передов и сапожных ушек. Самостоятельно мастерили обувь не только новониколаевцы. В воспоминаниях белорусского скульптора Ольги Дедок, посвященных годам юности, которая пришлось на начало 20-х гг., читаем о процессе изготовления туфель: «Туфли шили сами. Подметку плели из веревок. Каблуки покупали деревянные, оклеивали крестьянским холстом (из него же и заготовки), снизу подбивали кожицей. Белили мелом. Вокруг ноги переплетали ленточкой. Получались изящные ножки. Были еще босоножки – из доски подметка (на сгибе распиlena и соединена кожей, сверху ремешки). Они очень стучали по тротуару...»¹.

Готовую одежду и обувь вообще покупали сравнительно редко. Обратимся к примеру с валенками – самым ходовым товаром для начала зимы. 13 ноября 1922 г. центральный магазин «Губторга» продал только 3 пары пимов, 14 ноября – 10; 15 и 16 ноября – по 7 пар; 17 ноября – 11; 18 ноября – 1; 19 ноября – 2; 21 ноября – 1 пару². Если новониколаевцы редко и мало покупали ходовые товары, то что говорить о товарах менее ходовых и более дорогих. Из отчета о товарообороте Центрального магазина «Губторга» узнаем, что в ноябре – декабре 1922 г. обыватели покупали простые женские чулки (черные и белые) три раза, а чулки детские – один раз, одну пару. Однажды кто-то купил пуховые чулки по баснословной цене – 3750 руб.³ Если соотнести эту стоимость с доходами кассирши, трудившейся в данном магазине, получается, что за подобные чулки она заплатила бы более чем пятую часть зарплаты. Кроме того, в указанный период горожане купили одни брезентовые брюки, простую рубашку, покупали вязаные и пуховые перчатки, платки, рукавицы, три раза покупали галоши, ночные рубашки. Как-то в магазине продали брезентовую тужурку, четыре раза за два месяца горожане покупали подтяжки. 30 декабря, под Новый год, в магазине произошло событие – некто купил мужской костюм за 33 500 руб. На такой костюм заведующий Центральным магазином «Губторга» должен был работать целый месяц, а приказчик – почти два месяца. Существовала альтернатива покупке костюма – пиджак, который стоил 25 тыс. руб. Однако за два месяца с ноября по

¹ Дедок О. Воспоминания // Женщины на краю Европы. – Минск, 2003. – С. 212.

² ГАНО, ф. Р-1132, оп. 1, д. 21, л. 18 об., 21–22, 26, 28.

³ Там же, л. 39 об.

январь 1922 г. пиджак в Центральном магазине губернского города никто не покупал. Не покупали и новых шуб, которые, видимо, стоили слишком дорого – 60 тыс. руб.¹.

Плановая экономика подчас негативно отражалась на снабжении горожан даже самой незамысловатой одеждой и обувью. К примеру, в апреле 1926 г., когда улицы покрылись весенней грязью и лужами, в Новониколаевске было трудно купить галоши. Спрос на этот товар удовлетворялся лишь на 50–60 %, поскольку значительные партии галош были отправлены на Украину, где весна началась непредвиденно рано².

Горожане постоянно покупали ткани: полотно, сукно, ситец, холст, сатин, миткаль, батист, бязь, газ. Но все они тоже недешево стоили. Горожане, которым подобные покупки были по карману, могли обратиться для пошива обновки в ателье. Например, «Швейпром» принимал заказы на мужское и дамское верхнее платье, которое изготовлялось, если верить рекламе, под наблюдением опытных и ответственных закройщиков³. В годы нэпа в Новониколаевске существовало немало небольших частных ателье, имелась даже мастерская дамских шляп. Но горожане использовали для пошива одежды и куда менее «изысканные» ткани: грубые самотканые материалы, марлю, даже мешковину. В воспоминаниях старожила нашего города А.Н. Андоньевой описан сюжет из жизни в прислугах у мелкого новониколаевского торговца в начале 20-х гг., когда хозяйка сшила девочке «платье»: «Вырезала в мешке горловину, стачала плечи, обметала их и преподнесла мне “платье” как великий дар. А когда стало совсем холодно, выдала мне лапти, сплетенные из веревки». Мемуаристка вспоминает, что это платье она носила не только дома, в нем же она ходила в школу и продавала молоко на железнодорожной станции⁴.

О том, до какой степени не хватало одежды, в том числе и рабочей, свидетельствует один из заурядных для тех лет случаев, произошедший в рядовой новониколаевской бане. Кочегару, вчерашнему красноармейцу, заведующий баней выдал для работы рукавицы-верхонки. Кочегар в тот же день их коварно похитил, что привело к скандалу с

¹ ГАНО, ф. Р-1132, оп. 1, д. 21, л. 87 об.

² Почему мы ходим без галош? // Сов. Сибирь. – 1926. – 4 апр.

³ [Реклама] // Там же. – 1923. – 24 нояб.

⁴ НГПУ. Воспоминания А.Н. Адоньевой (1910–1994), написаны в 1970 – начале 1990-х гг.

длительными разбирательствами, написанием докладных, и чуть было не стоило кочегару места работы. На улицах часто воровали сушившееся белье. В милицию нередко приходили с заявлениями о похищении штанов, рукавиц, шапок и прочей поношенной одежды. Крали любую пригодную для носки одежду, но пойманных воров жестоко наказывали: известен случай, когда за кражу пары пимов вора осудили на пять лет лишения свободы. В начале 20-х гг. за новые валенки и хороший тулуп хозяина этих вещей могли даже убить, о чем свидетельствует местная пресса. А о находке на Болдыревской ул. женского ботинка сообщалось в газете, как о ценной вещи, словно был найден не ботинок, а документы или кошелек с большими деньгами.

В период нэпа, когда вопрос с одеждой решался легче, чем в годы разрухи, горожане не переставали грешить кражами одежды, даже недорогой, обыкновенной. Любопытный случай произошел в самой близкой к городу д. Усть-Иня, через которую ежедневно проходили городские жители, раздражавшие своим появлением крестьян. Обыватель Власов с друзьями имели в сентябре 1927 г. неосторожность мимоходом сорвать на деревенской бахче несколько огурцов. Это вызвало гнев огородника Овчаренко, караулившего разрушителей бахчи в кустах с обрезом. Он не только отнял огурцы у воров, но и отобрал у Власова, угрожая обрезом, хромовые сапоги, новые штаны и фуражку¹. Хромовые сапоги считались шиком. Разъяренный Овчаренко не устоял перед соблазном отнять у более слабого новые модные вещи.

Конечно, воровство не было всеобщим способом приобретения одежды. Купить одежду можно было не только в магазине или на базаре. Имело смысл просматривать газетные полосы. Время от времени в газетах появлялись объявления, в которых предлагалось купить с рук хорошую ношеную одежду: женскую доху, мужскую шубу на хорьковом меху, бобровую шапку, френч, енотовый тулуп, дамскую лисью шубку, мужское пальто с собольим воротником и пр.

В 1927 г. газеты призывали, указывая нужный размер, выписывать по почте из Москвы пальто – мужские и женские². При этом образцы моделей в газете не были представлены. Купить пальто было непросто и, вероятно, никого из горожан не заинтересовало это предложение купить «кота в мешке».

¹ Воинственный огородник // Сов. Сибирь. – 1925. – 9 сент.

² [Реклама] // Там же. – 1927. – 16 окт.

Во второй половине 20-х гг. в городе существовали магазины, торговавшие исключительно одеждой и обувью, а также универсальные магазины, к примеру, магазины торговой сети «Акорт». В магазине № 4 горожане приобретали кожи, обувь и шубы, в магазине № 7 – мануфактурные и галантерейные товары¹. Стоит заметить, что специализированных магазинов, торговавших одеждой, было гораздо меньше, чем универсальных магазинов. С началом нэпа многие горожане стали лучше одеваться, для этого появилось гораздо больше возможностей. Безусловно, эта тенденция касалась далеко не всех слоев населения Новониколаевска–Новосибирска. Однако фотоисточники запечатлели городских модников второй половины 20-х гг. На фото из фондов НГКМ чета служащих: молодая женщина в новом пальто с расклешенными рукавами, манжеты которых оторочены мехом; из-под маленькой шляпки видны мелкие кудри, ноги дамы украшают светлые чулки и высокие сапоги. Мужчина одет в короткое пальто с английским воротом, из-под пальто виднеется белая сорочка с бабочкой, на нем светлые узкие брюки, светлая шляпа, светлые перчатки и светлые же ботинки². Другое фото демонстрирует наряд хорошо одетого ребенка – Сиряченко Валентина, 1923 г. рождения, на котором пестрый вязаный костюм и такая же шапочка (см. рис. 5). Его ровесник Вука Прохоров красуется на снимке 1927 г. в клетчатой блузе с крупными пуговицами, в серых шортах, чулках, собравшихся гармошками на коленях, и вполне приличных ботинках (см. рис. 6). Конечно, такие наряды не могли позволить себе и своим детям рабочие, количество которых постоянно повышалось в растущем городе (с 1926 по 1929 г. численность рабочих в Новосибирске повысилась с 35 тыс. до 44,7 тыс. человек)³. Видимо, перед нами нэпманы или горожане из среды партийного начальства. В Новониколаевске было не так уж и много горожан, позволявших себе нанимать прислугу, а соответственно, и достойно одеваться. По данным историка С.В. Шейхетова, в 1923 г. в Новониколаевске проживало 907 нэпманов, что составляло 11 % городского населения⁴.

¹ ГАНО, ф. Р-100, оп. 1, д. 25, л. 37–38.

² НГКМ, Со/Ф № 14, 706/1 веп.

³ Город Новосибирск и район. – С. 108.

⁴ Шейхетов С.В. Нэпманы // Маргиналы в социуме. – С. 104.

Рис. 5.
Валентин Сирияченко,
1925 г., Новониколаевск
(из коллекции автора)

Рис. 6.
Вука Прохоров,
1927 г., Новосибирск,
фото Ф.А. Шевцова
(из коллекции автора)

Известно, что нэпманы не скупились на хорошую одежду, что помогало создавать и поддерживать о себе хорошее мнение в деловых кругах. По наблюдениям С.В. Шейхетова, нэпманы были законодателями моды, «каждый крупный промышленник или торговец имел английский костюм, шелковую рубашку, узконосые лакированные штиблеты, тросточку», а зимой они носили «дорогие котиковые ермолки и шубы». Женщины, входившие в социальную группу нэпманов, «носили платья так называемого птичьего силуэта – узкие, длинные сзади, сшитые из шелка, парчи, меха», обувь была «остроконечная, с перепонками-застежками»¹.

Неизменным оставался стиль одежды интеллигенции. Врачи, судя по фотографиям, на протяжении всего описываемого периода носили строгие костюмы, белые сорочки и галстуки. Соответственно одевались учителя и преподаватели, работники книжной торговли, счетоводы и другие представители интеллигенции. Интеллигентные женщины второй половины 20-х гг. одевались далеко не всегда модно и красиво,

¹ Шейхетов С.В. Нэпманы // Маргиналы в социуме. – С. 148.

как скажем, художница Наталья Гулякова, запечатленная на фото второй половины 20-х в светлом платье из тонкой ткани в розочку (см. рис. 2). Рядовая учительница, счетовод или врач носили темные платья с бантом, брошечкой или вязаным белым воротничком. Мужчины продолжали носить гимнастерки. Многие слушатели политшколы первой ступени на снимке 1929 г. одеты в гимнастерки, некоторые запечатлены в крестьянских косоворотках¹. Надо отметить, что черты крестьянского костюма были характерны для многих слоев городского населения 20–30-х гг., в первую очередь для жителей городских окраин и недавних выходцев из села.

1.5. Интимные потребности обывателей и «соблазны» большого города

К числу биологических потребностей человека относятся, кроме всех прочих, и половые. Безусловно, для многих горожан этот особенно интимный вид потребностей вовсе не связан с какими-либо особенными объектами городской среды. Однако всегда, практически в любом обществе, существуют люди, которые пользуются услугами легальных ли, подпольных ли «заведений», помогающих реализовать подобного рода потребности. В дореволюционной России эти функции исполняли дома терпимости, в советский период проституция перестала быть легальной, и «жрицы любви» переместились в тайные «притоны разврата», как говорили в 1920–1930-е гг. Проституция по советскому законодательству тех лет не считалась преступлением. Закон карал лишь притоносодержателей, которые, как считалось, эксплуатировали женщин, вынужденных в силу каких-либо обстоятельств торговать своим телом. Притоносодержатели – хозяева нелегальных домов свиданий, бравшие с проституток часть их заработков, несли ответственность по ст. 40 Уголовного кодекса.

Однако проституция вовсе не оправдывалась советским государством и общественностью. При крайздраве (организация краевого значения, занимавшаяся вопросами медицины и здоровья населения) была создана специальная комиссия по борьбе с проституцией, которая выявляла женщин легкого поведения, ставила на учет, следила за их состоянием здоровья и занималась агитационной работой против проституции. По данным С.Е. Панина, в 20-х гг. государство боролось с

¹ НГКМ, Со/Ф № 1087 всп.

лицами, пользовавшимися услугами проституток: их публично позорили, оглашали их имена в газетах, делали им строгие выговоры по месту работы. Самих проституток отправляли на «трудовое перевоспитание», которое к концу десятилетия логично подменилось репрессиями¹.

В начале 1920-х гг. ответ на вопрос о легализации проституции, похоже, не всегда был очевиден для общества. В рассказе новосибирского писателя В.Я. Зазубрина «Общежитие» приводится эпизод, в котором героиня Зинаида Спинек, хотя и не всерьез, с иронией задает циничный вопрос своему гостю: «Скажите, какие билеты будут выдавать советским проституткам – желтые или красные?»². Известно, что в царской России профессиональные проститутки, состоявшие на учете врачебно-полицейского комитета, получали так называемый «желтый билет» – бланк, заменявший паспорт.

На вопрос, кто и почему посещал новониколаевские притоны, едва ли можно ответить точно. Люди разного социального положения, материального благосостояния и образования могли быть уличены в посещении с известными целями подобных мест. К примеру, при обнаружении уголовным розыском притона разврата в бараке гражданки Елизаветы Липсак на ул. Кузнецкой, здесь находились в качестве клиентов грамотный, женатый, заведующий мельницей крестьянин Георгий Паршнев и интеллигентный семейный горожанин, имеющий высшее образование и служащий агентом, Владимир Коморзин³. Из других уголовных дел узнаем, что притоны систематически посещали военнослужащие из Военного городка, летчики, приказчики... По данным доклада комиссии по борьбе с проституцией административного отдела Сибкрайисполкома среди клиентов городских проституток всегда было много приезжих мужчин. К услугам таких женщин часто обращались военные, госслужащие, сотрудники кооперативов, рабочие и учащиеся. Безусловно, клиентами городских проституток были и лица уголовного мира, предпочитавшие иметь на свободе «свою мару», которая материально поддерживала заключенных в расчете на последующую ответную материальную поддержку⁴. Обычно при допросах задержанные уголовным розыском проститутки не могли назвать имен

¹ Панин С.Е. Борьба с проституцией в России в 1920-х гг. XX в. – С. 118.

² Зазубрин В.Я. Общежитие. – С. 167.

³ ГАНО, ф. Р-1027, оп. 1, д. 319, л. 2–3.

⁴ Там же, ф. Р-1353, оп. 1, д. 36, л. 74.

и рода занятий своих «случайных знакомых» и скрывали сведения о постоянных посетителях. Видимо, подобная информация не была для них особенно важна, ведь «проститутка на то и проститутка, чтобы не презирать никого, ни старого, ни малого, ни безносого, они должны, обязаны, или не хотят, никого не отталкивать, кто пришел к ним с дарами, а не просто так»¹. С другой же стороны, проститутки не хотели компрометировать бывавших у них мужчин.

Как известно, классическая форма проституции в виде борделей и домов свиданий была строжайше запрещена советской властью. Имевшиеся в Новониколаевске до революции дома терпимости на Инской ул., к радости жителей соседних домов, перестали существовать. По словам старожила Новосибирска С.В. Чернышова, Инская была прежде местом настоящего разврата. Домов терпимости здесь насчитывалось два квартала. Днем и ночью шли безудержные кутежи, участники которых, случалось, оставляли здесь весь свой заработок².

На этапе хозяйственной разрухи проституция не рассматривалась такой насущной проблемой, как голод, эпидемии, жилищный кризис и массовое обнищание, поэтому в прессе, которая была основным источником сведений о новониколаевских притонах, информации об этом явлении практически нет. Исследователи 20-х гг., занимавшиеся вопросами проституции, полагали, что во времена «военного коммунизма» не было сколько-нибудь благоприятных условий для развития проституции, поскольку в стране отсутствовал торговый оборот, люди практически не держали в руках денег, сравнивались по материальному обеспечению и были обязаны нести всеобщую трудовую повинность. Нэп же, с его частнопроводными отношениями, возможностями накопления, разрешением продажи спиртных напитков, сокращением штатов госучреждений и общественных организаций, от которого пострадали многие низкоквалифицированные женщины, подготовил отличную почву для развития проституции и притоносодержательства³. Подобное мнение выражает и С.Е. Панин в упомянутой статье о методах борьбы с проституцией⁴. Однако отсутствие (либо неочевидность) ис-

¹ Петрушевская Л.С. Дочь Ксении // ...Как цветок на заре. – М., 2002. – С. 61.

² Чернышов С.В. В те времена... // Память сердца. – Новосибирск. – 2003. – С. 29.

³ ГАНО, ф. Р-1353, оп. 1, д. 36, л. 70.

⁴ Панин С.Е. Указ соч. – С. 113.

точников, которые свидетельствовали бы о новониколаевских притонах периода разрухи, вовсе не говорит о том, что таких притонов не имелось.

Специалисты, занимавшиеся социальными вопросами на закате нэпа, видели прямую связь между нэпом и ростом числа публичных женщин. Эта мысль подтверждалась тем, что большинство проституток, поставленных милицией на учет, занялись этим «грязным делом» именно в период нэпа. Однако учтем возрастной аспект проституции. Женщины, избиравшие такое «ремесло», в своем большинстве относились к возрастной группе 20–25 лет. Тридцатилетних проституток в конце 20-х гг. было очень мало. А это может говорить о том, что те, кто таким образом зарабатывал на жизнь в годы гражданской войны, стали старыми для подобных занятий. Быстрому старению и увяданию способствовали тяжелые бытовые условия, инфекции, голод. Кроме того, исследования современного уральского историка И.В. Нарского свидетельствуют о всплеске проституции на Урале в разгар гуманитарной катастрофы начала 20-х гг., поэтому есть основания полагать, что и в Новониколаевске на фоне всеобщей разрухи функционировали и «процветали» бордели.

Конечно, в 1920–1921 гг., когда городские обыватели недоедали и повально мерли от тифа, половые потребности отодвигались на второй план. Однако известно, что притоносодержательница Софья Малых, задержанная в середине 20-х гг., занималась этим «промыслом» в Омске и при Колчаке. В Новониколаевске до революции жили люди, зарабатывавшие «легкие деньги» на домах свиданий вполне легально. Трудно поверить, что революция и большевики перевоспитали этих «паразитов».

Именно в начале 20-х гг., когда уголовный розыск и краевой суд были заняты проблемами контрреволюции, хищениями продовольствия, которого очень не хватало, разгулом бандитизма и прочими более важными вопросами, чем проституция, в городе сложилась благоприятная ситуация для распространения притоносодержательства. В бывших уездных городах Сибири, ставших окружными центрами, проституция развивалась особенно внушительными темпами из-за притока населения и благоприятных экономических условий¹. В Новониколаевск, который имел значение важного транспортного узла, постоянно

¹ ГАНО, ф. Р-1353, оп. 1, д. 36, л. 70 об.

прибывали переселенцы. В город приезжали люди из регионов и мест, где условия жизни были невозможными для существования. Словом, Новониколаевск наводнялся людьми, отрывавшимися от родовых корней, испытывавшими многие тяготы и лишения, пережившими нравственную и духовную ломку, людьми, перед которыми зачастую стояла одна цель, затмевавшая все другие, – выжить. Часто прощание с малой родиной и переезд в Новониколаевск могли быть сопряжены для женщины, встававшей на путь проституции, с личной драмой – разводом, смертью кормильца или бесчестьем. Патриархальная мораль осуждала случаи беременности вне брака. Обычно женщины, попадавшие в такую ситуацию, не могли рассчитывать на поддержку и понимание окружающих. В крестьянских воспоминаниях часто встречается сюжет о самоубийствах девушек, забеременевших до брака.

Хроники новосибирских газет пестрят сообщениями о детоубийствах, совершенных молодыми незамужними девушками. Частым явлением для 20-х гг. были разводы молодых пар. Подобные жизненные коллизии, в которые могла попасть молодая женщина, сильно повышали вероятность превращения ее в проститутку. Типична для тех лет история переселенки из европейской части страны Анны Балашовой. Молодая, бедная, одинокая девушка из крестьянской семьи незадолго до отъезда в Сибирь подверглась изнасилованию. Приехав в Новониколаевск и устроившись прислугой, она почувствовала себя беременной. Девушка тайно родила ребенка и в отчаянии бросила младенца в уборную, но была задержана милицией по свежим следам и осуждена¹. Женщина с подобной биографией вполне могла стать проституткой – ей вряд ли предстояли счастливое замужество и спокойная сытая жизнь.

В просмотренных нами уголовных делах о притоносодержательстве и газетных заметках на эту тему зачастую фиксируется то, что женщины, занимавшиеся проституцией, были, как правило, приезжими, безработными и неимущими. Так, бывшая крестьянка Самарской губернии Пелагея Митькина заявляла на допросе свидетелей по делу о притоносодержательстве: «Добавлю, что занимаюсь я проституцией, так как нет другого источника пропитания»². Часто проститутки занимались этим грязным делом для получения дополнительных заработ-

¹ Жертва темноты // Сов. Сибирь. – 1926. – 23 авг.

² ГАНО, ф. Р-1027, оп. 1, д. 319, л. 4.

ков, так что с виду порядочная работница или служащая могла оказаться тайной проституткой. На эту скользкую дорожку горожанок толкали бедность и безработица¹, а также нравственная демократизация. Как пишет историк Н.Б. Лебина: «С проститутки снималась не только правовая, но и морально-нравственная ответственность за ее поступки»².

Из 391 сибирской проститутки, поставленной в 1927 г. на учет комиссией по борьбе с проституцией при крайздраве, 71 женщина происходила из рабочей среды, 164 – из крестьянской, 45 – из бывших мещан, социальное происхождение 111 не было определено³. Часто «зарабатывать телом» начинали девушки и женщины, не имевшие никакой квалификации и устраивавшиеся работать кухарками, нянями, горничными, уборщицами, прачками. Подобная работа могла оказаться недолговременной и низкооплачиваемой, что и тянуло женщину «ко дну». Нередко ряды проституток пополнялись за счет неквалифицированных работниц и низшего медперсонала. Реже проституцией занимались образованные женщины интеллигентных профессий: журналистки, машинистки, конторщицы, телеграфистки, артистки.

Вынужденное недостаточное внимание правоохранительных органов к притоносодержателям в начале 20-х гг. способствовало «расцвету» притонов в более благополучные нэповские годы. Несомненно, притоны разврата существовали и до введения новой экономической политики. В газетах времен разрухи изредка проскальзывают упоминания о существовании притонов, в частности, в Вокзальной части города и «нахаловках». Это и понятно – на вокзале всегда было немало преступников: мошенников, воров, грабителей и проституток, которые наживались на наивности ехавших через Новониколаевск крестьян и других неопытных людей, оказывавшихся в незнакомой обстановке. Вокзал – традиционное «рабочее» место проституток, которые неизменно находили свою «жертву» в огромной толпе народа или садились на подъезжающие поезда с целью заработать по дороге⁴. В «нахалов-

¹ Тараканова С. Проституция как социальное зло // Красная сибирячка. – 1922. – № 4/5. – С. 95.

² Лебина Н.Б., Чистиков А.Н. Обыватель и реформы: картины повседневной жизни горожан в годы нэпа и хрущевского десятилетия. – С. 108.

³ ГАНО, ф. Р-1353, оп. 1, д. 36, л. 72.

⁴ Садовский К. К вопросу о борьбе с проституцией на Омской дороге // Сиб. мед. журнал. – 1925. – С. 52.

ках» же, по причине скученности и хаотичности их застройки, запутанности улиц, легко было скрыться. Они издавна считались рассадниками преступности. Уголовному розыску были известны некоторые местные притоны, где подчас прятались воры и убийцы, но громких уголовных дел по ликвидации притонов в начале 20-х гг. нам не известно.

Именно в начале 1920-х гг. в Новониколаевске стало много торговцев наркотиками, которые зачастую предлагались посетителям притонов наряду с «девицами». В газетах писали о гибели наркоманов (например, некоего гражданина Едотова или корейского подданного Сон Хвабои), которые неумеренно курили опиум. Новониколаевские искатели острых ощущений могли также купить у какого-нибудь китайского торговца (Сун Чанвена или Ян Донши), а то и у местного «барыги» Мишки Серебренникова морфий, анашу или кокаин. Судя по свидетельствам газет, наркотические притоны создавались все же чаще китайцами. К примеру, в июле 1923 г. был задержан китаец Тянь Шоучи по кличке Васька Китаец, содержавший притон морфинистов и кокаинистов, а также скупавший краденое¹. Журналист, подписывавшийся «Серп», так охарактеризовал один закаменский притон, в котором ему случилось побывать: «Старуха самогонщица живет в длинном низеньком бараке, спрятанном крышами других домов. Заходим... В одной из комнат – девицы, трое пьяных и китаец нюхают кокаин, поднося его к носу на кончике перышка. Тут всё: начиная самогоном и кончая девицами...»².

К середине 20-х гг. существование значительного числа нелегальных притонов разврата в сибирской столице становится очевидным. Только за первый квартал 1926 г. уголовным розыском было обнаружено 140 притонов наркотиков и разврата³. Трудно сказать, как варьировалось число новониколаевских вертепов в 20-е гг. – официальной статистикой мы не располагаем, однако, по свидетельствам прессы, их в городе неизменно насчитывалось десятки. Согласно данным комиссии по борьбе с проституцией, в 1927 г. в Новосибирске была зарегистрирована и поставлена на учет 61 проститутка (несколько больше путан насчитывалось только в Иркутске, Красноярске и Омске)⁴. В го-

¹ Происшествия // Большевик. – 1923. – 17 июля; 27 июля.

² Серп. Как живет Каменка // Большевик. – 1923. – 1 авг.

³ Новониколаевский день // Сов. Сибирь. – 1926. – 16 апр.

⁴ ГАНО, ф. Р-1353, оп. 1, д. 36, л. 70 об.

ды нэпа власти взялись за решение этой проблемы как на правовом, так и на идеологическом уровнях. Делами о притоносодержательстве занимался суд краевого значения. В прессе стали часто появляться заметки о раскрытии преступлений, связанных с притоносодержательством, и статьи, где проституция характеризовалась как социальное зло и буржуазный пережиток.

Газеты писали о следующих скандальных случаях задержания притоносодержателей в нашем городе. В августе 1925 г. на ул. Ядринцевской в доме № 120 устроили притон некие Попова и Галкин, одновременно был задержан извозчик Мурин, уличенный в аналогичном преступлении¹. Елизавета Липсак, содержавшая притон на ул. Кузнецкой в доме № 2, была задержана 2 октября 1925 г.² В декабре того же года обнаружили притон Валентины Волковой на ул. Октябрьской, д. № 69³; в феврале 1926 г. – притон Марии Кротовой на ул. Бурлинской, д. № 57⁴; в марте – притон Елизаветы Зелит в Малой Нахаловке по Кубанской ул., д. № 226⁵. Пятью днями позже по аналогичному обвинению сотрудники уголовного розыска задержали граждан Муравицкого и Пенькову, которые содержали притон на Большевистской ул. в доме № 24⁶. В конце мая 1926 г. к ответственности привлекли Веру Латгину⁷, а в начале июня обнаружили притон на пароходе «Жорес», где официанты пароходной столовой содействовали проституткам Гумилевской и Паукеевой⁸. Через несколько дней появилась заметка о притоне Софьи Малых на ул. Журиной, д. 65⁹. В начале января 1927 г. писали о притоне по Левому берегу Каменки, д. 105¹⁰. Вскоре на той же Каменке обнаружили притон Растрепиных¹¹. 24 марта писали об очередном притоне у Фатыха Хузахмиетова¹². Писали о

¹ Грязное дело: Притоносодержатели // Сов. Сибирь. – 1925. – 22 авг.

² Городское дно // Сов. Сибирь. – 1925. – 2 окт.

³ Происшествия // Сов. Сибирь. – 1925. – 8 дек.

⁴ Новониколаевский день // Сов. Сибирь. – 1926. – 23 февр.

⁵ Там же. – 11 марта.

⁶ Там же. – 16 марта.

⁷ Там же. – 27 мая.

⁸ Там же. – 2 июня.

⁹ По городу // Сов. Сибирь. – 1926. – 8 июня.

¹⁰ Хроника // Сов. Сибирь. – 1927. – 6 янв.

¹¹ Происшествия // Сов. Сибирь. – 1927. – 11 февр.

¹² Дело об одном притоне // Сов. Сибирь. – 1927. – 24 марта.

поимке притоносодержателей и 22 июля 1927 г.¹ Заметно, что «вертепы» появлялись практически во всех частях города, но чаще всего – в трущобах, отдаленных от центра города.

Притоны, где тайно встречались путаны со своими клиентами, были не единственной формой организации проституции. Многие проститутки предпочитали действовать в одиночку и приглашать мужчин к себе домой. Другие практиковали «дорожную» проституцию, которая была особенно характерна для Новосибирска: через него проплывали пароходы с Алтая в Томск, и проезжало множество поездов в разных направлениях. Были и уличные проститутки – наиболее опустившиеся и неблагополучные. Кроме того, существовали «коты» и «альфонсы» – сутенеры 20-х гг., жившие за счет женщин, торговавших телом. Однако о них практически ничего не известно.

Обычно люди, превращавшие свое жилище в тайный дом свиданий, старались действовать тихо: занимались своим «промыслом» в ночное время, выдавали проститутток, живших в таких домах обычно вдвоем-втроем, за обыкновенных квартиранток. Однако клиенты, навещавшиеся в новониколаевские «бордели», порой поднимали шум и устраивали кутежи, тем более, что притоносодержатели часто не ограничивались предоставлением «интимных услуг», продавая самогон, который иногда здесь же и распивался. Притон Елизаветы Зелит тайно просуществовал целый год, но преступницу выдала устроенная однажды «дикая пьянка», сопровождавшаяся страшной руганью. В самый разгар попойки, ориентируясь на крики, подоспели милиционеры и убедились в наличии притона.

Обыватель, желавший провести ночь с публичной женщиной, обычно искал ее поздним вечером или ночью («рабочий день» проститутки начинался на закате) в каком-нибудь людном месте, скажем, в саду «Альгамбра», в ресторане, кафе или низкосортной пивной. Впрочем, в подобных местах «жрицы любви» часто сами старались «подцепить» выпивших, развеселившихся мужчин. В общем, атмосфера новониколаевской «Черной моли» была вполне традиционной: «Вино и мужчины...». В летнее время на Ипподромском базаре проститутки кучковались сутки напролет, ведь там существовали четыре близко стоявшие друг к другу пивные². Проститутки также тянулись к Воен-

¹ Комендант притона // Сов. Сибирь. – 1928. – 22 июля.

² Сезонный притон // Сов. Сибирь. – 1927. – 8 июня.

ному городку, где обитало много мужчин, и к гостиницам, в которых останавливались приезжие, так как среди них можно было найти любителей приключений. Встретить «ночную бабочку» – чаще всего девушку лет 20–25, реже – 15–19, в «приличном туалете», можно было, прохаживаясь по Красному проспекту после полуночи. «Ночью на 23 августа мы гуляли по Красному проспекту с подругой Диной Лунчарской с целью найти мужчин», – рассказывала следователю проститутка Пелагея Митькина, свидетельствуя по делу о притоносодержательстве¹. Познакомившись, таким образом, с девицей легкого поведения, обыватель мог пригласить ее развлечься вместе в городском саду или ресторане, угостить и «просить ночевать».

Встретиться с проституткой можно было и по рекомендации. К примеру, 18-летняя Вера Маркова, незадавшаяся артистка, и ее подруга-одногодок Виктория Чижевская, неудачно пробовавшая свои силы в журналистике, «работали» преимущественно с военнослужащими Военного городка, пользуясь знакомством и дружескими связями². Встретиться с публичной женщиной можно было и через посредников, коими часто выступали извозчики, обычно обладавшие сведениями об адресах «нехороших квартир». Швейцары, официанты и коридорные увеселительных заведений хорошо знали вкусы постоянных посетителей и тоже имели дополнительный нелегальный заработок.

Безусловно, обыватели в своей массе осуждали проституток, хотя проституция не считалась по закону преступлением, и власть была склонна скорее жалеть этих «жертв темноты и нищеты», нежели осуждать. Девушки, жившие одни на квартире, по наблюдениям соседей, не работавшие, сквернословившие, кутившие, спавшие до полудня и поздно возвращавшиеся домой, однозначно квалифицировались общественным мнением как «гулящие», или проститутки. Случалось, что на почве осуждения легкомысленных девушек соседями разгорались крупные конфликты и даже покушения на жизни обидчиков.

Итак, публичная женщина приводила своего клиента «на ночевку» либо в дом, где снимала угол наряду с «коллегами», либо договаривалась со знакомыми притоносодержателями о разовом ночном посещении. Барак притоносодержательницы Елизаветы Липсак, находившийся в логу около железнодорожной линии, был очень маленьким: состо-

¹ ГАНО, ф. Р-1027, оп. 1, д. 319, л. 4.

² Там же, л. 3, 11.

ял из одной комнаты. Хозяйка жила с малолетним сыном. В этой же комнате обитали ее порочные квартирантки, там же принимались их ночные посетители. Поэтому летом проститутки соорудили рядом с бараком небольшой балаган и водили мужчин чаще именно туда. Летом было проще, так как можно было воспользоваться каким-нибудь сараем, другой подсобной постройкой. В холодное время года новониколаевские вертепы становились особенно отвратительными. Квартирные условия тех лет были таковы, что зачастую владельцам дома и их детям приходилось присутствовать при весьма откровенных сценах. Две-три «ночные бабочки» зачастую одновременно «обслуживали» клиентов в одной комнате. В притоне Фатыха Хузахметова три квартирантки, занимавшиеся проституцией, устраивали «попойки, шум и возню», отделив свою часть комнаты от хозяйской части пестрой ситцевой занавеской. При разбирательстве по делу притоносодержательницы Софьи Малых проститутки, выступавшие в роли свидетелей, говорили, что Малых иногда уступала свою кровать, а сама с мужем ложилась спать на полу, если в дом приходили одновременно три пары¹.

За «услуги» продажные женщины брали от 3 до 5 руб. в зависимости от времени пребывания посетителей в импровизированном доме свиданий, хозяину притона обычно перепало по рублю с каждого клиента. Итак, уплатив кругленькую сумму за весьма сомнительное удовольствие и реализовав свои потребности, обыватель возвращался восвояси. Однако не только высокая плата и отвратительные условия были «недостатками» новониколаевских притонов разврата. Любитель ночных приключений должен был действовать осторожно. Уголовный розыск следил за подозрительными квартирами, поэтому в любой момент могла случиться облава. Софье Малых однажды удалось избежать наказания, оперативно спрятав одного из клиентов в подполье. А многих других новониколаевских любителей злчных мест задержали с поличным прямо на ложе продажной любви. Крестьянин Георгий Паршнев, свидетельствовавший по делу Елизаветы Липсак, посетовал, что деньги-то он уплатил, но цель своего визита к продажной женщине не успел осуществить, поскольку в барак нагрянул уголовный розыск.

Если же клиент покидал новониколаевский притон удовлетворенным, это не означало, что ему не грозят больше никакие проблемы. Помимо риска быть вовлеченным в судебное разбирательство, обыва-

¹ ГАНО, ф. Р-1027, оп. 1, д. 750, л. 4.

тель серьезно рисковал своим здоровьем, признаки ухудшения которого нередко возникали через некоторое время после свидания с падшей женщиной. В конце марта 1928 г. «Советская Сибирь» писала о резком росте числа венерических заболеваний среди городского населения. Выяснилось, что 10 обратившихся к врачу мужчин заразились в феврале, посетив один и тот же притон. После того как был установлен источник заражения, проституток поместили в сифилитический стационар на принудительное лечение, но в городе продолжали распространять инфекции многие другие обитательницы новониколаевских притонов. По данным 1927 г., венерическими болезнями в Сибири страдало около 25 % публичных женщин¹.

«Экстремалы», которых не останавливали все перечисленные проблемы, часто возникавшие в результате посещения притонов разврата, и которые решали вновь наведаться в известные им заведения, зачастую сталкивались со своеобразной «кадровой текучкой»: они обнаруживали быструю смену проституток в вертепе. Падшие женщины обычно часто меняли квартиры. За считанные месяцы функционирования притона Софьи Малых в ее доме успели пожить не менее пяти проституток и еще две женщины, подозреваемые в проституции. «Квартирантки», как правило, не защищали и не оправдывали перед судом притоносодержателей, называя их «эксплуататорами» и выставя себя жертвами обстоятельств, даже если проституцией они занимались по собственному желанию.

Безусловно, в городе жили и женщины, торговавшие своим телом лишь для дополнительного заработка. Они обычно имели и другие источники доходов, которые, однако, не соответствовали в полной мере их потребностям и жизненным запросам. В прессе тех лет мелькают упоминания о таких неявных проститутках. Однако источники скупы на подобные сведения. Лишь однажды в «Советской Сибири» была опубликована подробная вызывающая и трагичная история одной горожанки из среды чернорабочих, которая не только время от времени, по мере необходимости вступала в интимные связи с мужчинами за деньги, но и начала принуждать к проституции свою несовершеннолетнюю дочку, отбирая у нее «заработанные» деньги. Молодая девушка не смела перечить матери, боялась заявить на нее в милицию. Но после того как в праздник мать на несколько дней «продала» дочь

¹ ГАНО, ф. Р-1353, оп. 1, д. 36, л. 73 об.

незнакомому грубому пьянице, измученная, больная девушка не выдержала и обратилась в милицию. Вероятно, такие ситуации не были уникальными, однако мы мало что знаем о подобных случаях девиантного сексуального поведения горожан Новониколаевска.

При всем видимом «раскрепощении» современной отечественной историографии нам до сих пор мало известно о темных сторонах интимной жизни наших соотечественников, простых провинциальных горожан, в первые десятилетия XX в. Хотя в 20-е гг. вопросы пола обсуждались в обществе куда свободнее, чем десятилетием ранее и десятилетием позже, в настоящее время мы располагаем преимущественно такими источниками, где новониколаевские притоны представлены в контексте судебных разбирательств и общественного порицания. По всей видимости, новониколаевцы из нравственных соображений не оставили личных письменных и устных свидетельств о посещении и восприятии подобных мест, поэтому и наша собственная исследовательская позиция несколько предвзята.

В 1930-е гг. в новосибирских газетах перестали печатать статьи и заметки о притоносодержательстве и проституции: сменилась идеология, под воздействием властей газетные публикации стали еще более политизированными и скупыми на рассказы о социальных недугах. Последняя заметка о притоносодержательстве была опубликована на страницах «Советской Сибири» в 1930 г. Описанный в газете случай интересен тем, что притон на Красном проспекте содержал фотограф Винницкий прямо в своей мастерской. У фотографа были изъяты порнографические снимки, и это чуть ли не единственное упоминание о распространении порнографии в Новониколаевске–Новосибирске 1920–1930-х гг. Не известно, как развивалась сексуальная культура и сексуальные девиации в провинциальном Новосибирске 30-х гг. Однако факт существования порнографии свидетельствует о том, что данная «щекотливая» тема была-таки интересна обывателям. Раскрепощение нравов в 20-х гг. привело, как свидетельствуют исследования Н.Б. Лебиной и М.В. Шкаровского, к вульгаризации идей свободной любви в СССР и вынужденной идеологической борьбе советской власти за идеалы социалистического нравственного аскетизма в предвоенном десятилетии¹.

¹ Лебина Н.Б., Шкаровский М.В. Проституция в Петербурге (40-е гг. XIX в. – 40-е гг. XX в.). – С. 180–194.

Уголовные дела о притоносодержательстве десятилетия 1930-х гг. в настоящее время пока недоступны, поскольку срок их секретности еще не истек. Поэтому новосибирские притоны разврата 1930-х гг. остаются пока одним из белых пятен на панораме городской повседневности Новосибирска периода между войнами.

* * *

Локализация объекта исследования позволяет рассмотреть многочисленные нюансы краткого этапа в истории Новосибирска, которую мы стремимся изучать, учитывая более широкие контексты. Заметно, что и городская среда, и городская повседневность развивались в конце 1919–1928 г. динамично. Новые реалии во многом отличались от дореволюционного и довоенного уклада жизни. Однако этот этап в истории города трудно понять без учета контекста его досоветского прошлого. После революции каждый последующий год отличался в смысле повседневности от предыдущего, но еще долго сохранялась преемственность с дооктябрьским периодом в развитии городской среды и городской повседневности.

Население Новониколаевска–Новосибирска столкнулись на этом этапе с разными проблемами, которые были связаны и с питанием, и с жильем, и с санитарно-эпидемическими условиями существования, и с одеждой. Наиболее болезненно обыватели переживали трудности, которые ранее не были особенно актуальны для Новониколаевска. Пожалуй, перебои с питанием воспринимались горожанами особенно остро. До революции новониколаевцы – жители крупного торгового центра – привыкли к относительной сытости. Видимо, поэтому период гражданской войны запомнился не только боями и тифом, но и голодом. Обыватели обычно болезненно воспринимали снабжение по карточкам и вынужденную помощь голодавшим из других регионов. Зато нэповские годы однозначно запомнились старожилам как период сравнительного изобилия. Завершение нэпа и возобновившиеся перебои с питанием опять вызвали острую болезненную реакцию горожан.

В Новониколаевске изначально стояла проблема недостатка жилья. Еще до революции горожане нашли варианты приспособления к этой ситуации. На новом этапе продолжалась активная стихийная, самовольная застройка города, характерная и для прошлых лет. Не была специфично новой и неудовлетворительная санитарно-эпидемическая обстановка. К грязи, низкому уровню благоустройства города и

вспышкам инфекционных заболеваний здесь привыкли. Однако масштабы тифозного мора выходили за всякие рамки привычной, обыденной ситуации. Население города было вынуждено выживать. Поэтому, используя терминологию В.Д. Лелько, назовем ситуацию конца 1919–начала 1920-х гг. в Новониколаевске «экстремальной повседневностью»¹.

Нэповские годы в Новониколаевске–Новосибирске, как и во многих других городах страны, частично вернули обывателей в мир привычной им довоенной повседневности. К аналогичному наблюдению, исходящему из анализа московских реалий, пришел, в частности, Г.В. Андреевский². Однако «возврат» к старому сопровождался его жесткой критикой и ломкой. Новониколаевск оказался включенным в идеологическую борьбу за новый быт и новую советскую систему ценностей. На примере сюжетов, ставших предметом нашего исследования, заметно, что развитие «идей» сильно опережало реальные изменения в городской среде и повседневности. Это проявлялось в статичности элементов городской среды, связанных с реализацией населением Новониколаевска–Новосибирска базовых биологических потребностей, в манере различных городских слоев населения одеваться, в особенностях санитарно-гигиенической культуры и т. д.

¹ Лелько В.Д. Повседневность как предмет культурологического исследования. – С. 141.

² Андреевский В.Г. Повседневная жизнь Москвы в сталинскую эпоху (20–30-е гг.). – С. 29.

ГЛАВА 2

ДИНАМИКА ГОРОДСКОЙ СРЕДЫ И ПОВСЕДНЕВНОСТИ НОВОСИБИРСКА В 1929 – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ 1941 г.

Период, которому посвящена эта глава, связан с серьезными и всесторонними преобразованиями в жизни страны, направленными на ее модернизацию. Это время коллективизации, форсированной индустриализации, быстрого роста городов Советского Союза и массовых репрессий. Правящая Коммунистическая партия и советское правительство придерживались социальной политики, направленной на поддержку и развитие рабочего класса, ликвидацию «капиталистических и буржуазных элементов». Однако в условиях дискриминации и репрессий 1930-х гг. городской социум, как и советское общество в целом, подвергался маргинализации различных слоев¹. Безусловно, маргинализации способствовала и возросшая миграционная мобильность населения Сибири. Переезд в город означал смену социального положения мигранта². Эти процессы неизбежно отражались на повседневности. Проблемы повседневной жизни обывателей являли собой оборотную сторону медали успехов пятилеток.

Новосибирск в эти годы рос и развивался особенно динамично, обладая значительным административным ресурсом, который сформировался в предыдущие годы. С 1930 по 1937 г. Новосибирск был административным центром Западно-Сибирского края, возникшего в результате деления Сибирского края на Западно- и Восточно-Сибирский.

¹ Маргиналы в социуме. – С. 375.

² Московский А.С., Исупов В.А. Формирование городского населения Сибири (1926–1939 гг.). – С. 89.

Это административное преобразование было связано с проведением в жизнь реформы 1930 г., направленной на разукрупнение больших административно-территориальных единиц страны¹. С сентября 1937 г. Новосибирск стал областным центром. В конце 30-х гг. он был крупным в демографическом отношении городом, важным промышленным и транспортным центром на востоке Советского Союза. Однако общие тенденции внутренней политики этих лет сказывались на возможностях городских властей (горсовета и горисполкома) в решении насущных проблем социально-бытовой и культурной сфер жизни новосибирцев. Горсовет испытывал давление со стороны партийных инстанций и вышестоящих советских органов. А объемы финансирования социальной сферы были недостаточными для разрешения сложных ситуаций и текущих задач.

2.1. Проблемы питания горожан

Система объектов городской среды Новосибирска, служивших реализации потребностей горожан в питании, оставалась в 1930-е гг., по сути, прежней: те же базары, продовольственные магазины, заведения общественного питания. В первой половине 30-х гг., когда практиковалась **система снабжения населения основными продуктами питания по карточкам**, к данной категории объектов городской среды относились также закрытые рабочие кооперативы-распределители (ЗРК) на предприятиях. В 1932 г. на крупных предприятиях были созданы собственные отделы рабочего снабжения (ОРСы), а в районах города возникли управления рабочего снабжения (УРСы). Стоит отметить, что социально-экономические преобразования в стране привели к важным изменениям в характере функционирования привычных горожанам рынков, магазинов, столовых, ресторанов и кафе. Охарактеризуем подробнее эти изменения.

Горожане продолжали пользоваться **базарами**. Согласно справочной книге «Весь Новосибирск» 1931 г., в городе продолжал функционировать Центральный базар, где торговали продуктами питания, но была запрещена торговля сеном и дровами. Зато именно как сенной

¹ Зубарев В.И. Борьба Коммунистической партии за укрепление и совершенствование советского государственного аппарата в период между XVI и XVII съездами партии (1930–1933 гг.): автореф. ... дис. канд. ист. наук. – Л., 1963. – С. 10.

базар помнят старожилы Новосибирска Ипподромский рынок. В справочнике 1931 г. Ипподромский рынок назван «базарной площадью с барахолкой». Велся торг и на Закаменской базарной площади. Небольшой базарчик располагался на ул. Кузнецкой. К середине 1930-х гг. горожане могли посещать шесть колхозных рынков в разных районах Новосибирска: Ипподромский, Октябрьский, Центральный, Кировский, базар около ст. Эйхе и Сибмашстроевский базар. Жители левобережной части города и района Эйхе (современный Первомайский) получили возможность посещать базары, располагавшиеся недалеко от их дома, вскоре после основания самих районов. Это было очень важно, ведь общественный транспорт функционировал в городе с огромными затруднениями, и посещение базаров в центре города обывателями с окраин становилось хлопотным, отнимало много времени и физических сил. Типична для тех лет картина, когда неуклюжая, перегруженная поклажей с продуктами горожанка пытается забраться в переполненный автобус, и завязывается скандал между женщиной и водителем: мол, с живым гусем, торчащим из вашей корзины, в транспорте ехать нельзя – он щипается¹...

В начале 30-х гг. всю территорию города обслуживало только четыре автобусных маршрута: 1) вокзал – завод «Труд»; 2) Ельцовский переезд – Закаменская площадь; 3) «Холодильник» – мылзавод; 4) вокзал – завод горного оборудования. Характерно, что автобусные маршруты не достигали окраин. В связи с сильной изношенностью машин коэффициент их использования не превышал 40–45 %².

Связь между районами города была плохой. К примеру, добраться из центра до Усть-Ини было проблематично, так как автобус вез только до половины дороги (до завода «Труд»), далее путники вынуждены были идти пешком, что занимало около часа. Поэтому автобусом, который ходил редко и высаживал на полпути, жители Усть-Ини чаще всего не пользовались вовсе, выбирая пешеходные дорожки, которые позволяли «срезать» и корректировать маршрут, либо ехали на лошади. Вообще, судя по городским фотографиям 30-х гг., лошадь – все еще популярный вид транспорта. Только в 1935 г. маршрут автобуса

¹ Старое в новом // Сов. Сибирь. – 1929. – 8 янв.

² Город Новосибирск и район... – С. 153.

№ 1 был продлен до р. Плющиха, которая протекает по территории бывшего с. Усть-Иня¹.

Вообще же в те годы горожанам зачастую приходилось преодолевать пешком значительные расстояния в пределах новосибирской территории. Невозможно было добраться пешком лишь до Заобского р-на, отрезанного от «старой» части города широкой Обью. На левый берег Оби только раз в сутки можно было переплыть на пароходке, очередь на который иногда тянулась пару дней. Время от времени на реке устраивался паром, который, однако, не решал проблемы транспортной связи правобережной части города с его левобережной частью.

По мнению географа Г.А. Гольца, «современный объект урбанизованного пространства – не просто город с его окружением, а вся территория, одинаково пронизанная средствами транспорта, и коммуникации»². Новосибирск 30-х гг. не соответствовал таким представлениям об урбанизованном пространстве: он вырос, но пока не стал «удобным» для населения. Такие поверхностные признаки урбанизации, как территориальный и демографический рост города, были очевидными. Но уровень цивилизованности жизни горожан, в том числе и жизни повседневной, не становился принципиально новым. Обыватель не имел пока возможности полноценно пользоваться городской средой даже для реализации своих самых элементарных потребностей, поскольку слабо развитая система городского транспорта ограничивала его контакты со всем многообразием возможностей, теоретически представленных жителям больших городов этой эпохи.

Не только особенности советской урбанизации влияли на питание горожан. Существенное влияние на эту сферу городской повседневности имела политическая и социально-экономическая обстановка в стране. На закате нэпа со страниц местных газет начинаются обвинения «кулаков» в том, что цены на продукты высоки. Горожане действительно были недовольны ценами, взволнованы из-за появления очередей за хлебом и ждали объяснений этой проблемы. Газеты сообщали, что государство ведет борьбу за снижение цен, за вытеснение капитала с рынка и старается препятствовать жажде накопления, свойственной «кулакам».

¹ Новосибирск: справочник по городу и району. – С. 292.

² Гольц Г.А. Культура и экономика России за три века: XVIII–XX. – Новосибирск, 2002. – Т. 1. – С. 298.

Как отмечает историк В. И. Исаев, в конце 20-х гг. государство пыталось противостоять росту цен. В 1928 г. как реакция на наметившуюся инфляцию вышло совместное постановление правительства страны и ЦК ВКП(б) о снижении цен на товары массового потребления. Однако многие частные торговцы, в том числе и сибирские, не желали снижать цены, что приводило либо к затягиванию исполнения постановления, либо к дефициту самых необходимых товаров. Если цены все-таки снижались, горожане быстро раскупали подешевевшие продукты. Кампания по снижению цен провалилась, обернувшись огромными очередями за товарами первой необходимости и карточной системой распределения продуктов в городах с 1929 г.¹ Только 1 января 1935 г. отменили карточки на хлеб, а 1 октября 1935 г. – на мясо, рыбу, жиры, картофель и сахар². Однако даже во второй половине 30-х гг. сохранялись пережитки карточной системы снабжения – «нормы отпуска товаров в одни руки», рецидивы временного введения карточек в некоторых местностях. С окончанием нэпа постепенно устранялась и частная торговля, сокращалось число торговых точек. Но, по мнению исследователя продовольственного вопроса в довоенном СССР Е.А. Осокиной, карточная система оказалась несостоятельной, и государство было вынуждено возродить с 1932 г. базарную торговлю в виде колхозных рынков³. В 1931–1932 гг. отдельные районы в стране голодали из-за неурожая, поэтому недоедала и вся страна с плановой экономикой. Вообще, согласно выводу историка Н.А. Горшковой, в период карточного распределения товаров первой необходимости население всей страны либо находилось на грани голода, либо голодало⁴.

Как отмечает Ш. Фицпатрик, общей для всех советских городов была тенденция ухудшения ситуации с продовольствием в 1929–1932 гг., когда началась коллективизация. Коллективизация и индустриализация требовали колоссальных финансовых средств, поэтому государство «экономило» на реализации жизненно важных потребностей

¹ Исаев В.И. Социально-политические аспекты системы снабжения Сибири (1926–1937 гг.). – С. 77–78.

² Винникова С.А. История развития в СССР рыночной торговли и распределительной системы (1936–1941 гг.). – С. 18.

³ Осокина Е.А. Распределение и рынок в снабжении населения СССР в годы первых пятилеток (1928–1941 гг.). – С. 23.

⁴ Горшкова Н.А. Социальное распределение и элементы рынка в государственной экономике (1931–1935 гг.). – С. 28.

населения страны. Потребление городским населением СССР мяса и сала в 1932 г. снизилось на треть по сравнению с 1928 г., потребление хлеба снизилось за это время приблизительно вдвое. В повседневном пищевом рационе горожан не доставало мясных, молочных продуктов и фруктов¹.

Эти выводы Ш. Фицпатрик подтверждают и ежедневные характеристики рынка Новосибирска за период с марта 1929 по декабрь 1930 г. Базарную торговлю этого периода крайне редко можно назвать бойкой. Весной 1929 г. из-за начавшейся коллективизации резко сократился крестьянский подвоз муки, овса, мяса всех сортов, масла, овощей и молока. В худшие дни горожане вовсе не могли купить мясо даже на базаре – покупали «по квартирам», «по предложению, по знакомству»². В середине марта на рынке появились заветренные бараньи туши. Это мясо старого убоя нельзя было хранить дольше, поэтому его выставили на продажу. Горожане довольствовались некачественными мясными продуктами, которые к тому же далеко не всегда можно было свободно купить³. В это же время, чтобы хоть как-то обеспечить горожан мясом, в деревнях забивали молочный скот. Естественно, возникала проблема со снабжением жителей города молочными продуктами. Молочный рынок находился целиком во власти базарной стихии. Цены на дефицитное молоко неуклонно повышались, а сливочное масло было наряду с яйцами самым распространенным предметом спекулятивной торговли. Торговля овощами находилась целиком в руках частных, поэтому часто базарные цены на картофель, капусту, лук и морковь не позволяли обывателям покупать эти простейшие продукты в желаемых количествах.

Продуктов, которые распределялись по карточкам, обычно не хватало. Остановимся подробнее на системе карточного снабжения. Н.А. Горшкова характеризует эту систему как неравномерную в географическом и социальном смысле и избирательную⁴. Люди разного социального статуса отоваривались продуктами разного набора и количества. В привилегированном положении находились представители

¹ Фицпатрик Ш. Повседневный сталинизм: социальная история советской России в 30-е гг. – С. 52.

² ГАНО, ф. Р-1989, оп. 1, д. 151, л. 2 об., 11 об.

³ Там же, д. 136, л. 6.

⁴ Горшкова Н.А. Указ. соч. – С. 21.

высшего партийного руководящего состава и «ответственные работники», которые получали продукты по спецснабжению. Разница между снабжением рабочих разных категорий и служащих чувствовалась, однако нормы снабжения всех указанных групп были скромными. Кроме того, карточки часто оставались не отоваренными из-за «срывов» снабжения. Иерархию снабжения рабочих и служащих страны Н.А. Горшкова образно называет «иерархией бедности»¹. Многие, особенно непролетарские, слои населения были сильно ограничены в получении по карточкам основных продуктов питания². Служащие получали вдвое меньше продуктов по карточкам, нежели рабочие первой категории³. Ежемесячно появлялись новые нормы выдачи продуктов для разных категорий населения.

Имелись и варьировавшиеся региональные особенности снабжения различных категорий населения. К примеру, в мае 1931 г. Западно-Сибирский краевой отдел снабжения распорядился об отмене ограничений в нормах снабжения работников транспортной сферы по спискам № 2 и 3. Однако из нормативной документации отчетливо видна иерархия снабжения транспортников. Морской плавсостав получал по 4,4 кг мяса в месяц, а рабочие-железнодорожники 3-го списка – всего по 1 кг⁴. Привилегии в продовольственном снабжении имели сибирские ударники, которые с мая 1931 г. стали обслуживаться не только по основным карточкам, но и по специальным «карточкам ударников».

Вообще, по данным историков С.В. Журавлева и М.Ю. Мухина, на законодательном уровне система льгот и гарантий ударникам была закреплена постановлением ЦИК и СНК от 15 декабря 1930 г.⁵. Сибирские ударники стали получать особенные карточки, предназначенные для дополнительного снабжения, только полгода спустя. Выигрышное положение ударника было весьма шатким: право получения «карточек ударника» могло быть оспорено администрацией предприятия, тогда

¹ Горшкова Н.А. Указ. соч. – С. 23.

² Подробнее см.: Осокина Е.А. Указ. соч.

³ История города: Новониколаевск – Новосибирск. – С. 184.

⁴ [Постановление] № 91 о нормах снабжения транспортников // Сборник постановлений и распоряжений президиума Западно-Сибирского крайисполкома, его отделов и управлений. – 1930. – № 9. – С. 129.

⁵ Журавлев С.В., Мухин М.Ю. «Крепость социализма»: повседневность и мотивация труда на советском предприятии 1928–1938 гг. – М., 2004. – С. 115.

карточка изымалась¹. И это правило было вовсе не пустой угрозой. Борьба со «лжеударничеством» на предприятиях действительно активно проводилась. К числу других примеров повышения качества продовольственного снабжения различных категорий сибирского населения относится ситуация с учителями. В конце октября 1931 г. новосибирские учителя начальных и средних школ перешли на более высокие нормы снабжения промышленных рабочих, учителей прикрепили к закрытым рабочим распределителям и столовым². Забота об учителях как о социальном слое, выражающем посредством воспитательной работы с учениками интересы государства, ведущем актуальную идеологическую работу, вполне понятна.

В целом же горожане не знали, чего ждать от снабжения по карточкам в грядущем месяце, зачастую готовились к худшему. Беспокойство подогревали слухи. К примеру, в июне 1930 г. «Советская Сибирь» была вынуждена развеивать слух о том, что, якобы, скоро вторая категория населения будет снята с хлебного довольствия³.

В первой половине 30-х гг. использовались так называемые «заборные книжки» (талоны), которые выдавали кооперативные организации предприятий своим членам. Книжки выдавались рабочим по месту работы, наряду с заработной платой. Книжки были именными. Рабочий получал книжку на себя и своих иждивенцев, т. е. на членов семьи: жену, детей, неработоспособных родителей⁴. По этим книжкам члены кооперативов получали определенное количество обозначенных товаров. Были и привычные населению еще со времен гражданской войны карточки и ордера. Существовали также и «книжки пайщиков», т. е. документы на выдачу продуктов пайщикам Центральной рабочей кооперации (ЦРК). Такие книжки были разными для рабочих первой и второй категории. Дети отоваривались по специальным «детским

¹ Инструкция о преимущественном снабжении ударников // Там же. – С. 58.

² [Постановление президиума Западно-Сибирского крайисполкома от 23 окт. 1931 г.] № 1395 о снабжении учителей городов, рабочих районов и сельской местности края // Сборник постановлений и распоряжений... – 1931. – № 153. – С. 1995.

³ Новосибирск // Сов. Сибирь. – 1930. – 7 июня.

⁴ О расширении прав заводоуправлений в деле снабжения рабочих и улучшения карточной системы // Основные директивы партии и правительства по хозяйственному строительству (1931–1934 гг.). – М., 1934. – С. 140–141.

книжкам». В 1931 г. государство признало родство «заборных книжек» и карточек, введя единую систему снабжения по «заборным книжкам»¹. Такая система просуществовала вплоть до конца 1935 г.

Продуктовое снабжение было разным каждый месяц. К примеру, в январе 1930 г. по «заборным книжкам» снабжали сахаром, крупой, растительным маслом и чаем. Если рабочие первой категории получали от 800 г сахара до 1 кг (в зависимости от того, являлись ли они пайщиками ЦРК), то рабочие второй категории – от 400 (не пайщики ЦРК) до 800 г (пайщики) сахара на месяц. Крупы – гречку, овсянку, ячмень, пшенку или перловку – выдавали по 250 г рабочим первой категории и по 150 – второй категории, вне зависимости от того, были они пайщиками ЦРК или нет. Чай получали только пайщики, по 50 г, вне зависимости от категории. Дети находились в более выгодном положении, чем их взрослые родители. Сахара по детской книжке можно было получить 1 кг, крупы – 700 г, растительного масла – 0,5 л, чай детям не полагался². Ежедневно горожане покупали по карточкам хлеб. Зимой 1930 г. максимальной нормой дневной выдачи хлеба были 700 г для рабочих первой категории. Наверняка кого-то немного порадовало то, что с 15 января можно было запастись хлебом на три дня вперед³. В августе 1930 г. стали снабжать мукой, сахаром, крупой, рыбой, мясом и чаем. Рабочим Новосибирска выдавали муку вместо хлеба. Сахара выдавали от 700 г до 1 кг рабочим, от 200 до 400 г служащим (в зависимости от того, были они пайщиками или нет), детям давали по 700 г сахара и по 500 г карамели. Крупу получали только грузчики, водники и строители Сибкомбайна. Эта же категория населения обеспечивалась мясом, которого можно было купить до 2250 г на месяц. Рыбу и чай получали только рабочие высшей категории, да и то в незначительных количествах.

Такие ущербные нормы выдачи продуктов, безусловно, возмущали обывателей, однако открыто возмущаться было рискованно. Если городское население преимущественно хорошо питалось в годы нэпа, то теперь наступило время менять повседневные привычки, связанные с питанием: отказаться от чаепития, забыть вкус сахара, варить кашу на

¹ Лебина Н.Б. XX век: словарь повседневности // Родина. – 2005. – № 7. – С. 95.

² Нормы выдачи продуктов в январе // Сов. Сибирь. – 1930. – 7 янв.

³ Норма хлеба для рабочих // Там же. – 15 янв.

воде, а не на молоке, начать самостоятельно печь хлеб и т. п. Благодаря системе карточного распределения продуктов рабочие стали питаться лучше, чем служащие, хотя в 20-е гг. ситуация была обратной. Ради лишнего куска хлеба было резонно сменить профессию, чтобы зачислиться в первую категорию рабочих. Однако в 30-е гг. найти работу было не так просто. Да и разница между нормами снабжения разных категорий была не такой уж существенной. Однако многие шли на махинации с карточками, пытались зачислиться в первую категорию обманом. Нереализованность потребности в полноценном питании толкала людей на преступления.

Отдельного внимания заслуживает ситуация со снабжением новосибирцев молоком. Этот продукт полагалось потреблять только детям, которые, как и их родители, вплоть до весны 1930 г. делились по «категориям». Имеющихся запасов молока не хватало. В 1930 г. в городе насчитывалось около 36 тыс. детей в возрасте до 12 лет, а количество молока, поступившего в продажу в феврале, было рассчитано только на 15–16 тыс. детей. Это означало, что даже наличие молочной карточки не гарантировало родителям покупку молока, за которым приходилось отстаивать в длинных очередях¹. До отмены деления детей по «категориям» получалось, что у малышей из семьи чернорабочих было больше шанса выпить стакан молока, нежели, скажем, у ребенка одинокой учительницы. После отмены пресловутого деления шансы уравнились и понизились.

Выдача продуктов по «заборным книжкам» неизменно сопровождалась очередями, в которых простаивало до полутора тысяч человек, волокитой, ошибками при выдачах продуктов, спекуляцией дефицитными товарами, получением карточек на «мертвые души» и прочими возмутительными для честных обывателей обстоятельствами. То и дело газеты были вынуждены констатировать неготовность магазинов к раздаче продуктов, факты срывов рабочего снабжения и махинаций с карточками. Все это вызывало недовольства, всплески открытого возмущения и озлобленный кухонный шепот обывателя, который, как известно из стихотворения С. Черного, «просто жить хочет». После сравнительно сытых нэповских лет возвращение к карточному распределению продуктов было для горожан более чем неприятным. В памяти писателя Ильи Лаврова запечатлелась морозная зима начала

¹ Новосибирск // Сов. Сибирь. – 1930. – 21 февр.

30-х гг.: «Противно торчать в этих чертовых очередях». Мальчик, которого мать отправила за хлебом, отщипывал кусочек корочки, пробовал: «Как пахнет! Жую – нет ничего вкуснее. Но до чего же мало! Выданный нам троим на весь день [хлеб] я могу сразу съесть один»¹. Карточки – один из наиболее распространенных негативных сюжетов в воспоминаниях старожилов Новосибирска, относящихся к 30-м гг. А.С. Токарева рассказывала: «На одну карточку давали всего полкило хлеба, кроме хлеба, по карточкам можно было купить сахар, соль, жиры. В магазинах ничего нельзя было купить, а на базаре продукты продавали по очень высоким ценам. Жили впроголодь»².

Однако мошенники, хитрецы и пройдохи умудрялись спекулировать и наживаться на карточном снабжении. Даже в самые тяжелые годы в Новосибирске, как и по всей стране, находились люди, умевшие извлекать выгоду из, казалось бы, совершенно невыгодной ситуации. Продовольственные карточки для тех лет были большой ценностью, поэтому их кражи, перепродажи и подделывания приносили хороший «барыш». Мошенники делали «затирки», «подчистки», оформляли карточки на несуществующих едоков.

Желание купить продукты питания приводило новосибирца на базар, но это был уже не тот базар, что несколько лет назад. Частная торговля в Новосибирске, как и в других городах Советского Союза, сильно сократилась. Уже к 1930 г. в крупных городах Сибири объем продаж частно-лавочной торговли составлял лишь 9,4 %, а базарной – 13,5 % – против 77,1 % обобществленной торговли³. «Центральный рынок за последние два года совершенно изменил свою физиономию», – констатировала «Советская Сибирь» в 1930 г.⁴. С базара исчезли лавки частных фирм, на корпусах появились вывески «ЦРК», «Акорт», «Сибторг», «Инвалидная кооперация». Количество частных торговцев резко сократилось, частник «измельчал», превратился в бабу, торгующую капустой с телеги, да в мужичонку с лотком, на котором выкладывались дрожжи или сладости. По закону продавать можно было из-

¹ Лавров И.М. «Прошло мое детство...»: Главы из романа «Мои бессонные ночи». – С. 22–23.

² НГПУ. Записано Т.Ю. Котляровой в 2002 г. от А.С. Токаревой.

³ Рязановский Ф. Индекс розничных цен по крупным и средним городам Сибири в 1928–1929 гг. и в 1-м квартале 1929–1930 гг. // Статистика Сибири. – 1930. – № 1. – С. 81.

⁴ Новосибирск // Сов. Сибирь. – 1930. – 15 февр.

лишки своего приусадебного хозяйства и продукцию, легально произведенную кустарями. Частники продавали не только продукты, но и всевозможные вещи. В пестрой, разношерстной толпе частных торговцев скрывались и промышляли спекулянты, торговавшие продуктами, на которые был высокий спрос: сахаром, солью, крупами, мясом, яйцами, маслом и пр. Услугами спекулянтов были вынуждены пользоваться все те, чья потребность в питании не удовлетворялась в полной мере, а таковых в начале 30-х гг. было в Новосибирске большинство. До 40 % рациона среднестатистического горожанина составляли продукты, купленные у частников на базаре, в том числе у спекулянтов¹.

Начало 30-х гг. – период серьезных проблем в сфере снабжения горожан продовольствием. В 1930 г. цены на рынках Сибири подпрыгнули сразу в три раза по сравнению с 1929 г.² Для многих горожан они стали недоступными. Но покупателей, хотевших есть, не останавливала высокая стоимость продуктов. Хотя базарные цены неуклонно росли в темпе «бешеной спекулятивной горячки», как выражались советские экономисты³, горожане были готовы платить по 40 коп. за один базарный огурец в июле (ЦРК установил цену в 50 коп. за десяток мелких огурцов). И вовсе не потому, что базарный огурец был лучше. Просто в кооперативных магазинах овощи даже в летнее время были дефицитом. Официально в магазине ЦРК пучок редиски стоил 2 коп., но обыватель покупал редис на базаре по 19 коп. – на прилавках торговых точек ЦРК редиса чаще всего просто не было⁴. Даже на базаре продукты сельскохозяйственного производства становились дефицитными. Как и прежде, на предложении и на цене продуктов сказывались сезонные обстоятельства. В период забоя скота дешеVELO мясо, летом дорожали масло и рыба, но появлялись в продаже свежие овощи – все как в нэповские годы. По-прежнему в середине апреля бездорожье мешало приехать крестьянам на базар, как и раньше, посевная и страда становились причинами вялой торговли, традиционно торговля активизировалась в хорошую погоду и по субботам. Как и при царе, базар пустел на Пасху и в последующие дни. По итогам торгового дня, следовавшего за Пасхой, в характеристике рынка записано: «Ничтожный

¹ Маргиналы в социуме. – С. 157.

² Исаев В.И. Социально-политические аспекты... – С. 78.

³ Рязановский Ф. Индекс розничных цен... – С. 86.

⁴ Дать овощи на рабочие окраины! // Сов. Сибирь. – 1930. – 24 июля.

подвоз из-за Пасхи. Очередь за водкой не уменьшается, а обыватель еще празднует»¹.

Но товаров на базаре стало гораздо меньше. Кроме того, строгие ограничения, налагавшиеся на частную торговлю, приводили к повышению цен, которое казалось совершенно неоправданным: дорого стоило все, начиная с пучка зелени, заканчивая сахаром, базарные цены на который были произвольными. Но сладкого хотелось, и горожане покупали дорогой базарный сахар. Из-за коллективизации крестьяне избавлялись от «излишков»: кололи скот и спешили хотя бы дешево сбыть мясо в городе². Впрочем, для властей эта тактика поведения крестьян имела выгодное значение: можно было заявлять со страниц газет, что государству удастся сдерживать рост базарных цен на мясные продукты, в приобретении которых заинтересовано большинство горожан. Однако и в этот период обыватели оставались хронически недовольными продовольственной ситуацией. Рост цен опережал рост заработной платы, хлеб раскупался молниеносно, бакалейные товары, даже самые скверные, оставались подчас несбыточной фантазией, а купленный в очередь сахар оказывался грязным, – куда хуже?

С 1932 г. новосибирцы стали посещать **колхозные рынки**, служившие горожанам существенным подспорьем в питании. Появление организованной колхозной торговли способствовало разрешению многих проблем, связанных с покупкой новосибирцами продуктов питания. Ассортимент продовольственных товаров на колхозных рынках оставался более или менее стабильным. На колхозные базары обыватели шли за парным мясом: за говядиной, свининой, бараниной и телятиной. При этом говядина всегда пользовалась значительно более высоким спросом. Так, в 1937 г. на новосибирском колхозном базаре говядина составляла 63,4 % всего реализованного за год мяса, а в 1939 г. – 61,4 %; свинина составляла, соответственно, 30,7 и 33,0 %. Непопулярной была баранина, составлявшая 5,9 и 5,3 %. Телятина предлагалась горожанам на колхозных рынках только в 1938 г., ее продажи составили всего 11 % от общего объема проданного за год мяса³.

¹ ГАНУ, ф. Р-1989, оп. 1, д. 151, л. 45.

² Т-ев А. Розничные базарные цены главнейших сельскохозяйственных продуктов в 1928–1929 гг. // Статистика Сибири. – 1930. – № 1. – С. 120.

³ РГАЭ, ф. 7971, оп. 5, д. 10, л. 30.

Горожане покупали на колхозных рынках масло, сало, яйца, картофель, молоко, творог, сметану, хлебобродуцкы, огородные овощи, рыбу. Однако даже при большом желании на колхозных рынках Новосибирска житель города не нашел бы фруктов, которые считались редким и дорогим лакомством. При сравнении с другими городами СССР заметно, что в Новосибирске второй половины 30-х гг. хорошо раскупались мясo и картофель, в средних количествах продавалось молоко и яйца, в малых количествах — маслo, продажи которого постепенно снижались. В городе наблюдался постоянный рост реализации большинства основных продуктов. Однако перед войной отмечалось снижение реализации картофеля, моркови, свеклы, капусты, сливочного масла¹. В предвоенные годы в широкое потребление входили помидоры, которые все чаще можно было встретить на колхозных рынках. Помидоры было крайне трудно «поймать» в магазинах города, однако на базаре эти овощи обычно продавались. Время от времени на колхозном рынке можно было купить дичь².

Осенью — зимой в Новосибирске открывалась межрайонная колхозная ярмарка, куда колхозники привозили для горожан мясo, картофель, овощи, маслo и прочие продукты. Специально для колхозников здесь продавались промышленные товары³. К примеру, ярмарка 1936 г. открылась 2 января и продолжалась 12 дней. На ярмарке торговали крестьяне из 22 районов. Они активно подвозили мясo и овощи. При этом ярмарочные цены, скажем, на капусту, лук и картофель были ниже, чем в государственных магазинах⁴.

Хотя вопросы «здорового питания» еще не стали актуальными для горожан 30-х гг., колхозные рынки все-таки привлекали обывателей качественными деревенскими продуктами. С другой же стороны, базары по-прежнему отталкивали покупателей высокими ценами. Горожанин вставал перед выбором: купить 1 кг парной говядины на колхозном рынке за 1200 руб. (данные июля 1939 г.) или отправиться за говядиной худшего качества по 720 руб. в государственный магазин, где мясo нужно было «ловить» и, «поймав», отстаивать за ним длинную

¹ РГАЭ, ф. 7971, оп. 5, д. 4, л. 4—6.

² На рынках // Сов. Сибирь. — 1937. — 28 авг.

³ Там же.

⁴ Новосибирская ярмарка // Там же. — 3 дек.

очередь¹. В отчетной документации часто фиксировалась ситуация, когда цена продуктов на колхозных рынках города совпадала в начале и конце года, приближаясь к государственной, однако в середине года была значительно выше и вновь возрастала к весне следующего года. Основной тенденцией было неуклонное, год от года, возрастание цен. Их пытались сбить, но общая тенденция роста цен преимущественно на все товары оставалась неизменной и очевидной для покупателей. За один 1939 г. цены на молоко возросли на 20,0 %, на яйца – на 27,3, на картофель – на 66,9 %². При этом темпы повышения заработной платы отставали от темпов роста стоимости основных продуктов питания.

Несмотря на высокие базарные цены горожане постоянно посещали колхозный рынок, поскольку государство не справлялось с задачей полноценного продовольственного снабжения населения страны. Однако колхозная торговля играла лишь вспомогательную роль в снабжении города продуктами питания. В среднем по городам страны в 1938–1940 гг. реализация продуктов в рамках колхозной торговли составляла лишь 13,3 % всех продаж³. Трудно делать точные выводы о развитии колхозной торговли по отношению к государственной в Новосибирске, ведь мы располагаем данными лишь на 1935 г. Из этих данных видно, что значение привоза разных продуктов на колхозные рынки города в этом году было неодинаковым. Подчас объемы продаж колхозной торговли существенно превышали объемы продаж государственной торговли, но это касалось лишь пшеничной муки и сливочного масла. К примеру, привоз пшеничной муки значительно рос с каждым кварталом и обычно составлял от 44,8 до 71,1 % всего привоза. В четвертом квартале 1935 г. подвоз сливочного масла составил 80,6 % всего подвоза. А вот объемы подвоза говядины составляли в среднем 22,5, картофеля – 5,9, молока – 5,2 %⁴. В разные годы отмечаются разные объемы подвоза разных продуктов, но очевидно, что масштабы подвоза и продажи продуктов на колхозных рынках Новосибирска подчинялись тенденции абсолютного и относительного роста⁵.

¹ РГАЭ, ф. 7971, оп. 5, д. 9, л. 35.

² Там же, л. 36, 63.

³ Там же, д. 4, л. 35.

⁴ Там же, д. 1, л. 49 об., 51, 53–53 об., 54 об.

⁵ Там же, д. 3, л. 14.

Условия торговли на новосибирских базарах 1930-х гг. не отличались порядком и удобством. По-прежнему существовала проблема санитарного состояния базаров. «Советская Сибирь» писала, что колхозники привозят в Новосибирск для продажи излишки продуктов сельского хозяйства, однако торговцам приходится везти меньше, чем они планируют, поскольку хранить продукты фактически негде. Кроме того, плохо оборудованные мясные ларьки стояли открытыми и грязными¹. Колхозникам, привозившим на рынок товар, негде было перекусить, выпить стакан чая, негде было оставить свою лошадь². Базарам 30-х гг. не хватало былой самоорганизации. Городские власти не были заинтересованы в благоустройстве рынков, так как дело было затратным, а городской бюджет испытывал дефицит. Предприниматели же нэповских времен, которые получали выгоду от устройства харчевен и «обжорок», потеряли возможность зарабатывать деньги таким способом и, по всей видимости, занялись тем, что могло приносить выгоду в новых условиях, например, спекуляцией.

Советская урбанизация набирала темпы, Новосибирск рос как на дрожжах. На рубеже 20–30-х гг. в советские города хлынули крестьяне, боявшиеся «раскулачивания», что вызывало повсеместную нехватку продовольствия. Однако взаимодействие Новосибирска с селом в эти годы характеризовалось не только этой общероссийской тенденцией. В 1929–1930 гг. существенно расширилась территория за счет присоединения к городу нескольких сел и деревень. Население вчерашних селений посещало рынки города скорее не с целью купить, а с целью сбыть производимую сельскохозяйственную продукцию. Эта категория населения питалась преимущественно тем, что давало их собственное хозяйство. Более консервативным было старшее поколение, предпочитавшее жить традиционным крестьянским трудом и традиционно получать пищу. Из продуктов питания старожилы покупали в городе преимущественно лакомства: орехи, пряники, яблоки и пр. Эта категория населения, судя по воспоминаниям, в 20–30-е гг. не испытывала недостатка в питании³. Бывшие деревенские семьи обычно имели

¹ Орденоносец. Где хранить продукты питания? // Сов. Сибирь. – 1937. – 9 авг.

² Котова П. О рынках и рыночном управлении // Там же. – 1940. – 24 февр.

³ НГПУ. Записано автором в 2003 г. от Е.А. Карымовой; там же. Записано автором в 2002 г. от А.Н. Колоусовой.

разные источники доходов: молодые люди устраивались на городскую работу в сфере обслуживания и на производство, старшее поколение занималось по возможности крестьянским трудом. Этим людям почти не коснулось «раскулачивание», хотя, конечно, некоторые семьи составили исключение из правила.

Стоит сказать и о влиянии политических событий в стране на торговлю продовольствием. По данным В.И. Исаева, в период между 1933 и 1937 г. снабжение рабочих в сибирских городах ограничивалось минимумом, необходимым для поддержания жизнедеятельности¹. По наблюдениям этого историка, рабочие преимущественно ограничивались покупкой хлеба, муки, незначительного количества мяса и спиртных напитков, которые потреблялись в несметном количестве: алкогольная продукция составляла 1/3 от всего продовольственного товарооборота. Горожане по всей стране хотя и не умирали от голода, но недоедали. В период 1934–1936 гг. снабжение продовольствием в целом улучшилось, однако в 1936 г. опять обнаружился недостаток хлеба. В городах Западной Сибири обыватели занимали очередь за хлебом с двух часов ночи. Страшный 1937-й, к счастью, не омрачился голодом в городах из-за хорошего урожая, но в 1939 г. горожане вновь испытывали недостаток хлеба. Вновь вспыхнул продовольственный кризис из-за низких урожаев 1938–1939 гг., начала советско-финской войны и массовых репрессий. Все это привело к исчезновению в городах многих необходимых продуктов и резкому скачку рыночных цен. По мнению историка С.А. Винниковой, причина кризиса снабжения 1939 г. коренилась не только в этих очевидных обстоятельствах, а, прежде всего, в централизованном перераспределении ресурсов в пользу тяжелой индустрии и военной промышленности².

Население Новосибирска возмущалось, хотя открытых выступлений против государственной продовольственной политики в городе не вспыхивало. Вездесущие осведомители ОГПУ неоднократно слышали такие высказывания рабочих в очередях: «Рабочий, дохни с голоду, стой в очередях, а почему ни одного спеца или коммуниста не видно в очереди. Видимо, им на дом привозят сколько угодно. Вот тебе и равноправие. Хорошей свободы добился себе рабочий»³. Неоднократно

¹ Исаев В.И. Социально-политические аспекты... – С. 81.

² Винникова С.А. Указ. соч. – С. 20.

³ Цит. по: Исаев В.И. Указ. соч. – С. 84.

Новосибирск, как и другие города Союза, переживал перебои с хлебом, и не только из-за неурожая, коллективизации, государственных затрат на войну и других причин. Причины недоедания новосибирцев коренились в том числе и в местных условиях. Источники свидетельствуют, что потребности в хлебе неуклонно росли в городе-акселерате Новосибирске. В 1935 г. здесь открылась новая хлебопекарня. В конце 30-х гг. стали печь хлеб и на левобережье. Однако существовала масса обстоятельств, ухудшавших работу треста «Главхлеб»: перебои с поставками муки, некомплект частей нового оборудования для хлебопечения, которое было закуплено, но долгое время простаивало¹.

Подчас в городах невозможно было купить овощи, соль, молоко. В 1930-е гг. дефицитом стала рыба. Однако эта общая тенденция, выявленная Ш. Фицпатрик², перестает казаться «общей» после бесед с некоторыми новосибирскими старожилами. Так, В.Г. Дугалюков, чье довоенное детство прошло в Кагановичевском р-не, рассказал, что «горбушу варили котам, она считалась невкусной, вкусной же считали осетрину, которую часто покупали и готовили»³. Однако необходимо отметить, что данный информатор воспитывался в семье железнодорожника, получавшего в 30-е гг. высокую заработную плату и имевшего личные связи с работниками местной продуктовой базы. А личные связи с 30-х гг. начинают существенно влиять на качество повседневной жизни советских людей. Согласно газетным публикациям, в торговле рыбой, действительно, наблюдались перебои. Периодически возникали осложнения в поставках рыбы в магазины города из сельских районов, товар вагонами простаивал на железной дороге, случалось, что портился, прежде чем попадал на стол городского потребителя⁴.

В 1930-е гг. частная торговля постепенно была ликвидирована, советская торговля осуществлялась **государственными торговыми предприятиями и кооперацией** (продолжали работать магазины торговых сетей «Акорт», «Сибторг» и ЦРК), которые полностью подчинялись государству. В общем, самодеятельность в торговле практически исключалась, что делало питание населения более «усредненным».

¹ ГАНО, ф. Р-1607, оп. 1, д. 9, л. 23–24.

² Фицпатрик Ш. Указ соч. – С. 52.

³ НГПУ. Записано автором в 2003 г. в Новосибирске от В.Г. Дугалюкова.

⁴ Обмаев И. О рыбе и сводках // Сов. Сибирь. – 1940. – 17 февр.

В 1930 г., когда в стране уже сменились социально-экономические ориентиры, в городе существовало всего 36 магазинов, которые размещались преимущественно в центре. Кроме того, существовало и 93 продовольственных киоска, разбросанных по всему городу. Однако ассортимент продукции в киосках был очень ограниченным. Нужно помнить, что население Новосибирска в 30-е гг. существенно возросло, а число продуктовых магазинов по сравнению с дореволюционным периодом снизилось. Это было связано с системой закрытого карточного распределения основных продуктов и устранением частных торговых точек.

С 1932 по 1935 г. в Новосибирске, как и по всей стране, работал «Торгсин» – предприятие государственной торговли с иностранцами. Однако в середине 30-х гг., когда население почувствовало некоторую стабилизацию в системе снабжения и стало реже посещать магазины этой категории, «Торгсин» перестал выполнять планы продаж и был упразднен. После закрытия «Торгсинов» по всей стране стали появляться универмаги, т. е. предприятия государственной коммерческой торговли. Имелись и магазины категории «конфискантов», где продавались вещи, конфискованные у репрессированных. С отменой карточек в 1935 г. настало время «свободной торговли», и число торговых точек в Новосибирске резко возросло, достигнув 577. Безусловно, эти торговые точки были государственными в своем большинстве. Горожане получили возможность посещать три новых больших универмага и 20 крупных специализированных магазинов. Перед войной произошло некоторое расширение сети торговых предприятий и их ассортимента. В 1940 г. в городе функционировало даже 9 специализированных овощных магазинов.

В целом ассортимент продуктов, продававшихся в магазинах города, не отличался особенно от ассортимента 20-х гг. Но населению Новосибирска стабильно не хватало товаров, выставлявшихся на прилавках магазинов, хотя цены в 1930 г. подскочили вдвое, а основные продукты распределялись по карточкам. Типичным был случай, произошедший в одном из магазинов «Акорта»: магазин получил на реализацию кету, но фактически не справился с реализацией. Продажи осуществлялись только по заборным листкам. Изначально продавали по 4 кг на руки, но вскоре объем продажи пришлось сократить из-за наплыва покупателей. Очередь превратилась в давку, давка в битву и дикий

скандал¹. Часто случалось, что в овощных магазинах отсутствовали основные овощи: картофель, капуста, лук, соленые огурцы. Газеты объясняли отсутствие овощей провалами планов заготовок или вредительством. Однако едва ли обывателей удовлетворяли такие объяснения.

Вторая половина 30-х гг. выглядит благополучнее первой с точки зрения продовольственного снабжения горожан. Стоит отметить, что во второй половине 30-х гг. государство искало новые способы получения финансовых средств, необходимых для индустриализации и милитаризации экономики страны. В эти годы правительство поощряло новую эстетику быта, моду, интерес обывателей к роскоши и «красивой жизни». Хорошие продукты питания активно рекламировались как атрибуты «сытой» жизни советского человека. Государство произвело некоторые вложения в развитие пищевой промышленности, рассчитывая на спрос населения на дефицитные продукты питания, за которые народ будет согласен платить не скупясь. Среди лакомых товаров, которые особенно рекламировались в это время, фигурировали фрукты. В 1937 г. «Советская Сибирь» давала рекламу продажи по сниженным ценам арбузов, дынь и яблок в магазинах «Новосибторга»². Рекламировались в газетах и испанские апельсины.

В канун Нового, скажем, 1938 г. обыватели могли порадовать себя и своих детишек еще одним, редким по тем временам лакомством – грузинскими мандаринами, которые реализовывались в магазинах города поштучно. За экзотический фрукт приходилось выкладывать довольно большую сумму: маленькая мандаринка стоила 25 коп., средняя – 45, большая – 65 коп.³. Мандарин мог стать вполне достойным новогодним подарком для малыша. Старожил Новосибирска Т.Р. Дугалюкова вспоминает, что на довоенных школьных елках Дед Мороз делал детворе скромные подарочки – кому яблочко, кому булочку, кому конфетку, и дети обычно оставались вполне довольными. Вообще же новосибирцы в конце 1930-х гг. перед праздниками, судя по рекламе, имели возможность купить дефицитные, деликатесные продукты: фрукты, колбасы, кондитерские изделия, виноградные ви-

¹ Устранить толчею и очереди // Сов. Сибирь. – 1930. – 25 апр.

² [Реклама] // Там же. – 1937. – 8 окт.

³ Там же. – 28 дек.

на¹. Другое дело, что стоило все это очень дорого, и покупка таких товаров сопровождалась очередями. Кроме того, не все слои населения покупали такие «изысканные» продукты. Для многих они были не только недоступными, но и непривычными. Судя по воспоминаниям, даже на свадебном торжестве горожане из простой рабочей среды обходились зачастую самогоном и незамысловатой закуской.

Привлекательная реклама продуктов, украшавшая газеты 30-х гг., выполняла функции «очага папы Карло», который был, к большому сожалению, всего лишь нарисованным на куске старого холста. Реклама создавала иллюзию благополучия и сытости. А старожилы позже вспоминали чаепитие своего детства, когда кусочек сахара употреблялся «вприглядку» – выкладывался на середину стола, чтобы украсить нищенскую «самобранку», но есть его было запрещено, ведь он был единственным и приберегался для «особого» случая².

Сказкой по меркам 30-х гг. являлся «Торгсин», отличавшийся фантастическим предложением продуктов питания, которые, однако, не были доступны общей массе горожан. Реализация товаров «Торгсина» производилась только за валюту, золото, серебро, драгоценные камни или предметы искусства. Естественно, круг посетителей этого магазина был узок. Однако в голодные времена люди все-таки шли в «Торгсин» и за семейные реликвии получали продукты, в которых нуждались. Продовольствие составляло около 80 % всего ассортимента товаров, представленных в «Торгсине»³. Покупатели могли выбирать желаемое из большого разнообразия видов бакалейных товаров – импортных и местного производства, среди которых имелось множество видов консервов из разных рыб и из овощей (включая даже цветную капусту и фасоль), несколько видов соленой икры, лапша, вермишель, различные колбасы и сосиски (от салями до охотничьих колбасок), сливочные сырки, плиточный шоколад (в том числе и знаменитый «Миньон», который «жрала» блоковская Катька), фрукты и ягоды в шоколаде, трюфели и грильяж, фисташки и маслины, кофе, какао, изысканные специи, вина, ликеры и водки невиданных сортов, которые выставлялись только в «Торгсине»⁴. Многие товары (карамель, какао,

¹ НГПУ. Записано в 2002 г. Ю.А. Синниковой от К.У. Мошковой.

² Там же. Записано автором в Новосибирске в 1998 г. от Н.П. Рубаковой.

³ Горшкова Н.А. Указ. соч. – С. 31.

⁴ ГАНО, ф. Р-356, оп. 1, д. 59, л. 249–255; 313; 343; 364; 375.

шоколад, водки, коньяки, виноградные вина, рыбные консервы, сельди, грецкие орехи и пр.) оказывались неходововыми или излишними и залеживались на прилавках¹, поэтому планы по продажам во всесоюзной сети «Торгсина» перестали выполняться к середине третьего десятилетия XX в. Однако новосибирский «Торгсин» в 1934 г. перевыполнил план, дал 115,9 %. Этот магазин продолжал функционировать вплоть до момента ликвидации всесоюзной сети торговых предприятий «Торгсин».

«Обычные» магазины государственной торговли в 30-е гг. стабильно привлекали покупателей. Цены там были средними между ценами на продукты по карточкам и рыночными. Но для покупателей существовали значительные количественные ограничения на приобретение продуктов. Поэтому те, кто хотел купить больше, были вынуждены идти на колхозный базар. Хотя ассортимент продуктов, выставлявшихся в магазинах, был скудным, он, как свидетельствуют воспоминания старожилов, приблизительно соответствовал продовольственным фантазиям и запросам простых обывателей, которые привыкали к недоеданию и к простейшей, грубой пище. В воспоминаниях старожилов фиксируется тот факт, что в первой половине 30-х было крайне трудно купить многие продукты, но перед войной магазины неожиданно начали наполняться товарами. Е.А. Карымова вспоминала: «Перед войной откуда только что появилось. В магазинах появилось неожиданно очень много того, чего прежде мы не видели»². В 1940 г. существенно расширился ассортимент хлебных продуктов, производившихся в Новосибирске. Горожане могли выбрать торт из 24 предлагавшихся видов этой продукции: «Трюфель», «Мокко», «Большой театр», «Миньон», «Абрикотин» и др. В Новосибирске пекли 18 видов кексов, различные батоны, калачи, сайки, русские и польские булки, сухари, несколько видов печенья, в том числе и диетического. Выпускали сухие завтраки, сахарные коржики, вафли, пышки, пирожки с повидлом, с джемом, с рисом и яйцами и многое другое³.

Появились по второй половине 30-х гг. и различные, новые для новосибирцев, ненатуральные продукты: вкусовые экстракты (сливовый, яблочный, вишневый), фруктовые эссенции, пищевые красители, сухие

¹ ГАНО, ф. Р-356, оп. 1, д. 59, л. 71.

² НГПУ. Записано автором в 2003 г. в Новосибирске от Е.А. Карымовой.

³ ГАНО, ф. Р-1607, оп. 1, д. 71, л. 3; 4; 37; 68.

кисели, супы-концентраты, сухой морс, фруктовые сиропы, кетчуп и соевый соус¹. Эти продукты не были привычными и потреблялись скорее партийным начальством и служащими, занимавшими руководящие посты, нежели «простыми» горожанами.

В 30-е гг. были устранены частновладельческие кафе и рестораны. К 1931 г. рабочие посещали **столовые с закрытым обслуживанием**: для железнодорожников, строителей, грузчиков, рабочих Кожкомбината, завода «Труд», мылзавода, «Холодильника», Мелькомбината, винзавода и др. В городе функционировала пара столовых общегражданских, две военных, четыре студенческих и столовая Крайисполкома. Также функционировали кооперативные столовые, находившиеся в ведении «Акорта» и ЦРК. Очевидно, далеко не на всех предприятиях были столовые. Видно, что в Новосибирске было не так много мест, где можно было бы быстро пообедать. Однако их число постепенно прибывало. К 1935 г. столовых насчитывалось 124. Они ежедневно отпускали 133 тыс. блюд. В 1937 г. был организован Новосибирский городской трест столовых, ресторанов и кафе. В трест вошло 104 предприятия: 18 столовых, 61 буфет, 19 закусочных павильонов, 1 продуктовый киоск, 5 заведений типа «кафе-ресторан»². Сеть таких предприятий постепенно разрасталась. В 1938 г. насчитывалось 151 предприятие треста на 5935 посадочных мест³, в 1939 – 182 предприятия на 6710 мест⁴, в 1940 – 210 на 8461 место⁵, в начале 1941 г. можно было посетить 255 предприятий⁶.

Показательно, что число столовых и буфетов, размещавшихся, как правило, на базе промышленных предприятий, учебных заведений и административных учреждений, стабильно и существенно прирастало, а число городских кафе и ресторанов оставалось мизерным, варьируясь от двух до пяти. Лучшие **рестораны** размещались в Городском корпусе («Централь») и в доме «Динамо». В городе имелся также ресторан при гостинице Советов⁷. Но уютное теплое кафе с гардеробом и белоснежными, накрахмаленными скатертями, где приносят горячие

¹ [Реклама] // Сов. Сибирь. – 1938. – 26 марта.

² ГАНО, ф. Р-1463, оп. 1, д. 2, л. 11.

³ Там же, д. 3, л. 9.

⁴ Там же, д. 4, л. 42.

⁵ Там же, д. 6, л. 29.

⁶ Там же, д. 5, л. 132.

⁷ Список абонентов Новосибирской АТС... – С. 70.

кушанья и играет оркестр – картина исключительная для Новосибирска 30-х гг. Это скорее мечта и воплощенный идеал новой эстетики, нежели реальность. Летом горожане могли посидеть в уличных рестораниках, которых, по данным 1938 г., насчитывалось только шесть¹. «Сидели» там, соответственно, немногие. В Новосибирске не существовало вегетарианских и диетических столовых, а это свидетельство того, что предприятия треста не могли удовлетворить пищевые потребности всех горожан.

Согласно бухгалтерскому отчету за 1937 г., работа треста была «явно неудовлетворительной»². Однако стоит помнить, что речь идет о периоде жестоких репрессий, который не мог не сказываться на критичности оценки работы треста. По «стандарту» времени в растратах, хищениях и прочих недостатках работы заведений общественного питания обвинялись вредители и враги народа. Известно, что в 1937 г. трест отпустил 2034 первых блюда, 3748 вторых, 509 холодных и 2278 сладких³. Простой арифметический подсчет показывает, что в среднем нем на каждое из 104 заведений приходилось всего 5,6 отпущенных за день первых блюд, 10 вторых блюд, 1,3 холодных и 6,2 сладких. Очевидно, что предприятия треста не играли существенной роли в питании горожан, и лозунг «Долой кухонное рабство!», характерный еще для 20-х гг., оставался пустыми словами. Эту мысль подтверждают и свидетельства газет, согласно которым питание в столовых города было ущербным: их посетители неустанно жаловались на качество пищи и антисанитарию.

В прессе отмечалась плохая работа летних кафе и ресторанов, которые постоянно стояли закрытыми, и киосков с прохладительными напитками, где очень быстро заканчивалась продукция⁴. В газетах писали, что завод «Вена» выпускает слишком мало напитков, и летом обычные фруктовые воды становятся дефицитом. В 1938 г. открылось 67 школьных буфетов, однако при буфетах не было кухонь, и школьники не могли получить горячий завтрак и обед⁵. Число отпускаемых

¹ ГАНО, ф. Р-1463, оп. 1, д. 3, л. 9.

² Там же, д. 2, л. 1.

³ Там же, л. 58.

⁴ Е.В. О садах Новосибирска // Сов. Сибирь. – 1937. – 27 апр.

⁵ ГАНО, ф. Р-1463, оп. 1, д. 3, л. 5 об.

блюдо росло с каждым годом, но не настолько, чтобы роль столовых в питании новосибирцев существенно повысилась.

Судя по тому, какие продукты поступали на предприятия общественного питания, можно сделать вывод, что горожанам предлагалась обыкновенная, незамысловатая пища. Для приготовления блюд в столовых использовали разнообразные овощи: капусту, в том числе и цветную, картофель, морковь, свеклу, огурцы, лук, салат, начинали использовать помидоры. Горожане могли отобедать мясным или рыбным блюдом, но рыбных готовили значительно меньше. Посетители столовых могли также выпить чаю или компота с жареными или печеными пирожками, бутербродами, булочками или ватрушками. В газетах постоянно печатались курьезные заметки об общепитовском обслуживании: то в столовой «Акорта» кормили подгнившими овощами, давали две рыбки на порцию – одну свежую, другую тухлую; то шикарное меню оказывалось фиктивным, потому что тех самых «шикарных» блюд готовили «показухи ради» порции по три... Предприятиям общественного питания хронически не хватало средств и продуктов.

В буфетах продавали мороженое, кондитерские изделия, пиво (на новосибирском заводе «Вена» варили «Жигулевское», «Русское», «Украинское», «Мартовское» и «Бархатное»), «Медок» (на простонародном языке – «брага») и безалкогольные напитки: квас, крошон, фруктовые соки, содовую воду. Посетители ресторанов имели возможность отведать более изысканные блюда, к примеру, из мяса диких животных и грибов, съесть ягодный десерт, выпить вина или водки. Кстати, в 30-е гг. в Новосибирске выпускались 40-градусная «Московская» водка, 50- и 56-градусная «Русская», «Хинная», «Померанцевая», водки «Ерофеич» и «Киршвассер», голландский джин, настойки горькая вишневая, лимонная, тминная, анисовая, мятная, «Английская горькая», «Горный дубняк», «Перцовая», «Зверобой». Производились и сладкие спиртные напитки: «Спотыкач», «Запеканка», «Сливянка», ягодные и яблочные настойки, «Доппель-Кюммель»¹.

Однако не стоит переоценивать «кулинарные изыски», подававшиеся в ресторанах. Старожил города Галина Телегина вспоминала, что в шикарном по меркам второй половины 1930-х гг. ресторане «Инснаб» гостей потчевали яичницей, которая, однако, подавалась на стол

¹ ГАНО, ф. Р-1172, оп. 1, д. 5, л. 32; д. 8, л. 3; ф. Р-1453, д. 33, л. 14, 25, 92.

на жаровне с раскаленными углями¹. С 1937 г. в газетах, которые читали жители нашего города, появилась реклама нового продукта – кетчупа, который, по заявлению этой рекламы, должен стоять «на каждом столике ресторана», ведь это – «самая приятная, острая и ароматная приправа к мясным, рыбным, овощным и мучнистым блюдам»².

В довоенный период рестораны посещали немногие горожане. Ресторан – редкий мемуарный сюжет. По воспоминаниям Г. Телегиной можно судить о публике, собиравшейся в «Инснабе», об атмосфере этого ресторана. Телегина вспоминает, что «Инснаб» был не просто местом, где можно было вкусно поесть и выпить. Это был своеобразный клуб, где собиралась творческая и техническая интеллигенция, иностранцы, работавшие в Новосибирске. Вообще, рестораны, «возродившиеся» в СССР во второй половине 30-х, посещались в основном новой советской элитой. Вход в этот ресторан был по специальным пропускам, которыми и определялась постоянная публика. «Инснаб» был местом общения и именно культурного отдыха: там играл джазовый оркестр – явление исключительное для 30-х гг., посетители ресторана танцевали под живую джазовую музыку.

Характеризуя питание новосибирцев в период с 1929 по июнь 1941 г., необходимо вернуться к **проблеме огородничества в городе**. Городские власти Новосибирска начала 1930-х гг., когда возникли существенные проблемы с продовольствием, стремились развивать «коллективное огородничество», ставшее в дальнейшем распространенным видом сельскохозяйственной деятельности горожан. В эти годы создавались огородные товарищества (кооперативы), где распределялись участки для выращивания овощей и картофеля; отводились загородные земли для этих же целей. Воспоминания старожиллов пестрят сюжетами об огородах.

Старожил Георгий Крылов пишет в своих воспоминаниях: «Он (город) был преимущественно деревянным, возле каждого дома – приусадебные участки, заборчики, калиточки, в глубине дворов – сараи и стайки, в которых мычала, блеяла, хрюкала, кукарекала всякая живность. Подсобных хозяйств не было только на Красном проспекте.

¹ Телегина Г. Ностальгия // Мой Новосибирск: Книга воспоминаний. – С. 86.

² [Реклама] // Сов. Сибирь. – 1937. – 2 авг.

Хотя и там частных домишек было достаточно...»¹. Новосибирец Алексей Тростнецкий вспоминал: «При каждом доме – огород, все держали скотину: коров, кабанчиков, птицу» (30-е гг., описан район Железнодорожной нахаловки)². Таков был центр города. Что же говорить об окраинах! Иван Сушков вспоминал: «Вот стоит огромная, в четыре этажа деревянная мельница Вертковская... А рядом – большой пруд. В нем плещутся гуси и утки. Приволье им тут!.. Был еще Китай-город. Находился он в устье реки Тулы. Обитали здесь китайцы, которые возделывали овощные плантации на пойменных плодородных землях. Они гнули спины от зари до зари, причем работали в поле в основном мужчины. Но и урожаи у них были – что-то потрясающее!»³. Огороды в местах, где прежде размещались села и деревни, и по сей день используются их владельцами с теми же целями, что в довоенные годы.

Потребление горожанами чистой питьевой воды несколько изменилось в 30-е гг. в связи с началом работы водопровода, но это не означало, что отныне горожане в достаточных количествах использовали водопроводную воду высокой степени очистки. Водопровод начал работу в 1929 г., тогда подключили к системе водоснабжения 109 домовладений в центральной части города. В 1932 г. к сети было присоединено 355 домов. Потребление населением окраин чистой водопроводной воды для питья оставалось затруднительным и недостаточным. Водопровод изначально обслуживал только Центральный, Вокзальный, Октябрьский, частично Ипподромский и Ельцовский районы города. Водопровод был перегружен. Поэтому в городе продолжали работать водовозы. Некоторые горожане пользовались колодезной водой. Шла в ход и речная вода, которой поили домашних животных и которую использовали в бытовых целях. На левом берегу Оби функционировал временный водопровод, который не удовлетворял в полной мере потребности населения. В 1935 г. в Москве утвердили проект строительства большого водопровода в рамках генеральной планировки Новосибирска⁴. Только в 1939 г. начали строить постоянную левобережную систему водоснабжения.

¹ Крылов Г. В Ельцовке было полно ельцов // Мой Новосибирск: Книга воспоминаний. – С. 17.

² Тростнецкий А. Нахаловка // Там же. – С. 37.

³ Сушков И. Безбожная улица и Китай-город // Там же. – С. 44.

⁴ ГАРФ, ф. Р-259, оп. 19, д. 30, л. 23.

Трудно сказать наверняка, сколько воды в среднем потреблял новосибирский обыватель в начале 1930-х гг. Источники дают разные цифры. По одной версии, в Новосибирске 1932 г. на одного жителя приходилось в среднем уже 28,8 л воды в сутки¹. Другой источник того же года свидетельствует о том, что водопроводная вода распределялась неравномерно по районам города: на человека в сутки в Центральном р-не приходилось 16 л воды, а в Усть-Ине – 0,4 л. Даже по дореволюционным меркам этого количества воды было недостаточно: считалось, что человеку необходимо 5–7 ведер воды в сутки. Если доверять второй версии, напрашивается вывод, что водопроводной воды многим новосибирцам (жителям окраин) хватало, как правило, только для питья и приготовления пищи. Однако по санитарным нормам и для приготовления пищи, и для бытовых целей вода должна быть одинаково чистой и безвредной. Есть основания полагать, что первая версия содержит завышенные цифры, поскольку это данные официального отчета ЖКХ по выполнению 2-го пятилетнего плана, отправлявшегося в столицу, цифры здесь взяты из местного экономического справочника по городу и району.

От недостатка воды зачастую страдали огородники, особенно с городских окраин, где была практически недоступна водопроводная вода. Огород требует полива. Для этих целей традиционно использовалась живительная влага местных водоемов, которые не всегда находились рядом с огородами. Когда в Усть-Ине появилась колонка, показалось, что проблему полива можно считать решенной, однако набрать бочку воды на инюшенской колонке в дневное время не представлялось возможным: напор воды был крайне слабым. Огородникам приходилось ночами ходить за водой, набирать ее в бочки и доставлять на свои участки. Поливка грядок становилась обыденным ночным занятием.

2.2. Жилищный вопрос в Новосибирске

В 30-е гг. XX столетия в Новосибирске были те же проблемы с жильем, что и в предыдущем десятилетии. Однако по идеологическим соображениям в эти годы больше говорили об успехах развития жилищного строительства, нежели о его недостатках. Еще сохранялась проблема слабого развития жилищной кооперации, которую вовсе уст-

¹ ГАРФ, ф. А-314, оп. 1, д. 3825, л. 49.

ранили в 1937 г. Жилищная застройка оставалась преимущественно частной. Не утратила актуальности проблема дороговизны съемных квартир. На деньги, которые съемщик в течение года платил за временное жилье, можно было купить собственное – небольшой барак. Не утратила актуальности и проблема самовольной застройки, ставшая обратной стороной медали высоких темпов урбанизации. Новосибирск застраивался активнее других крупных городов Сибири, в СССР по темпам роста жилищного строительства он уступал лишь г. Сталин в Донбассе¹, но многим новосибирцам все равно негде было жить.

Индустриализация и коллективизация 30-х гг. сопровождались колоссальным притоком крестьянства в города. Новосибирск как краевой центр был одним из крупнейших в стране городских центров притяжения крестьянства. Наплыв крестьян, бежавших от коллективизации в начале 30-х гг., сильно обострял нехватку здесь жилья. Одни беженцы решались на самовольную застройку, другие искали съемные квартиры. Мытарства семьи Л.Г. Швецовой, оказавшейся в Новосибирске в 1932 г., – характерный для тех лет вариант закрепления в городе. Швецова вспоминает: «Жили сначала “на квартире” на ул. Дуси Ковальчук, где у сестры Евфросиньи Павловны – тети Нюры – снимали комнату в бараке. Было нас в этом бараке как вшей в заглазнике. <...> Потом сняли мы своей семьей флигелек на ул. Калинина, и прожили в нем полтора года. А затем мы купили на той же улице свой барачок. Он был из лиственницы. И столбы из лиственницы, они даже не сгнили. А стены – колья, заплетенные лозой и забитые глиной... А внутри барачок состоял из одной комнатки...»². Семья М.П. Ивановой, тайно бежавшая в Новосибирск от коллективизации, жила в бане, через некоторое время получила разрешение на строительство барака, однако такого маленького и тесного, что мемуаристке негде было спать, и она ночевала все в той же бане³. Любые воспоминания новосибирцев, приехавших в наш город из деревень в конце 20 – начале 40-х гг., содержат сюжеты о перебоях с жильем. В это время сохранялась не только проблема тесноты жилых помещений. Горожане по-прежнему

¹ Петров А.И. Жилищное строительство и жилищные условия г. Новосибирска // Статистика Сибири. – 1930. – № 1. – С. 100.

² Швецова Л.Г. Воспоминания купеческой внучки // Сиб. горница. – 2003. – № 4. – С. 82.

³ НГПУ. Записано Ю.Б. Чежиной в 1999 г. от М.П. Ивановой-Кайгородцевой.

были вынуждены заботиться о том, чтобы протопить свой дом. Многие вспоминают, что уголь дорого стоил. Маргиналы, влачившие в Новосибирске полунищенское существование, из-за нехватки средств были вынуждены топить печку мусором. «Мы с братом часто ходили по улицам, чтоб найти какие-нибудь дрова, иногда ходили на железнодорожную станцию собирать уголь», – вспоминает Анна Токарева, семья которой перебралась в 1927 г. из деревни в Новосибирск¹.

Однако многие новосибирцы, особенно те, кто родился в этом городе, с теплом вспоминают дом своего детства в центре города или где-нибудь на окраине. Это время дружных дворов и улиц, когда летом до позднего вечера звучали гитара и гармонь, молодежь устраивала танцы² и «все соседи на улице были как родные»³. Теснота, свойственный времени коллективизм, недавнее крестьянское прошлое, связанное с сельским миром, создавали такую среду и такие ощущения. «Дом наш был деревянный, двухэтажный ... семиподъездный... Двор большой, в центре – клумбы с цветами»⁴, – подобные эстетичные описания дома детства нередки для воспоминаний новосибирцев 30-х гг. Как показывает анализ мемуаров новосибирских старожилов, горожане, имевшие собственное более или менее благоустроенное жилье (частный дом, квартирку или комнату) обычно были довольны своими жилищными условиями. К примеру, семья из четырех человек, в которой рос один из наших информаторов В.Г. Дугалюков, жила в небольшой однокомнатной квартирке дома железнодорожников на ул. Железнодорожной и считала подобные жилищные условия более чем удовлетворительными. Родителям нашего информатора было с чем сравнить свое жилье: его отец родился и вырос в Нахаловке, где остались жить его престарелые родители, а мать прежде жила в Барабинске и была вынуждена вести хозяйство деревенского типа.

В начале 30-х гг. было запланировано застроить Центральный район полностью капитальными каменными зданиями в ближайшие

¹ НГПУ. Записано Т.Ю. Котляровой в 2002 г. в Новосибирске от А.В. Токаревой.

² Там же. Записано О.В. Имутенко в 2002 г. в Новосибирске от Г.А. Имутенко.

³ Там же. Записано автором в Новосибирске в 2003 г. от Т.Р. Дугалюковой.

⁴ Там же. Записано В. Филатовой в 2002 г. в Новосибирске от Н.Ф. Лаптевой.

30 лет¹. Конечно, этот план был, по меньшей мере, заоблачным. В Центральном районе и по сей день сохранилось немало старых деревянных частных домов. Чего только стоит застройка ул. Семьи Шамшиных! Открывая калитку типичной новониколаевской усадьбы, к примеру, на 14-м участке 60-го квартала на углу улиц Каменской и Канинской, посетитель попадал в дощатую ограду, видел жилой одноэтажный дом на деревянных обвязках и столбах. Приглядываясь к дому, он мог отметить, что стены постройки дощатые, а крыша железная. Рядом с домом располагались бревенчатый склад и бревенчатый сарай с навесом².

Лишь кое-где в Центральной части города появлялась в 30-е гг. капитальная каменная застройка. В это же время в центре строили домакоммуны и жилкомбинаты. Так, в 1930–1931 гг. постройки возводились кооперативами «Рабочая пятилетка», «Красный кожевник», «Химик».

В 30-х гг. по всей стране прокатилась волна строительства «социалистических городков» для рабочих. Курс на строительство соцгородков, где планировалось создать комфортные условия жизни и «новый быт», коснулся и градостроительной практики Новосибирска. В 1930 г. Гипрогор (центральная организация, занимавшаяся планировкой советских городов) составил проект планировки новосибирского левобережья, которое мыслилось как **соцгород** на 150 тыс. человек. На левом берегу Оби строился завод «Сибкомбайн», и в начале 1930 г. там уже появился временный рабочий городок, жители которого селились во всевозможные временки – зимние и летние бараки. Для строителей завода открывалась столовая, планировалось строительство универмага, бани, амбулатории, больницы и почты. В мартовском номере журнала «За индустриализацию Сибири» писали, что в этом поселке сможет разместиться большинство строителей предприятия³. Но большинство – это все же не все. По подсчетам руководства завода, до 30 % рабочего состава будет жить в городе на правом берегу Оби. Около 15 % рабочих составят крестьяне из левобережных деревень – их как раз в этом году присоединили к Новосибирску. Что касается капитального

¹ Весь Новосибирск: справочная книга. – С. 29.

² ГАНО, ф. Р-1124, оп. 1а, д. 31, л. 56.

³ Рукавицын. Как строится гигант – завод комбайнов // За индустриализацию Сибири. – 1930. – № 3. – С. 15.

строительства, то, по данным инженера Рукавицына – автора этой статьи, в марте 1930 г. заканчивалась разработка проекта первого дома-коммуны на 1000 жильцов¹.

Вокруг проектирования и строительства соцгорода велись постоянные споры. До обывателей доходили отголоски этих споров архитекторов и градостроителей. М.С. Богуславский, занимавшийся пропагандой проекта, открыто говорил о том, что рабочие не всегда правильно понимают идею социалистического города, которая постепенно обрастает слухами: «в соцгороде будут хлебать щи из одной чашки», «детей отберут у родителей» и др. Слухи порождались идеями нового и обобществленного быта. Богуславский говорил и о психологической неготовности рабочих к новому образу жизни. Он считал, что справиться с этой проблемой должна помочь пресса, которая проведет разъяснительную работу. Собственно, идея активного подключения прессы к строительству принадлежит не Богуславскому. От лица власти журнал «За социалистическую реконструкцию городов» неоднократно активно призывал прессу публиковать материалы о социалистическом строительстве, анализировал работу региональных газет и журналов, объяснял, как велика роль пропаганды в строительстве городов нового типа. Предметом анализа становились и публикации в «Советской Сибири»².

Следуя мнению Богуславского, строительство новосибирского соцгорода пытались обсуждать в прессе. В «Советской Сибири» в 1930 г. неоднократно появлялись соответствующие заметки. 13 октября 1930 г. в газете писали о том, что на левом берегу Оби строится завод комбайнов и льночесальная фабрика, вскоре появятся и другие промышленные предприятия: хлопчатобумажный комбинат, теплоэлектроцентраль, автосборочный завод. Для обслуживания всех этих предприятий потребуется до 40 тыс. человек. Всех этих людей необходимо обеспечить жильем. Поэтому в левобережье и строится специальный город социалистического типа. В этом городе будет обобществлен быт. Но при том, что два здания уже практически построены, до сих пор нет четкого плана размещения зданий. Говорилось, что в следующем 1931 г. построят еще восемь зданий в соответствии с планом.

¹ Рукавицын. Как строится гигант – завод комбайнов // За индустриализацию Сибири. – 1930. – № 3. – С. 17.

² За социалистическую реконструкцию городов. – 1933. – № 1. – С. 36.

Уже в следующем номере газеты появилась статья «Как планировать соцгород», где отмечалось, что предполагается жилое строительство на 120–150 тыс. человек. Из первых же газетных публикаций видно, что у строителей не было четкого представления, на какое население рассчитывается соцгород. Новая заметка «Как строится социалистический городок» появилась уже 24 октября. В ней сообщалось, что строительство идет медленными темпами. Это происходит потому, что нет единого строительного плана. В следующей заметке, опубликованной через несколько дней, был материал о том, что рабочие не знают, как будет выглядеть социалистический город. Поэтому автор освещал некоторые подробности плана, оговариваясь, что реально не существует четкого плана развития промышленности в Заобском р-не. Репортеры и позднее информировали жителей города о состоянии стройки. Так, в № 177 «Советской Сибири» рассказывалось о предполагаемых расходах на стройку, о ближайших планах и первых результатах строительства.

Стоит заметить, что строительство соцгорода в Новосибирске шло не совсем гладко. Столичный журнал «За социалистическую реконструкцию городов» сообщал, что по состоянию на 1932 г. в новосибирском соцгороде построили только полтора десятка домов нового типа. Зато у самых стен завода бурно растет «самострой». Мало того, руководство завода способствует этой несанкционированной застройке¹.

Соцгород в новосибирском левобережье – это пример того, как в начале 1930-х гг. пытались улучшить быт рабочего населения. Безусловно, идеалистические планы и проекты соцгорода остались во многом нереализованными, однако немало рабочих, стоявших у истоков завода «Сибсельмаш», получили новое жилье, перебрались в него из бараков и лачуг.

Несомненно, строились в городе и дома для элиты. Знаменитый 100-квартирный дом, построенный по проекту архитектора А.Д. Крякова, «генеральский» дом на Красном проспекте – яркие примеры элитного жилья в довоенном Новосибирске. В архитектурном смысле новые элитные дома выглядели величественно. «Сталинский ампи́р» новых «полногабариток» был призван прославлять эпоху и вождя. Стоит отметить, что застройка центра города отличалась от застройки окраин, однако деревянная изба оставалась наиболее распространен-

¹ За социалистическую реконструкцию городов. – 1933. – № 9. – С. 24.

ным типом жилого строения во всем городе. Раиса Бриллиантова так вспоминала усадьбу своего детства: «Наша простая, огороженная высоким забором усадьба, стоит на углу Фрунзе и Советской. Здесь много строений: хозяйский огромный, на десять комнат, дом, трехкомнатный флигель, наш шестнадцатиметровый домишко – бывшая баня, а еще – погреб-ледник, амбар, сеновал, коровник, конюшня, курятник, сад-огород и наша ограда»¹. Новые дома в конструктивистском стиле на Красном проспекте, ул. Ленина и Серебренниковской были недостижимой мечтой для большинства горожан.

Новые районы, возникавшие по плану на бывших деревенских землях, отличались низкой плотностью застройки. Жилищный фонд в бывших деревнях, которые в 1929–1930 гг. вошли в городскую черту, долго оставался неизменным. Начало 30-х гг. – это чудесное время контрастов: в городе одновременно уживались пруды с гусями и утками и немыслимые по тем временам стройки, которые, однако, только начинались. Дзержинский р-н Новосибирска на заре его существования старожил А.А. Пятков (1935 г. рождения) запомнил таким: «Дзержинский появился сразу как новый городской район, строился он на голом месте. Вдоль по проспекту Дзержинского тянулись деревянные бараки. Здесь же было озеро, из-за которого бараки часто затапливало. Эти постройки окружал сосновый лес...»².

Новосибирск, «Сиб. Чик»³, как иронично называли его в 30-е гг. местные жители, стал во второй половине предвоенного десятилетия частым объектом внимания столичных журналистов. О высоких темпах его роста с похвалой писали в журнале «За социалистическую реконструкцию городов»: «Раньше он напоминал деревню: почти весь одноэтажный, деревянный, без какого-либо коммунального благоустройства. Сейчас Новосибирск – один из красивейших и наиболее благоустроенных городов на востоке Советского Союза. Там, где были пустыри и хибарки, высятся сотни многоэтажных, красочных домов... Город постоянно строится, облик его меняется с каждым днем»⁴. Автор статьи приводил данные о том, что уже в 1932 г. в Новосибирске

¹ Бриллиантова Р.А. Три тополя на Советской // Мой Новосибирск: Книга воспоминаний. – С. 90.

² НГПУ. Записано автором в 1999 г. в Новосибирске от А.А. Пяткова.

³ За социалистическую реконструкцию городов. – 1933. – № 1. – С. 36.

⁴ Социалистический город. – 1937. – № 9/10. – С. 33.

было более 50 многоэтажных и 704 двухэтажных дома. Конечно, сегодня эти цифры не впечатляют. Удобно было, говоря о Новосибирске, разоблачать вредителей и высказывать жесткую критику. В статье Ф. Попова «Улучшить строительство в городах Западной Сибири» приведен был материал о том, что строительные планы в Новосибирске не выполняются из года в год. Автор статьи характеризовал деятельность строителей в нашем городе как безответственную, вредительскую и бесхозяйственную. Он указывал, что в Новосибирске крайне слабо используются новые строительные механизмы. Существовала несогласованность между быстрым строительством промышленных предприятий и очень медленным решением жилищных вопросов. Хотя Совнарком СССР официально запретил строить в крупных городах дома ниже четырех этажей, в Новосибирске всюду строились одноэтажные здания. В 1935 г. их в нашем городе было 96,3 %. Критиковал автор статьи ход строительства соцгорода, застройку Красного проспекта, которая велась случайно, не составляла единого, гармоничного ансамбля¹.

Перед началом войны Новосибирск рос особенно интенсивно по демографическим показателям. Но население все прибывало, а жилья не хватало. Идеологически и практически новые формы решения жилищного вопроса не были способны на данном этапе обеспечить квартирами всех нуждавшихся. По качеству жилья можно было судить о социальном расслоении: кто-то въезжал в роскошный генеральский дом, другие по-прежнему ютились в землянках по правому берегу Каменки.

Обратимся и к проблемам развития **гостиничного хозяйства** на этом этапе. Характер новосибирских гостиниц в 30-е гг. несколько изменился. Закончился период нэпа, и в городе перестали существовать частные постоянные дворы. В 1932 г. в Новосибирске насчитывалось пять государственных гостиниц². В следующем году стало на одну меньше, хотя считалось, что четыре гостиницы на 400 номеров не удовлетворяют потребности растущего города, которому было нужно, как минимум, восемь гостиниц на 1700 мест³. В 1937 г. в городе при-

¹ Попов Ф. Улучшать строительство в городах Западной Сибири // За социалистическую реконструкцию городов. – 1933. – № 9. – С. 24.

² Коммунальное хозяйство СССР к концу первой пятилетки. – С. 81.

³ ГАРФ, ф. А-314, оп. 1, д. 3825, л. 56.

нимало жильцов пять гостиниц¹, но к 1939 г. осталось лишь три – на 645 мест². Существовал и Дом колхозника – гостиница для приезжавших в город крестьян.

В изучаемое время имелись определенные сложности с заселением в гостиницу. Принимали только командировочных. Случалось, что в Новосибирск приезжали, скажем, на лечение из других городов – этим людям обычно отказывали в заселении. Количество мест в гостиницах было крайне ограниченным, поэтому и принимали в гостиницы только ограниченный контингент приезжих. Те, кому отказывали в ночлеге, были вынуждены ночевать на вокзале или искать частную квартиру, что было не так-то просто в перенаселенном городе. Те же, кто все-таки вселялся в гостиницу, были обязаны пройти санобработку – процедуру, по мнению посетителей, унизительную. Не нравились посетителям и столкновения с грубым персоналом, который то по-хамски разговаривал, то отказывался выдать чистое постельное белье, которое по три недели могли не менять³.

Люди, остановившиеся в гостинице «Центральная», попадали в одну из 116 комнат, обставленных лучшей дубовой мебелью московских и ленинградских фабрик. В этой гостинице можно было не только переночевать, но и воспользоваться одной из четырех ванных комнат (неудобно по современным стандартам, но хорошо по меркам довоенного Новосибирска). Кроме того, можно было сходить в буфет и заглянуть на досуге в читальню. Конечно, пожить в такой гостинице считалось шиком.

Те, кто вселялся в небольшую гостиницу «Сибирь» на 40 номеров, попадал в менее комфортные условия. Посетители довольствовались комнатами, которые требовали основательного ремонта и были обставлены старой, не всегда исправной мебелью. Ванных комнат, буфета и прочих дополнительных услуг и удобств в этой гостинице не было, так же, как и в «Коммунальных номерах»⁴. В 1935 г. состояние новосибирских гостиниц было признано по результатам бухгалтерского отчета неудовлетворительным. Белье и обстановка, которой пользова-

¹ ГАНО, ф. Р-11, оп. 2, д. 39, л. 17.

² ГАРФ, ф. А-314, оп. 1, д. 6809, л. 6.

³ Фрей Э. В гостиницах Новосибирска // Сов. Сибирь. – 1935. – 6 дек.

⁴ ГАНО, ф. Р-917, оп. 1, д. 36, л. 24.

лись постояльцы, сильно изнашивались. В «Советской Сибири» испортилось водоснабжение, «Деловой двор» закрыли на ремонт, а гостиница «Метрополь» ждала своей очереди¹. Однако уже в 1938 г. во всех гостиницах города посетители пользовались водопроводной водой, ванными комнатами и парикмахерскими. Постояльцы «Центральной» могли отужинать в ресторане². Новосибирские гостиницы принимали не только кратковременных постояльцев – по данным на январь 1939 г., 21 номер занимали постоянные жильцы.

2.3. Проблемы здоровья и гигиены горожан

В 1930 – начале 40-х гг. наблюдался некоторый прогресс в области развития системы медицинского обслуживания новосибирцев. Этому способствовало расширение сети медицинских учреждений в городе и открытие в 1931 г. первого медицинского училища – Новосибирск начал самостоятельную подготовку медицинских кадров. В 1935 г. открыли медицинский институт. Однако развитие медицины шло тернистым путем. Хотя в городе росло количество медицинских учреждений, и можно было говорить о некотором повышении качества медицинского обслуживания, эти процессы сопровождались общей для Новосибирска проблемой недостаточно высоких темпов развития городской инфраструктуры по отношению к демографическим показателям. Причины сложностей, возникавших в системе здравоохранения, коренились не только в высоких темпах урбанизации. Историк Н.Т. Леонтьева пишет: «Система государственного здравоохранения в эти годы была жестко централизованной, функции управления службой охраны здоровья народа возложили на отделы здравоохранения, организованные при советских органах власти, которые контролировались и направлялись партией в лице местных организаций и комитетов»³. Леонтьева отмечает громоздкость системы управления здравоохранением, ее неповоротливость и неэффективность. Этот аспект положения системы довоенного сибирского здравоохранения в сочетании со скудостью материально-технической базы лечебных учреждений и хрониче-

¹ ГАНО, ф. Р-917, оп. 1, д. 173, л. 15.

² ГАРФ, ф. А-314, оп. 1, д. 6809, л. 6.

³ Леонтьева Н.Т. Политика советской власти в развитии здравоохранения Кузбасса в 1920–1930-е гг. – Кемерово, 1996. – С. 22.

ским кадровым дефицитом приводил к серьезным недостаткам в медицинском обслуживании населения¹.

Авторы обобщающего труда «Демографическая модернизация России» считают, что успехи, достигнутые в сфере здравоохранения до Великой Отечественной войны, можно считать более чем умеренными². Была очевидной неспособность советских врачей справиться с рядом опасных инфекционных заболеваний: малярией, дизентерией, корью, скарлатиной и сыпным тифом. Смертность оставалась высокой, здоровье людей подрывали тяжелые условия труда и быта.

Заболев, новосибирцы 30-х гг. обращались **в поликлиники по месту жительства, в амбулатории**, большая часть которых были ведомственными и имели закрытый характер. Для нервно-психических, венерических и туберкулезных больных в городе работали специализированные диспансеры. Имелся и наркологический диспансер. За женским здоровьем и физическим развитием детей к 1935 г. следило шесть специализированных консультаций. В городе имелся ряд больниц, в том числе специализированных. Если человек попадал в ситуацию, угрожавшую жизни, можно было вызвать скорую помощь, особенности работы которой не изменились по сравнению с концом периода нэпа.

На рубеже 20–30-х гг., в соответствии с правительственной концепцией социалистического города, актуальной проблемой развития городской инфраструктуры считалось улучшение качества жизни городских окраин и промышленных районов. Концепция соцгорода отразилась и на развитии медицинского обслуживания в нашем городе. Обращение жителей городских окраин к врачу становилось не таким проблемным, как в предыдущие годы. К концу 30-х в Новосибирске уже имелись Ельцовская и Ипподромская амбулатории – вопрос об улучшении медицинского обслуживания городских окраин постепенно решался. Летом 1930 г. новосибирское левобережье – самая отдаленная окраина – тоже получило свою амбулаторию и больницу при стройке завода «Сибкомбайн»³. В середине декабря 1929 г. открылась Центральная поликлиника (поликлиника № 1), следом за ней образовался единый диспансер на базе Октябрьской (Закаменской) амбулато-

¹ Леонтьева Н.Т. Политика советской власти в развитии здравоохранения Кузбасса в 1920–1930-е гг. – Кемерово, 1996. – С. 173.

² Демографическая модернизация России, 1900–2000. – С. 260.

³ Новосибирск – 100 лет: События. Люди. – С. 154.

рии, который в 1935 г. был преобразован в поликлинику № 4¹ – самые густонаселенные районы тоже нуждались в новых медицинских учреждениях.

В 1935 г. город обслуживали четыре районные поликлиники. Помимо Центрального и Октябрьского, открыли в Кировском и Дзержинском районах. Кроме того, в 1931 г. была организована амбулатория при Железнодорожной больнице, а через несколько лет и детская поликлиника для подраставшего поколения семей железнодорожников. Появление новых учреждений, обслуживавших эту важную для инфраструктуры Новосибирска профессиональную категорию жителей, усугубило в глазах обывателей впечатление некоторой кастовости железнодорожников, которые жили в «своем» традиционном районе, читали «свою» газету («Сибирский гудок»), посещали «свои» бани и т. д. К 1935 г. в разных районах Новосибирска уже имелась 21 амбулатория, 12 из которых были ведомственными с небольшим количеством кабинетов. Горожане могли в случае необходимости посетить поликлинику или амбулаторию, находившуюся на приемлемом расстоянии от дома.

Обыватели Новосибирска лечились при необходимости в **специализированных консультациях, диспансерах** (их профиль не изменился с 20-х гг.) и **зубных кабинетах**. В городе возрастало число диспансеров и повышался статус некоторых диспансеров, функционировавших на протяжении долгих лет. Так, в 1931 г. открыли нервно-психиатрический диспансер, в 1935 г. от поликлиники № 1 отделился туберкулезный диспансер. Однако его появление не означало исчерпания проблемы оказания противотуберкулезной помощи горожанам. В этом же 1935 г. на газетной полосе отмечалось, что Новосибирск особенно отстал от других городов региона в развертывании противотуберкулезной сети². В 1931 г. нервно-психиатрический диспансер обрел региональное значение, а в 1938 г. кожно-венерологический диспансер получил статус областного. Возрастало количество врачей, работавших в диспансерах, консультациях и зубных кабинетах. В 1930 г. насчитывалось только 153 сотрудника подобных учреждений, в 1934 г. их численность составляла уже 279 человек³.

¹ Донченко Т.С. Поликлиника № 30 // Новосибирск: Энцикл. – С. 683.

² Бибгель Я.И. О борьбе с туберкулезом // Сов. Сибирь. – 1935. – 7 янв.

³ Новосибирск: справочник по городу и району. – С. 364, 368.

Появление новых поликлиник и амбулаторий обычно рассматривалось как важное событие для новосибирцев. Жители городского центра ждали открытия поликлиники № 1. В 1930 г. даже в детском журнале «Товарищ» опубликовали актуальный для того времени рисунок пионера Коли Петрова, на котором изображалось строительство этого учреждения. Новая, общественно значимая стройка, несомненно, привлекала даже детское внимание. Просторное, удобное здание центральной поликлиники отвечало всем последним эстетическим и санитарным требованиям. Граждане, посещавшие это новое, роскошное по тем временам заведение, должны были, согласно идеологическим установкам эпохи, ощущать благодарность вождю за заботу о здоровье пролетариев и гордость за успехи своей страны в развитии социальной сферы жизни. Приходя в поликлинику, горожане, привыкшие ждать своей очереди в душном маленьком коридоре, попадали в большой холл с высоким потолком, пахнувший ремонтом и лекарствами. Здесь даже время, проводимое в очереди, летело быстрее – посетители меньше утомлялись, ведь привычная толчея, теснота и духота практически отсутствовали.

Поликлиника № 1 представляла собой парадный островок благоустроенности и первозданной чистоты в болоте коммунальных неурядиц 30-х гг. Однако во второй половине этого десятилетия в газетах появлялись хвалебно-рекламные статьи о некоторых диспансерах и поликлиниках. Например, отмечалась успешная работа детской консультации № 3, принимавшей ежедневно до 60 детей. Но содержание газетной статьи наводит на мысль о том, что далеко не все родители новосибирских малышей представляли, зачем показывать врачу с виду здоровых детей¹. Сегодня трудно точно сказать, до какого предела терпели болезненное состояние горожане 30-х гг., прежде чем обращались к врачу, и посещали ли доктора в целях профилактики. Все-таки старые амбулатории обладали прежними недостатками: теснотой, скудной материальной базой, вечными очередями больных в коридорах, перегруженностью врачей.

Все эти обстоятельства делали посещение врача хлопотным и неприятным. Писатель И.М. Лавров вспоминал, что его смертельно больной отец говорил о своем самочувствии: «Прихворнул я что-то... Сердце стискивает... Никогда я не совался к докторам, ничего они,

¹ В детской консультации // Сов. Сибирь. – 1935. – 26 дек.

поди, не смыслят. Какие-нибудь барышнешки, свиристелки. Да и отплясал я, видно, свое...»¹. Михаил Лавров так и не обратился к врачу, скончавшись в тот же вечер. Многие в Новосибирске, как и прежде, не долечивались или занимались самолечением. По словам старожила Новосибирска Л.Г. Емельяновой: «От свинки солью лечились, а от кори мама красную лампочку включала»². Показательно, что даже студентка медицинского института Г.Е. Розанова лечилась, по ее собственным словам, только «травками, отварами, настоями»³. «Не до врачей тогда было. Бабки иногда травки давали. Кто послабее от рождения – умирал, кто посильнее – выздоравливал. Болезни переносили на ногах», – вспоминала Л.Н. Новоселова, чье неблагополучное детство пришлось на довоенные годы⁴. Знахари, повитухи и «абортмахеры» не исчезли из повседневной жизни горожан. Они по-прежнему не только помогали новосибирцам справляться с недугами, но и вредили их здоровью.

Известны конкретные случаи печальных последствий подпольных абортов, производившихся и до 1936 г., когда аборт был официально запрещен. В сентябре 1930 г. была осуждена на пять лет лишения свободы за непреднамеренное убийство в результате произведенного в домашних условиях аборта повитуха П. Баурина. Она сделала обратившейся к ней за помощью женщине несколько ртутных уколов, после чего несчастная скончалась⁵. Услуги таких «специалистов» были востребованы не только из-за ущербности государственных амбулаторий и больниц, где постоянно не хватало коек.

Бесплатный аборт в Сибири первой половины 30-х гг. производился только по социальным и медицинским показаниям, которые были далеко не у всех женщин. В 1930 г. отменили абортные комиссии, дававшие разрешение беременным женщинам на подобные операции. Теперь ответственность за принятие решения об аборте возлагалась на врачей консультаций, которые были обязаны заполнить соответст-

¹ Лавров И.М. «Прошло мое детство...»: Главы из романа «Мои бессонные ночи». – С. 23.

² НГПУ. Записано Н.А. Гоженко в 2006 г. в Новосибирске от Л.Г. Емельяновой.

³ НГПУ. Записано А. Агеевой в 2006 г. в Новосибирске от Г.Е. Розановой.

⁴ НГПУ. Записано Е.И. Примаков в 2006 г. в Новосибирске от Л.Д. Новоселовой.

⁵ Спец по абортам // Сов. Сибирь. – 1930. – 7 сент.

вующую карту на каждую пациентку, где фиксировались все необходимые медицинские данные. К карте прилагались документы, удостоверявшие ее социально-имущественное и семейное положение. По этим документам определялось, получит ли пациентка разрешение на бесплатный аборт. Цена аборта зависела от достатка семьи, в которой жила женщина. К примеру, при доходе от 15 до 19 руб. на одного члена семьи аборт стоил 5 руб., при доходе в 40–44 руб. женщина платила 10, при доходе в 75–79 руб. – 20 руб. и т. д. Лица, жившие на нетрудовые доходы, платили за аборт по 40 руб. Ясно, что речь шла о дорогой (составлявшей почти треть месячного дохода) и довольно серьезной операции: после произведенного аборта женщины трое суток оставались в больничной постели. При этом получение разрешения на бесплатный аборт было не самой простой задачей: требовалось быть не лишенной избирательных прав и иметь не менее трех детей¹.

Высокая плата и хлопоты по сбору всех необходимых документов, конечно, отталкивали женщин, желавших скорее и проще решить актуальную для них проблему нежелательной беременности. Тогда на помощь приходили люди, промышлявшие подпольными абортами, в том числе и непрофессиональные медики. Кроме того, по-прежнему сказывалось влияние традиции – в Новосибирск этих лет переселялось очень много крестьян, привыкших к народной медицине. Во второй половине 30-х гг. на «популярности» таких «подпольных специалистов» сказался запрет на аборт 1936 г. По мнению В.Б. Жиромской, правительственный запрет на аборт привел к резкому скачку числа женских смертей вследствие неудачных подпольных аборт. Только за август–ноябрь 1935 г. в Новосибирске от абортов погибло почти столько же женщин, сколько за весь предыдущий год (более 10)². Многие женщины шли на нелегальное прерывание беременности, которое часто приводило к кровотечениям, заражению крови, в худшем случае – к летальным исходам.

Нельзя сказать, что здоровье горожан было безразлично властям: они не только выделяли средства на развитие сети медицинских учреждений, но и разрабатывали программы по улучшению здоровья горо-

¹ [Постановление] № 395 Крайздравотдела 10 июня 1931 г. об абортной помощи населению // Сборник постановлений и распоряжений... – 1930. – № 33. – С. 640–645.

² Жиромская В.Б. Демографическая история России... – С. 29–30.

жан. В 30-е гг. большое внимание уделялось пропаганде здорового образа жизни, что было связано с критической демографической ситуацией: уровень смертности в некоторых регионах превышал уровень рождаемости, значительная часть горожан не доживала до зрелого возраста. В Новосибирске устраивались различные физкультурные мероприятия, которые выполняли еще и функции досуга. В 1930 г. был введен принцип единой диспансеризации населения – метод активного динамического наблюдения за состоянием здоровья всех групп населения, как здоровых, так и больных, позволявший спланировать проведение санитарно-гигиенических, профилактических и лечебно-оздоровительных мероприятий. В диспансеризации по закону участвовали все медицинские учреждения города, поэтому теоретически здоровье новосибирцев находилось под пристальным вниманием медиков, выражавших интересы государства. Другое дело, что тогда мало кто задумывался о нормальном медицинском обслуживании и диспансеризации социальной группы лишенцев, которым был закрыт свободный доступ к поликлиникам и амбулаториям по причине незастрахованности. Кроме того, безусловно, диспансеризация велась в значительной степени формально.

В соответствии с правительственным курсом на уничтожение частного предпринимательства в стране, Новосибирский окрздрав (организация окружного значения, занимавшаяся вопросами здравоохранения) распорядился о ликвидации **практики частных врачей** на территории всего округа. 1 апреля 1930 г. с газетной полосы «Советской Сибири» исчезли объявления о приеме частных врачей, поскольку их кабинеты закрылись. Однако в первые же дни после закрытия частных врачебных кабинетов выяснилось, что их услугами пользовалось значительное число горожан: бывшие нэпманы и «кулаки», которым было отказано в медицинском страховании и приеме в государственных медицинских учреждениях, и застрахованные лица – рабочие и служащие, предпочитавшие лечиться за деньги. Оказалось, что до 10 % застрахованных горожан выбирали не толчею в коридоре бесплатной амбулатории, а более внимательное отношение врача, лечащего в частном кабинете за плату.

Внезапное закрытие частных врачебных кабинетов привело к наплыву населения в государственные амбулатории и поликлиники, которые не могли обслужить такое количество желающих. Ежедневно в приеме стали отказывать более чем двумстам больным, служба скорой

помощи не успевала на все вызовы¹. Поэтому через несколько дней практика частных врачей восстановилась – в городе не была подготовлена достаточная база для ликвидации платной медицины. В 1930 г. продолжали принимать врачи-частники Полянский, Шлирман, Брандт и др. Судя по рекламе, особенно востребованы были дантисты, венерологи, специалисты по женским и ЛОР болезням. В 1932 г. работала даже платная амбулатория врачей-специалистов – доцентов и профессоров всех специальностей². Только к середине 30-х гг. в Новосибирске перестали вести прием частные врачи.

Тяжелые годы на рубеже 20–30-х – 1930, 1932, 1933, ознаменованные голодом, сопровождались всплеском инфекционных болезней, которые легко поражали ослабленные организмы и приводили к высокой смертности городского населения. Новосибирский вокзал остался основным источником распространения инфекций. Весной городское население, особенно в трущобных районах, страдало от дизентерии. Горожанам делали прививки от оспы и брюшного тифа, чтобы предотвратить распространение болезней³. Однако несмотря на усилия государства и врачей по борьбе с инфекционными заболеваниями, от которых постоянно умирали горожане, несмотря на всеобщую диспансеризацию, прививки от тифа и дифтерии, несмотря на рост бюджета здравоохранения и появление новых лекарств, «заразные» болезни оставались вплоть до конца изучаемого нами периода самыми распространенными⁴. Брюшной тиф, паратиф, скарлатина, дифтерия, коклюш, корь, малярия, туберкулез постоянно подкашивали новосибирцев всех возрастов. По мнению историка В.А. Исупова, к началу 1940-х гг. в СССР «был накоплен мощный потенциал по предотвращению преждевременных смертей», но использовался он крайне слабо – сталинский режим резко снизил ценность человеческой жизни, и уровень эффективности здравоохранения оставлял желать лучшего⁵. Новосибирск не относился в 30-е гг. к числу городов, где смертность превышала рождаемость, но лечиться в нашем городе было все-таки проблематично.

¹ Новосибирск // Сов. Сибирь. – 1930. – 3 апр.

² [Реклама] // Там же. – 1932. – 12 янв.

³ Новосибирск – 100 лет: События. Люди. – С. 161.

⁴ Исупов В.А. Городское население Сибири... – С. 79–80.

⁵ Там же. – С. 92–93.

Естественная потребность человека быть здоровым реализовывалась в городе посредственно.

В 30-е гг. возрастало и количество **больниц**. К 1935 г. построили пять корпусов городской клинической больницы № 1, открыли ряд инфекционных больниц, потребность в которых ощущалась наиболее остро. Кроме того, была построена больница на ст. Эйхе, больницы при крупных промышленных предприятиях – на «Сибмашстрое» и «Сибметалстрое». Вообще в этот период в городе имелось 15 больниц и 3 станции скорой помощи. К середине 30-х гг. в больницах возросло число коек и врачей. Если в 1930 г. в больницах города насчитывалось только 670 мест, то в 1935 г. число коек достигло 1805.

Однако для «Сибирского Чикаго» такие темпы роста больничной сети не были достаточными. На рубеже 20–30-х гг., когда менялся экономический и политический курс в Советском Союзе, система медицинского обслуживания в Новосибирске переживала не лучшие времена. Причины были разнообразными: на медицинское обслуживание горожан влияли все основные политические и социально-экономические процессы, характеризующие это время. Начало коллективизации и индустриализации привело к притоку в краевой центр массы новых людей, которые, естественно, болели, и на которых не было рассчитано имевшееся число больничных коек. Известно, что там, где переселенцы – там и инфекционные заболевания, эпидемии. В начале 30-х горожане вновь рисковали заразиться сыпным тифом. Ситуация с нехваткой больничных коек осложнялась тем, что в Новосибирске лечились не только местные, но и приезжие, ведь город был краевым центром.

Тезис о нехватке мест в медицинских учреждениях иллюстрирует следующий пример: из-за вспышки сыпного тифа городские власти были вынуждены распорядиться об устройстве временной больницы в клубе работников государственных учреждений, где на протяжении двух лет и располагалось до 300 пациентов¹. Резкий всплеск заболеваемости новосибирцев сыпным тифом наблюдался в марте 1933 г. Тогда был создан еще один госпиталь на 170 коек в непригодном для медицинских целей здании Института потребительской кооперации. Тифозных больных начали размещать и в лечебницах совершенно иного профиля: в больнице скорой помощи, в туберкулезном

¹ ГАНО, ф. Р-1353, оп. 1, д. 99, л. 43.

диспансере, даже в физиолечебнице. Можно вообразить, какой беспорядок в работу этих учреждений вносило появление заразных больных, которые угрожали распространением инфекции. Места в больнице скорой помощи предоставлялись тифозным, а это влекло за собой отказ в госпитализации тем, кто нуждался в экстренной помощи. Данная ситуация напоминает проблемы десятилетней давности, когда число эпидемических больных сильно превышало количество больничных коек, создавались импровизированные госпитали и лазареты, смешивался контингент пациентов, страдавших разными болезнями.

Несмотря на однозначные минусы в организационных вопросах медицинского обслуживания новосибирцев качество медицинского обслуживания повышалось за счет развития науки и техники. В медицинских учреждениях появлялось новое оборудование, улучшалась материальная база. С 1930 г. в городе начали функционировать два рентгеновских кабинета, работа которых значительно облегчала диагностику заболеваний¹. Однако что и говорить, двух рентгеновских кабинетов для большого города было мало. Хотя все население города вплоть до войны обслуживало только три дежурных врача и пять карет скорой помощи, в больницах появлялись бактериологические лаборатории и новое физиотерапевтическое оборудование². Конечно, эти нововведения не могли компенсировать всех проблем и недостатков системы здравоохранения горожан, которые явно нуждались в лучшем медицинском обслуживании.

Следует сказать и об **аптеках**, к услугам которых горожане обращались с целью выкупить при необходимости лекарства по рецептам и приобрести некоторые лекарственные и косметические средства, продававшиеся без рецептов. В начале 30-х гг. существенные проблемы были и в аптечном деле. Количество аптек не удовлетворяло потребностей горожан – за лекарствами приходилось ехать в центр города. Для жителя городской окраины не представлялось возможным оперативно купить неожиданно потребовавшееся лекарство, скажем, в ночное время. К 1935 г. в Новосибирске имелось только восемь аптек. Новосибирским аптекам не хватало фармацевтов. Это сказывалось на каче-

¹ Вишневский А.С. К истории рентгеновского дела в Сибири и его современном состоянии // Сиб. клинико-профил. журнал. – 1930. – № 6. – С. 133.

² Гусенков П.Б., Натрадзе А.Г., Антонов И.А. Медицинская промышленность и аптечное дело... – С. 175.

стве обслуживания покупателей. К негодованию людей, ждавших изготовления лекарств по рецептам, обычным делом было задерживание выдачи готового препарата, а то и внезапный отказ по причине недостатка нужных медикаментов¹. Все эти недостатки работы аптек вызывали раздражение у горожан и толкали их на самолечение, а то и на отказ от приема лекарств.

Хотя в середине 30-х гг. и прекратились перебои с такими примитивными препаратами, как перекись водорода, валериана и цинковая мазь, ситуация недоснабжения горожан аптечными товарами была привычной и для более позднего времени. Например, в 1936 г. было сорвано снабжение горожан очками². Люди, имевшие проблемы со зрением, не могли купить очки из-за отсутствия в городе необходимых оправ. Простейшей марли не хватало на 40 %. Импортные лекарства вообще поставлялись в аптеки от случая к случаю. В числе дефицитных товаров оказывались эфир и хлороформ. Если обыватель и смог купить данные препараты, то, согласно отчетной документации, в 60 % случаев товар оказывался бракованным, его использование могло привести к необратимым последствиям.

Очереди – вечная проблема советской повседневности, у окон выдачи лекарств по рецептам горожане проводили по 2–3 часа, «наслаждаясь» запахами хлороформа и нафталина. Наконец, обыватель протягивал рецепт фармацевту, и (о, ужас!) тот возвращал рецепт, поскольку последний был неверно оформлен. Несчастных, простоявших три часа в очереди, но не получивших по рецепту необходимые лекарства, отправляли обратно к врачу, неправильно выписавшему злополучный рецепт. Врачи нередко забывали, что на каждое лекарство в аптеке требовался отдельный рецепт³. Аптеки, несомненно, не рассматривались обывателями тем местом, куда хотелось возвращаться снова и снова. Еще бы – доехать с окраины, окончательно утомиться в очереди и уйти ни с чем!

Интересно, что постоянно в продаже имелись широко рекламировавшиеся в 30-е гг., но забытые к сегодняшнему дню медикаменты: «Секаровская жидкость» – вытяжка из семенных желез, укрепляющее средство против истощения, упадка сил, неврастения и полового бес-

¹ ГАНО, ф. Р-1729, оп. 1, д. 5, л. 5.

² Там же, д. 11, л. 7–8.

³ Г. В. «Как в аптеке» // Сов. Сибирь. – 1935. – 8 июля.

сия; «Теолин» – средство против угревой сыпи, чесотки и раздражений кожи; «Офтальмоль» – мазь от конъюнктивита и трахомы и др.¹ Без рецепта отпускались минеральные воды, которые обычно не продавались ранее в аптеках. С середины 30-х гг. теоретически можно было купить контрацептивы, реклама которых впервые появилась в газетах в 1935 г. в рамках кампании по борьбе с абортами. Такие препараты, предупреждающие беременность, как «Преконсоль», «Контрацептин» и «Вагилен» в случае их отсутствия в городской аптеке (а это – стандартная по тем временам ситуация), можно было заказать из Москвы по почте². Однако реклама каждого из этих средств с адресом, по которому принимались заказы, появилась в газете только один раз, поэтому логично предположить, что данные средства не были широко распространены в Новосибирске. Историк Н.Б. Лебина утверждает: несмотря на востребованность подобных средств, купить их было практически невозможно³. Думается к тому же, что некоторым новым, непроверенным и ранее им не известным средствам горожане доверяли мало. В аптеках можно было также купить товары санитарии и гигиены, ассортимент которых расширился по сравнению с предыдущим десятилетием.

«С ростом материального и культурного уровня трудящихся все больше людей прибегает к услугам аптек», – писал журналист «Советской Сибири» летом 1935 г.⁴ Реклама косметических средств, продававшихся главным образом в аптеках, все чаще стала появляться на страницах периодических изданий. В 30-е гг. советских людей начинают знакомить не только с кетчупом, но и с зубной пастой, зубным порошком, кремом для лица, шампунем и пудрой. Из рекламы новосибирцы узнавали, что «пышность волос и уничтожение перхоти достигается при мытье головы жидким мылом или шампунем»⁵. Очевиден прогресс в развитии санитарно-гигиенической культуры горожан: если в 1920 г. далеко не все знали, что на свете существуют средства избавления от вшей, то к концу 20-х гг. обыватели начинали задумываться о борьбе с такими физическими недостатками, как неприятный запах изо

¹ [Реклама] // Сов. Сибирь. – 1935. – 26 июля.

² Там же. – 21 июля; 23 июля; 26 июля.

³ Лебина Н. Б. XX век: Словарь повседневности. – С. 98.

⁴ Г. В. «Как в аптеке».

⁵ [Реклама] // Сов. Сибирь. – 1932. – 18 февр.

рта (становилось известно, что «зубы с темным налетом уродуют даже самое красивое лицо, а дурной запах изо рта действует отталкивающе»¹), перхоть и раздражение кожи после бритья. Теперь наиболее чистоплотные обыватели запасались первыми советскими зубными пастами «Хлородонт» и «Одентин» (позже появились «Санит» и «Дентин»), пользовались мылом с лечебными, по заявлению рекламы, свойствами – «Гален – Москва», «Карболовое», «Дегтярное», «Борное», «Ихтиоловое», «Салициловое» и «Креолиновое»². Ухоженный горожанин 30-х гг. благоухал цветочными одеколонами «Мимоза», «Орхидея», «Душистый горошек», а модная горожанка была напудрена «Гвоздикой», «Анютины глаза» или, скажем, «Белой ночью»³. Примечательно, что перед войной даже пудре стали давать идеологизированные названия, типа «Герой Севера» (для сравнения, традиционные – «Камелия» и «Пушок») ⁴, но не известно, влияло ли это на выбор продукции покупателями. Привлекательная реклама 30-х гг., украшавшая газетные полосы в тяжелейшее для страны время, как и нескончаемые фотоснимки безмятежных, слащавых, улыбающихся лиц, была призвана создать иллюзию благополучия: мол, советский гражданин красив, материально обеспечен и счастлив. Сказывалось и распространение массовой культуры и того, что философ Н.А. Бердяев называл «цивилизацией», которая возникает как следствие демократизации культуры и характеризуется, кроме всего прочего, пристальным вниманием к внешним и материальным сторонам жизни, к моде и комфорту.

Историк Е. Жирицкая выявляет идеологический контекст отношения к косметике и парфюмерии в 1930-х гг. Согласно выводам исследователя, в 20-е гг. косметические средства, духи и одеколоны еще твердо ассоциировались с буржуазией и другими классовыми врагами, поэтому использование этих средств вредило репутации советских граждан. Но массовая нечистоплотность населения страны уже в начале 20-х гг. грозила серьезными проблемами: распространением инфекций, мором, демографическим кризисом. Важно учесть то, что неприятный запах способен молниеносно вызывать самые отвратительные

¹ [Реклама] // Сов. Сибирь. – 1930. – 9 февр.

² Там же. – 1937. – 5 янв.; 1938. – 8 февр.

³ Там же. – 1930. – 15 сент.; 18 сент.; 1932. – 22 февр.; 1937. – 27 апр.

⁴ Там же. – 1938. – 5 февр.

ассоциации, поэтому «идеологам советской элиты нужно было создать для рабочих новый ароматический код»¹. К началу 30-х гг. начинается идеологически обусловленная борьба за безупречную чистоту тела и помыслов советского человека, приходит понимание простого принципа: приятный запах располагает, вызывает сильные положительные эмоции. А приятные чувства должны были связываться только с государством и его вождем. Поэтому появляется новая советская косметика и парфюмерия, которые все чаще выпускаются под названиями идеологического характера. Приятные запахи должны были закреплять положительные эмоции за событиями и понятиями из советской жизни. Так парфюмерия и косметика стали средством пропаганды.

В воспоминаниях старожилов присутствуют сюжеты об использовании косметики и парфюмерии марки «ТЭЖЭ» (в 1936 г. открылся специализированный магазин ленинградской фабрики «ТЭЖЭ», производившей духи, губные помады и пудру). Женщины, особенно имевшие на то достаточные материальные средства, стали покупать косметику. Однако трудно сказать наверняка, насколько популярны среди городского населения были шампуни и зубные пасты – косметические новинки 30-х гг. Во всяком случае, распространенная частушка «На щеках ”ТЭЖЭ“, / На губах ”ТЭЖЭ“, / Целовать где же?»² свидетельствует о некоторой непривычности к использованию простых по меркам сегодняшнего дня косметических средств горожанами и горожанками.

Как и на предыдущем этапе, мылись городские обыватели преимущественно в **общественных банях**. В 1930-е гг. происходили некоторые изменения в области развития банного хозяйства Новосибирска и санитарно-гигиенической культуры горожан. Частновладельческие бани закрылись. Это обстоятельство усугубило недостаток бань в Новосибирске, однако число коммунальных помывочных постепенно прибывало. Еще в 1928 г. в Новосибирске образовался банно-прачечный трест как самостоятельная хозяйственная единица. В 1929–1941 гг. количество коммунальных бань колебалось от трех до семи. Существовали и бани ведомственные, однако они не отличались внушительной пропускной способностью. К примеру, в 1932 г. в городе имелось 14 ведомственных бань вместимостью чуть более 300 человек,

¹ Жирицкая Е. Указ. соч. – С. 255.

² Телегина Г.И. Ностальгия. – С. 86.

что не превышало вместимости пары коммунальных бань. Использовались ведомственные помывочные только рабочими тех предприятий, в ведении которых они находились. Лишь две бани из них – железно-дорожная и горздрава – время от времени обслуживали всех желающих. Хотя бани работали по 20 часов в сутки, среднее число помывок на человека в год составляло всего 11,5 в банях ведомственных и 13,2 – в коммунальных¹. Среднестатистический горожанин мылся в городской бане всего один раз в месяц. Этот вывод, сделанный на основе статистических данных, подтверждается и воспоминаниями. Л.Д. Новоселова – старожил Новосибирска, чье довоенное детство протекало в непростых условиях неполной, многодетной семьи, рассказала следующее: «Мылись раз в месяц, ходили в баню. Очередь была огромная. Да и денег баня стоила»². Особенно плохо обстояло дело на городских окраинах, где существовали только ведомственные бани, недоступные большей части местных жителей. В семье Л.Г. Емельяновой, жившей до войны на ул. Белинского в Закаменском районе Новосибирска, «мылись примерно раз в неделю» дома в оцинкованной ванне, а в городскую баню ходили очень редко³.

Единовременная пропускная способность бань (относительно численности населения) на рубеже 20–30-х гг. снижалась, ведь количество горожан быстро увеличивалось. В 1936 г. бань насчитывалось семь с общей пропускной способностью 861 человек в день⁴. Это свидетельствовало о некотором (весьма скромном) прогрессе банного хозяйства. Тем более, что к этому времени в банях «улучшилось культурно-бытовое положение», а трест стал перевыполнять планы по пропускной способности. В эти годы в банях можно было не только помыться в лучших санитарных условиях, нежели прежде, но и принять ванну, пройти прожарку вещей от вшей, посидеть в буфете, посетить парикмахерскую. Разные бани предоставляли разный комплекс услуг. Рекламное объявление 1935 г. гласило: «Бани проводят индивидуальную и коллективную помывку, а также санобработку»⁵.

¹ Город Новосибирск и район. – С. 160.

² НГПУ. Записано Е.И. Примаков в 2006 г. в Новосибирске от Н.Д. Новоселовой.

³ Там же. Записано Н.А. Гоженко в 2006 г. от Л.Г. Емельяновой.

⁴ Коммунальное хозяйство РСФСР к началу 1937 г.: краткий стат. справ. – М., 1938. – С. 45.

⁵ Новосибирск: справочник по городу и району. – С. 2.

В банях 1930-х гг. сохранились общие отделения и появились номера разного уровня комфорта: с ваннами и без, обыкновенные и улучшенные. Мытье в номерах было в 10 раз дороже, чем в общих отделениях. Однако в новых небольших банях номеров не было вовсе. Кроме того, сохранялись большие очереди и толчея, поэтому выражение «банный день» имело буквальный смысл. Врач Г.Е. Розанова, жившая и работавшая в Новосибирске, рассказала, что очереди в баню на Красном проспекте, которую она старалась посещать еженедельно, были огромными, поэтому иногда на баню уходил целый день. Это утомляло, тем более, что иногда у рассказчицы имелась возможность мыться в домашней баньке в с. Колывань. Домашняя баня запомнилась как место отдыха, где можно было не только привести в порядок свое тело, но и расслабиться, выпить вкусного холодного кваса¹.

Старожил Новосибирска Т.И. Паночева вспоминает, что даже в послевоенное время в городе бань было мало. «Мы ходили на ул. Коммунистическую. Народу там было очень много – сидели, выжидали свою очередь часами, выкрикивали номера по билетикам. Прежде чем попадешь в баню, надо было пройти прожарку вещей от вшей. Давали нам бумажку наподобие справки, что прошел прожарку», – вспоминает мемуаристка². В 1931 г., согласно официальным подсчетам, коммунальные бани удовлетворяли около 25 % потребностей населения в помывках, а ведомственные смогли принять только 20 % потенциальных посетителей³.

Стоит учесть, что обыватели, проживавшие в разных районах города, не были в равной степени обеспечены банными услугами. С расширением городской черты Новосибирска на рубеже второго и третьего десятилетий XX в. особенно слабо обеспечены банями оказались городские окраины. Домашние бани были далеко не у каждого жителя городской периферии, да и, как вспоминают старожилы, часто топить свою баню было дорого. Население с. Усть-Иня пользовалось коммунальными банями, вошедшими еще в 1928 г. в трест: банями № 3 (ул. Большевицкая, д. 49) и № 7 на углу Большевицкой и Никитина. Баня № 3 длительное время стояла закрытой, начала вновь работать

¹ НГПУ. Записано А. Агеевой в 2006 г. в Новосибирске от Г.Е. Розановой.

² Там же. Записано А.Е. Самшудиновой в 2001 г. в Новосибирске от Т.И. Паночевой.

³ Город Новосибирск и район. – С. 160.

только в 1937 г. Она отличалась наличием буфета и парикмахерской, поэтому жители Усть-Ини, посещавшие ее, могли воспользоваться данными услугами. В этой бане можно было принять ванну, посетить улучшенное мужское и женское отделения. Однако стоили такие удовольствия значительно дороже, чем обычная «помывка». Ближе к Усть-Ине находилась баня № 7, где имелись обыкновенные, не особенно удобные общие мужские и женские отделения и дезокамера. В строящемся на левом берегу Оби социалистическом городке при заводе «Сибкомбайн» также открыли баню, которую могли посещать недавние крестьяне левобережья и прибывавшие на строительство завода рабочие. Однако, судя по справочникам, обеспеченность населения окраин банями была недостаточной – гораздо хуже, чем в центральной части Новосибирска.

В общем, в предвоенное десятилетие банный вопрос оставался слабо решенным для горожан Новосибирска, тем более, что к крупным проблемам (малое количество бань) постоянно добавлялись более мелкие неприятности: перегруженность водопроводной сети и перевод отдельных бань на использование местных водокачек, перебои с подачей горячей и холодной воды, износ инвентаря и т. п. В феврале 1937 г. «Советская Сибирь» писала, что в ипподромской бане вместо веников дают метлы («веники зимней заготовки» – не менее комичные, чем булгаковская «рыба второй свежести»).

В духе времени изменилась и ситуация с городскими **парикмахерскими**. С окончанием нэпа пришел конец частным парикмахерским, где «за три капли одеколона брали по четвертаку»¹, и парикмахерских вновь перестало хватать. В 1930 г. их насчитывалось только 8 и лишь в 1935 г. стало 26. По данным 1935 г., жители всех районов города могли посещать парикмахерские в своем районе. Но преимущественно парикмахерские располагались в центре города. В Дзержинском р-не существовало 16 парикмахерских, в Октябрьском – 9, зато на все левобережье приходилось только три парикмахерских, а на окраинный р-н Эйхе – пять. Парикмахерские устраивались преимущественно в людных местах – в помещении вокзала, паровозного депо, в больших банях, при гостиницах. По окраинам парикмахерские устраивались в бараках рабочих городков².

¹ Андреевич Г. Мелочи сибирской столицы.

² Новосибирск: справочник по городу и району. – С. 309.

Старожилы вспоминают, что парикмахерские 30-х гг. посещали и мужчины, и женщины, и взрослые, и дети. Посетители неизменно сидели в очередях, которые отличались особенной длиной по выходным. На стрижку нужно было отводить целый день. В книге жалоб одна из горожанок написала: «Сидела в парикмахерской пять часов. Дошла до полного обалдения, и только когда я попросила жалобную книгу, парикмахер сказал, что пришла моя очередь стричься!»¹.

Другая, предсказуемая для исследователя повседневности тех лет, проблема парикмахерских – антисанитария. Брезгливый обыватель, усаживавшийся в грязное кресло, просил парикмахера дезинфицировать бритву спиртом и приходил в бешенство, когда парикмахер приступал к бритью его лица, цинично ответив, что спирт лучше выпить. Вместимость парикмахерских оставалась незначительной, но и цена услуг была невысокой. Посетители могли попросить мастера сделать стрижку или завивку – либо паровую, либо с помощью раскаленной на огне плойки. Модные завивки и стрижки 30-х гг. сегодня можно видеть на фотоснимках, где запечатлены горожане из среды простых рабочих и служащих. Новосибирский врач Г.Е. Розанова вспомнила моду 30-х гг. на завивку, которую называли в быту «папильоткой» – ее носила сама рассказчица. Припомнилась ей и стрижка, называвшаяся в духе времени «комсомолкой»².

Показательно, что жители окраин часто не помнят городские парикмахерские или вообще думают, что таковых до войны не существовало. В бедной семье Л.Д. Новоселовой не было денег на посещение парикмахерской, и детей стригла мать. По словам Л.Г. Емельяновой, на Закаменской окраине города вообще мало задумывались о красоте прически. Женщины и девочки носили косы, которые очень редко стригли, заплетали после мытья головы и старались не распускать. Волосы мыли золой и мылом, использовали даже хозяйственное, которое пытались «смягчать» дождевой водой. После мытья волосы смазывали постным маслом, чтобы легче было причесываться.

Мыслящая материалистически советская власть обещала в 1930-х гг. народу СССР комфорт и «достойную», обеспеченную жизнь, понимая, что «тело – не часть человека, а весь человек», что «быть – это значит

¹ Фрей Э. В парикмахерских // Сов. Сибирь. – 1935. – 2 авг.

² НГПУ. Записано А. Агеевой в 2006 г. в Новосибирске от Г.Е. Розановой.

быть телесным»¹. Телесный и физический комфорт составляет одну из наиболее фундаментальных и острых потребностей любого человека – это каждому понятно. Однако в стране не было достаточных средств на развитие медицины, аптечного дела, банного хозяйства – они не считались приоритетными сферами вложения финансов. Фундаментальные потребности людей не могли реализовываться должным образом. Это влияло на качество жизни, на психологическое состояние людей, постоянно переживавших стресс из-за столкновений с ущербной городской инфраструктурой. Поэтому не только политика, но и повседневность воспринимались обывателями как борьба. Благодаря идеологическим установкам не составляло труда найти «виновников» вредительства, коими становились врачи, парикмахерши, кассирши бань – кто угодно, ведь нереализованность потребностей вызывала в обывателях агрессию, которой нужно было давать выплеск.

2.4. Городская мода и проблемы с одеждой

Места, где горожане могли купить одежду, в 30-х гг. несколько изменились. Государство стремительно устраняло частную торговлю, поэтому выбор магазинов сокращался. Исчезали мелкие магазинчики, лавочки и торговые палатки на базарах. В первой половине 30-х гг. в городе еще работали магазины акционерных сетей «Акорт» и «Сибторг», функционировали магазины Центральной рабочей кооперации, которые подчинялись государству и фактически становились частью государственной торговой сети. В начале 30-х гг. кооперативные торговые предприятия в плановом порядке снабжали бюджетные и производственные организации дефицитной одеждой, каковой могли оказаться даже обычные валенки². Карточное снабжение первой половины 30-х гг., о котором уже говорилось в параграфе о питании, распространялось и на одежду. Такие дефицитные вещи, как пальто, костюмы и обувь были доступны далеко не всем. Подобные вещи продавали ударникам производства по особым ордерам, дефицитными вещами премировали на предприятиях за особые трудовые успехи³.

¹ Круткин В.Л. Онтология человеческой телесности. – Ижевск, 1993. – С. 16.

² [Реклама] // Сов. Сибирь. – 1930. – 24 янв.

³ Инструкция о преимущественном снабжении ударников... – С. 58.

Получалось, что лишь рабочие и служащие государственных учреждений могли рассчитывать на стопроцентное получение теплой обуви к зиме, в то время как лица, принадлежавшие к категории «лишенцев», и крестьяне, приезжавшие в город за покупками, понимали, что лучше пойти на «барахолку» – там больше шансов купить нужную одежду и обувь, пусть и втридорога. На новосибирской «барахолке» выставляли продукцию собственного производства местные кустари и представители ремесленных мастерских, которые только в 1935 г. лишились права изготавливать и продавать одежду, головные уборы и обувь¹. Предполагалось, что на вещевом рынке горожане могут сбыть собственные ненужные, поношенные вещи. Однако с конца 1930-х гг. на барахолках была разрешена торговля новыми вещами. Естественно, вещевой рынок был местом скопления спекулянтов, которые притворялись людьми, торгующими по случаю, либо кустарями, которые продавали товары собственного производства. Именно у спекулянтов всегда можно было купить желаемые вещи, конечно, в пределах фантазии 30-х гг.

Кроме того, в поисках подходящей одежды и обуви было целесообразно посетить комиссионные магазины, ассортимент которых был гораздо более широким, чем после войны. Ставя цель купить какую-либо часть туалета, нелишним в те годы было просмотреть газетные объявления о продаже вещей с рук. В беспокойное третье десятилетие XX в. горожане, случалось, срочно распродавали дорогую качественную одежду. Впрочем, не только одежду: в список того, что продается, включались самовары, ковры, кресла, венские стулья, рояли и многое другое. Стремились ли хозяева успеть распродать «добро» до государственной конфискации имущества, срочно уезжали ли, история умалчивает. Но даже в 1932 г., в период снабжения по карточкам, газетные объявления гласили о продаже дамского плюшевого пальто с воротником и манжетами из выдры, дохи из суслика, черной жеребковой дошки, илькового воротника² и прочих нестандартных, можно сказать, изысканных и даже экстравагантных вещей.

В 1932 г. на страницах местных газет появляется реклама «Торгсина»³ – магазина сети торговли с иностранцами. Конечно, доступ горо-

¹ Маргиналы в социуме. – С. 156.

² [Объявление] // Сов. Сибирь. – 1932. – 16 янв.; 17 янв.; 19 янв.; 21 марта.

³ [Реклама] // Там же. – 6 марта.

жанам в «Торгсин» был ограничен, однако ассортимент одежды и обуви, выставившейся на прилавках «Торгсина», потрясал воображение среднестатистического новосибирца. Были в городе и другие государственные коммерческие магазины, отпускавшие товары за обычные советские рубли, но по завышенной цене. Наконец, если купить необходимые вещи не удавалось, оставалась последняя возможность – сшить в ателье на заказ, либо самостоятельно. Домашнее шитье одежды было весьма распространено в 30-е гг.

На рубеже десятилетий в повседневную жизнь горожан вернулась **карточная система распределения одежды**, а вместе с ней и проблема дефицита. Почуввав близость новых социально-экономических потрясений, горожане стремились сберечь «на черный день» даже откровенное рваньё. Пресса призывала сдавать утильсырьё, а какая-нибудь тетушка Матрена жалела четыре пары «отказавшихся служить пимов», три дырявые шерстяные шали, семь пар старых галош и ботишков и еще пять кг разного тряпья¹. В газетах вновь стали появляться объявления, в которых содержалась просьба вернуть за вознаграждение, скажем, серую дамскую туфлю, утерянную в новогодний вечер гражданкой Михалевской по дороге в театр². Серая замшевая туфелька для тех лет – почти хрустальный башмачок, Михалевской было о чем тужить. А некий гражданин просил, используя газетное объявление, вернуть за вознаграждение утерянную кожаную перчатку – дорогую, дефицитную вещь³. Это легко объяснить. Готовое платье и обувь приобретались по членским книжкам Центральной рабочей кооперации и заборным карточкам «Акорта», да и то в очередь. Горожане по-прежнему покупали в магазинах города и на «барахолках» преимущественно ткани и самую простую обувь, которая часто оказывалась недоступной.

В тяжелом для страны 1930 г. плохо было все: деревенских родственников раскулачивали, продукты тяжело было достать даже по карточкам, попасть на прием к врачу было проблематично. Наконец, оказывалось, что в апреле, когда новосибирские улицы покрылись лужами и грязью, а старые галоши перестали быть пригодными к носке, простых резиновых галош в городе невозможно было купить даже по талонам! У мамаш появилась новая забота: как обуть детей, выросших за

¹ Мишле М. Чулан Матрены Петровны // Сов. Сибирь. – 1930. – 8 янв.

² [Объявление] // Там же. – 4 янв.

³ Там же. – 1932. – 5 февр.

зиму из прошлогодних галош, ведь детские галоши исчезли с прилавков магазинов. Мать семейства отправлялась на «барахолку» и, если ей везло, отыскивала галоши, предлагавшиеся по спекулятивной цене. Радовала при такой жизни, видимо, только перспектива «светлого будущего» и вера в преходящий характер сегодняшних проблем.

Безусловно, в городском сообществе имелись и люди, свято верившие в скорые перемены к лучшему, и недовольные ситуацией. Отношение к условиям повседневной жизни в значительной степени зависело от социального статуса человека: от рода занятий, заработков, партийности и степени идеологической «подготовленности», личных связей и возможностей, возраста, семейного положения, наконец, от таких субъективных факторов, как характер человека и его настроение. К примеру, такой человек, как отец писателя И.М. Лаврова, чья личность описана в романе «Мои бессонные ночи», испытывал лишь раздражение и злость, наблюдая в 30-х гг. за повсеместными переменами в жизни. Немолодой, неграмотный, привыкший зарабатывать деньги частным извозом и потерявший привычную работу, обремененный большой семьей, агрессивный, нервный, угрюмый и вообще «старорежимный» Михайла Лавров испытывал в конце своей жизни уныние и разочарование, его все вокруг «нервировало». Городская молодежь чаще была настроена оптимистически. Старшеклассник Илюша Лавров был счастлив час дрожать на морозе в тонких осенних ботиночках у крыльца любимой девушки, дожидаясь ее возвращения с комсомольского мероприятия. Стельки ботинок примерзали к носкам, ноги обмороживались, но это не вредило ощущению счастья и полноты жизни.

Вернемся, однако, к сюжету с «барахолкой». На **вещевом рынке**, как и в прежние годы, можно было найти самые разнообразные вещи. Ведь, потеряв возможность заниматься частной предпринимательской деятельностью, многие люди шли на хищения и спекуляцию, получали незаконный доход и «помогали» обывателям удовлетворить их насущные потребности. «Спекулянты» и «расхитители государственного имущества» – это такая же примета времени, как и «враги народа». В 1930 г. в Новосибирске за хищение товаров в особенно крупных размерах осудили продавцов торговой сети «Акорт». А по всей стране хлопчатобумажные ткани, шерсть, сукно, кожи, обувь, галоши и трикотажные изделия оставались самыми распространенными предметами

спекуляции¹. Только в мае 1935 г. в Новосибирске задержали более 600 спекулянтов, многие из которых перепродавали одежду². Обывателя, плутавшего по рынку в поисках торговца обувью, неожиданно одергивал за рукав незнакомец, предлагал купить надетые на нем ботинки 41-го размера. Покупатель соглашался, а продавец незаметно извлекал из небытия новенькие ботиночки, точно такие же, как у него, только ненадеванные. За такое чудо покупатель платил кругленькую сумму и спешил скрыться с места незаконной сделки. Кусочек материи, неряшливо торчавший из кармана пальто женщины, слонявшейся по базару, мог означать скрытое предложение купить ткань, образец которой и выставлен таким образом напоказ. А старуха, продававшая единственные «собственные» трусы, оказывалась спекулянткой, у которой в мешке было спрячено еще 50 таких же трусов и столько же маек.

Большому городу требовалось много одежды. **Городские магазины** постоянно наполнялись очередями. В очередях толпились спекулянты, скупавшие в магазинах и без того ограниченный по количеству товар. Очереди сопровождались давками и неизбежной руганью. Старожилы города вспоминают, что обслуживание в магазинах часто было плохим. Дорогие товары продавцы часто отказывались показывать, заявляя, что «такую дороговизну» все равно не купят. Одежда и ткани в магазинах выставлялись в свернутом виде, что усложняло выбор.

Но стоит также отметить, что одежда занимала далеко не первую строку в предполагаемом списке трат обывателей. В первую очередь деньги тратили на еду, на необходимый ремонт жилья и стройку. Однако нарядно выглядеть хотелось, поэтому мы и видим сегодня на городских снимках 30-х гг. нелепые банты на старых платьях, простенькие белые ленточки в косичках девочек, дешевые безвкусные бусы, линялые меховые воротники в художественной растушевке и прочие «изыски моды». Такие детали характерны и для снимков горожан из рабочей среды, и для фотографий служащих, словом, для ограниченного в средствах большинства населения Новосибирска 1929–1941 гг. (см. рис. 23). Известны случаи, когда перед фотографированием «модели» менялись платьями, чтобы казаться одетыми во все новое. Просили у знакомых «что-нибудь приличное из одежды», не желая быть

¹ Маргиналы в социуме. – С. 160.

² Шешегова А. Спекулянты // Сов. Сибирь. – 1935. – 16 сент.

«навсегда» запечатленным на фото в старом, поношенном и надоевшем костюме; надевали на детей большие им пиджаки или брюки, чтобы те солиднее выглядели. Особенно хотелось «нарядиться» в предвоенные годы, когда в моду входили считавшиеся прежде буржуазными излишествами перманентная завивка, маникюр, белоснежные сорочки и вечерние платья. Именно в эти годы «первый парень» Кагановичевского р-на Илюшка Лавров, уехавший вскоре на Кузнецкстрой, бегал на танцы в парк Сталина, облачаясь в белую спортивную майку, широкие брюки и «шикарные» брезентовые туфли, натертые для особой белизны зубным порошком¹.

К середине 30-х в городской среде СССР формируется новая эстетика, «меняется представление о счастье, которое начинает ассоциироваться с домом, где ... свежий ветер надувает снежно-белые занавески ... где женщины одеты в крепдешин и креп-жоржет», в мечтах «будничная косоворотка меняется в праздник или для похода в театр на бостоновый костюм и сорочку с галстуком». В мечтах – «он в пальто с каракулем, она – с “норочкой”»². Все это имелось только в «Торгсине», все это можно было купить за валюту или за золото, если бы оно было...

Новосибирский «Торгсин» действительно предлагал сказочный ассортимент одежды. Счастливицы, имевшие возможность посещать «Торгсин», лицезрели на его прилавках шерстяные джемпера и пуловеры, блузы из вискозы и жилеты, жакеты и кашне, детские костюмы и дамские шерстяные юбки и платья. Покупатель мог подобрать себе по размеру кальсоны и панталоны, сорочку или спортивную майку, купить модную рубашку или традиционную косоворотку. На витринах красовались кожаные мужские, женские и детские сапоги, обувь фетровая и валяная, сандалии и боты. Здесь выставлялись на продажу всевозможные меха³. Продукция «Торгсина» казалась недоступным шиком. Хотя новосибирский «Торгсин» преимущественно выполнял и перевыполнял план продаж, все-таки одежда, особенно дорогая, зачастую попадала в список неходовых товаров.

Старожилы Новосибирска, которым мы задавали вопрос, посещали ли они «Торгсин», слышали или нет об его ассортименте от знакомых,

¹ Лавров И.М. Мои бессонные ночи. – С. 137.

² Козлова Н.Н. Горизонты повседневности советской эпохи ... – С. 186.

³ ГАНО, ф. Р-356, оп. 1, д. 57.

обычно посмеиваются, отрицательный ответ всегда предсказуем¹. «Торгсин» ассоциировался с чудом и пороком, с воплощением недостижимой мечты, с обманом и криминалом. Не случайно именно там появляются фантастические булгаковские герои из свиты Воланда: Кот Бегемот и Коровьев, устраивающие поджог, громя воплощение «человеческой скверны», которую не может, по версии философа А. Зеркалова, выносить даже дьявол². Непосредственной героине отечественного шансона Мурке, которая «завязала» с воровской жизнью, ее старые товарищи бросают суровый упрек – мол, одумайся: «Раньше ты носила юбки из “Торгсина”, лаковые туфли с каблуком, а теперь ты носишь рваные галоши...». Кстати сказать, резиновые калоши в «Торгсине» тоже продавались – здесь, кажется, было все. Поэтому исследователи отмечают, что вокруг «Торгсина» постоянно и очень активно велась спекуляция, работали валютчики, перекупщики, сутенеры и прочие представители не только теневого рынка, но и настоящего криминального мира³.

Хорошая одежда и обувь были доступны новосибирцам и через посредство менее изысканных коммерческих магазинов сети государственной торговли, таких, как павильон «Союзунивермага» на Ипподромском базаре, где можно было купить текстиль, обувь, головные уборы и меховые изделия. Комиссионные магазины в 30-е гг. сами назначали цену, поэтому они притягивали подпольных предпринимателей, сдававших на комиссию такие вещи, каких было не найти в магазинах государственной торговли.

Партийная элита города имела собственные источники пополнения гардероба. К примеру, в 100-квартирном доме, где проживали власть имущие, существовала обувная мастерская облисполкома. Там, по воспоминаниям старожилов Новосибирска, «шили туфли для жен начальников»⁴. «Жена начальника» – женщина из кругов новой советской элиты (партийной, чиновничьей, военной), из круга специалистов или творческой интеллигенции – обычно хорошо одевалась. У нее бы-

¹ См., например: НГПУ. Записано автором в 2002 г. в Новосибирске от В.Г. Дугалюкова и Т.Р. Дугалюковой.

² Зеркалов А. Этика Михаила Булгакова. – М., 2004. – С. 144.

³ Горшкова Н.А. Указ. соч. – С. 32.

⁴ НГПУ. Записано О.И. Матвеевой в 1997 г. в Новосибирске от Я.Е. Евдокимова.

ли и модные платья из благородных тканей с кружевными воротничками, и лаковые туфли, и шелковое белье, и дорогие меха... В Новосибирске можно было заказать модное платье портнихе. Старожилы вспоминают, что до 1937 г. этим ремеслом занимались даже иностранки. Так, в среде архитекторов нашего города спросом пользовались платья, которые шила американка Югас¹. Дамы месяцами ждали у нее своей очереди. Работали в городе и государственные ателье, например, «Ростекстильторг», которое принимало заказы на пошив дамского верхнего и нижнего платья, мужских сорочек, халатов, пижам из трикотажного полотна.

Продукция, изготавливавшаяся на местных предприятиях легкой промышленности, не отличалась разнообразием и не особенно впечатляла модников, однако все равно раскупалась горожанами. Многие горожанки были вынуждены самостоятельно шить одежду для всей семьи. Нередкий эпизод устных воспоминаний старожилов нашего города – простенькие детские платьица и рубашечки, сшитые заботливыми мамиными руками.

Конечно, в Новосибирске 30-х гг. встречались разные типы: и модники, и люди, одетые во что придется. Но в целом модные западные тенденции, если в какой-то мере и доходили до «Сибирского Чикаго», то с существенным опозданием. К тому же в 30-х гг. советские модельеры по идеологическим соображениям пытались создать собственную, независимую от Запада «социалистическую» моду, широко используя национальные мотивы в украшении костюма. Приоритетными принципами в создании советских моделей одежды стали простота и дешевизна. Одежда должна была легко стираться и долго служить. В эстетическом смысле одежда оставалась довольно скромной: юбки сравнительно длинными, вырезы блузок и платьев – неглубокими. Женщины еще практически не носили брюки, зато повсеместно, даже в городах, в холодное время года надевали традиционные платки и косынки².

В это же время на Западе происходил небывалый расцвет моды. В моду входила небрежная элегантность, в дамских туалетах подчеркивалась женственность. Это – время Коко Шанель, Эльзы Шапарелли,

¹ Телегина Г.И. Указ. соч. – С. 87.

² Азибеян Н.О. История развития швейной отрасли и моды в России. – С. 84–85.

Эдуарда Молине, Марселя Роше и других выдающихся модельеров. В то время, как голливудские звезды с экранов демонстрировали вызывающе открытые спины, увешанные дорогими бусами, и небрежно набрасывали на плечи, поверх шикарных вечерних платьев с широкими юбками, песцовые и соболиные меха¹, новосибирские модницы радовались ситцевому платью в красный цветочек. Образ любимой девушки – молодой актрисы Тони – ассоциировался у писателя И. Лаврова с цветастым ситцевым сарафаном.

Однако заметно, что некоторые менее очевидные тенденции западной моды все-таки влияли на внешний облик новосибирцев. Это и популярность спортивной одежды, и коротенькие белые носочки горожанок в сочетании с туфлями на плоской подошве, и юбки в складку, и широкие мужские брюки, появившиеся мужские свитера и береты. Такие детали костюма время от времени присутствуют на фотографиях горожан и горожанок (см. рис. 22). Однако часто они сочетались с совершенно устаревшими и откровенно не новыми. К примеру, на белые носки можно было натянуть калоши или стоптанные башмаки...

На внешний облик горожан влияли также процессы и события местной жизни. В 1929–1930 гг. Новосибирск существенно вырос территориально. Официально горожанами стали те, кто длительное время с близкого расстояния наблюдал за жизнью Новосибирска, но официально сохранял крестьянский статус. «Инюшка – не деревня, а если и деревня, то только юридически. Главное занятие инюшенцев – мелкая базарная спекуляция, перепродажа и самогонное производство», – писал журналист Сурский в мае 1927 г. после скандального столкновения крестьян Усть-Ини с экскурсией городских школьников². Крестьян окрестных деревень, особенно самой близкой к городу Усть-Ини, раздражало вторжение горожан на их территорию, они не хотели присоединения своих сел к городу³, но теперь жители вновь возникших городских окраин были вынуждены включаться в городскую жизнь. Кроме того, рубеж 20–30-х гг. – это время наплыва в Новосибирск крестьян, бежавших от коллективизации и стремившихся закрепиться в

¹ Которн Н. История моды в XX в. – М., 2002. – С. 28.

² Сурский Е. Неслыханное хулиганство // Сов. Сибирь. – 1927. – 12 мая.

³ Косякова Е.И. Правовые и социокультурные аспекты советской урбанизации в восприятии пригородных крестьян // Жить законом: правовое и правоведческое пространство истории. – Новосибирск, 2003. – С. 174–198.

городе. Многие выходцы из крестьянской среды искали себя на промышленных стройках Новосибирска, которыми озаменовалась сталинская индустриализация. Таким образом, в процессе урбанизации деревенская и городская формы культуры вступали в непосредственное соприкосновение, что живописно проявлялось во внешнем облике горожан.

Маргинальность жителей рабочих городских окраин проявлялась и в их манере одеваться. Одна из городских окраин Новосибирска – Большая Нахаловка, по воспоминаниям ее бывшего обитателя А. Тростнецкого, «являла собой странную смесь из черт нарождавшегося индустриального города и уклада сельской патриархальной жизни, которую перенесли сюда переселенцы из сел и деревень»¹. Тенденция рурализации, отчетливо проявлявшаяся в Новосибирске конца 20 – 30-х гг., сказывалась и на одежде горожан. В Нахаловке модными считались косоворотки «из ситца или сатина с оторочкой, а то и с вышивкой», сапоги «в гармошечку» и фуражки-капитанки. Подобная мода была характерна и для Закаменской окраины города. Костюм говорил о принадлежности к определенному кругу общения и району проживания. Горожанина этого периода, особенно жителя окраин, не всегда легко отличить от крестьянина по внешнему виду. Нередко на городских фотографиях присутствуют персонажи в косоворотках, кепках и кирзовых сапогах рядом с более модно одетыми горожанами, особенно это характерно для снимков, где показан большой коллектив – школьников, учащихся, сотрудников какого-либо учреждения. Для семейных снимков этой поры характерно то, что старшие одеты по городской моде, а младшие, очевидно, донашивают деревенское старье.

Однако многие маргиналы, желавшие скорее утвердиться в своем статусе горожан, обращали пристальное внимание на одежду. Внешне выглядеть, как горожанин, для многих, судя по воспоминаниям, означало таковым становиться. Заметно, что потребность в одежде была для маргиналов особенно тесно связана с потребностями более высокого порядка – в уважении и признании. Крестьянская девушка, оказавшаяся в Новосибирске, просила отца продать ее «деревенские» ботинки и купить туфли, чтобы выглядеть горожанкой². Взыскательная

¹ Тростнецкий А. Нахаловка // Мой Новосибирск. – С. 36.

² НГПУ. Записано Ю.Б. Чежиной в 1999 г. в Новосибирске от М.П. Кагородцевой.

мать бранила дочь, влюбившуюся в парня, который, как «деревенщина», носил шубу¹. По мнению матери, ее дочь была достойна лучшей партии – «принца на белом коне, городского парня в пальто». Девушка из пригородного с. Кривошеково вышла замуж за городского парня и, только перебравшись в город, узнала, что на свете существует нижнее белье и начала его носить, ликвидируя свою неосведомленность². В деревне не было никакой моды. Мода для 30-х гг. – понятие из городской жизни. Модно было выглядеть спортивно, носить «соколку» – полосатую спортивную футболку со шнуровкой, запечатленную на известной картине советского художника А.Н. Самохвалова «Девушка в футболке» (1932 г.)³. Модно было ходить в берете и резиновых туфлях с голубой каймой, в моде было все белое⁴. Эти модные тенденции довольно быстро усваивала часть крестьян, попадавших в город.

Новоиспеченные горожане, они же вчерашние крестьяне, были вынуждены приспосабливаться к новым условиям и нормам повседневного поведения. Как показывает опыт исследования процесса ассимиляции населения бывшего пригородного с. Усть-Иня городским населением, после включения села в городскую черту (1929 г.) молодежь скорее и динамичнее приспосабливалась к условиям городской жизни, нежели представители старшего поколения, которые зачастую вовсе не вписывались в новые условия⁵. Влияние урбанизации на одежду населения городских окраин отчетливо заметно по подборке фотографий из альбомов жителей Усть-Ини.

Возьмем фотографии предреволюционные и фотографии 20-х гг. Ниже помещены небольшой снимок Порфирия Саченко, видимо, на документы (рис. 7), фотографии трех женщин – Екатерины Саченко (в девичестве Зацарной), сестер Анны и Насти Саченко (рис. 8), пяти-рых мальчишек из крестьянских семей бывших малороссийских переселенцев (рис. 10), Марии Есипенко в белом переднике, в полный рост (рис. 12), бородатого старика Спиридона Павловича Ткаченко

¹ НГПУ. Записано О.В. Кобдиковой в 2002 г. в Новосибирске от А.И. Воробьевой.

² Там же. Записано А.С. Высоцкой в 2002 г. в Новосибирске от Е.М. Ляшкиной.

³ Страницы истории нашей: живопись, скульптура, поэзия. – М., 1988. – С. 135.

⁴ Кирсанова Р.М. «Гимнастерка», «джимми» и «полпред». – С. 50–52.

⁵ См.: Косякова Е.И. Правовые и социокультурные аспекты... – С. 174–197.

(рис. 13), пятилетней Зины Саченко в длинном белом платье (рис. 9). Вспомогательным также в снимок пожилой четы Вахновых (рис. 15), павильонное фото молодого человека Кости Вахнова с другом (рис. 16), большой групповой снимок семьи Саченко (рис. 11) и фото семьи Зацарных (рис. 17).

Рис. 7.
Порфирий
Кондратьевич Саченко,
20-е гг., Усть-Иня
(из семейного альбома
Л.В. Петровой)

Рис. 8.
Анна и Екатерина
Саченко,
Анастасия Якименко,
1920 г., Усть-Иня
(из семейного альбома
Е.А. Карымовой)

Рис. 9.
Зина Саченко, вторая
половина 1920-х гг.,
Усть-Иня
(из семейного альбома
Г.В. Саченко)

Рис. 10. Николай Якименко,
Федор Якименко, Степан Саченко,
Алексей Овчаренко, Василий Саченко,
конец 20-х гг., Усть-Иня
(из семейного альбома Г.В. Саченко)

Рис. 11. Семья Саченко,
Усть-Иня, до 1920 г.
(из семейного альбома
Г.В. Саченко)

Рис. 12

Рис. 13.

Мария Ткаченко
и ее отец Спиридон Ткаченко,
Новониколаевск, до 1917 г.
(из семейного альбома Н.Б. Астаниной)

Рис. 14.

Алена, внучка Спиридона
Ткаченко, Украина, вторая
половина 1910 – 1920-х гг.
(из семейного альбома
З.Б. Ткаченко)

Рис. 15.

Рис. 16.

Анна и Осип Вахновы,
Константин Вахнов с другом,
Усть-Иня, 1920-е гг. (из семейного
альбома В.К. Лобановой)

Рис. 17.

Семья Зацарных,
Усть-Иня, 1920-е гг.
(из семейного альбома
В.К. Лобановой)

Дети и взрослые на этих фотографиях одеты по одной моде: темные крестьянские косоворотки, одинаковые кепки у мальчишек, ботинки или кирзовые сапоги. Мужчины носили усы, их прически явно «самодельные». Друг Кости Вахнова одет в нарядную белую косоворотку с красивой вышивкой. Оба парня в высоких сапогах. У Зины длинное, почти как у Марии, белое платье с лентой в качестве пояса, повязанной выше талии, сапожки и крупные бусы – наверняка материны. Маленькая Маша с группового снимка семьи Саченко тоже одета в длинное белое платье и обута в сапожки. Эти элементы костюма отвечают крестьянским представлениям о нарядной одежде. Екатерина Саченко на портрете в платке – элемент, характерный для крестьянской фотографии. На Катерине нарядный вышитый белый фартук. Сестры Анастасия и Анна одеты в длинные темные юбки и светлые кофточки. У них так же, как у Катерины, вышитые фартуки, на обеих – пояса с пряжками. У обеих женщин заметны крупные серьги, на шее Анны – мелкие длинные бусы. Костюмы женщин с групповой фотографии аналогичны. Подобный же костюм мы видим на фотографии внучки переселенца из Украины Спиридона Ткаченко, присланной дедушке с его родины, по всей видимости, еще до революции (рис. 14).

Снимки 30-х гг. проводят разделительную грань между внешним видом «отцов» и «детей». Несколько снимков братьев Саченко, выполненных с интервалом в два-три года, наглядно демонстрируют процесс превращения деревенских мальчишек в городских модников. На снимке середины 30-х гг. Степа Саченко – подросток в «городской» белой сорочке, застегнутой на все пуговицы, а его младший двоюродный братец Тимофей Вахнов одет в деревенскую косоворотку и мятый пиджак, явно не со своего плеча (рис. 18). На более позднем снимке немного повзрослевший Степан изображен со своей невестой Тасей – девушкой из Закаменки (рис. 19). Степан здесь вновь одет в белую сорочку, ворот которой, однако, свободно расстегнут, что делает романтический облик Степы схожим с образами героев довоенного советского кино. Невеста Тася в светлом платье с короткими рукавами и крупными пуговицами, девушка модно пострижена под каре, в ее волосах блестит заколка, а на шее красуется двойная нитка искусственного жемчуга – украшение, любимое деревенскими девчатами. Во всем внешнем облике этой пары читается колорит городской окраины. На фото 1940 г. возмужавший Степан запечатлен с братом Василием. Молодые люди модно одеты. Степан – в белую рубашку и пиджак, на

лацкане которого два современных значка (значок ГТО и знак сан-инструктора), которые он, впрочем, не «зарабатывал», а пристегнул к пиджаку «для моды». Василий – в светлой олимпийке на «молнии». У молодых людей модельные прически – Степан работал парикмахером (рис. 21).

Рис. 18.

Тимофей и Валентина Вахновы, Степан Саченко, середина 30-х гг., Новосибирск (Усть-Иня)
(из семейного альбома В.К. Лобановой)

Рис. 19.

Степан и Таисия Саченко, конец 30-х гг., Новосибирск (Усть-Иня)
(из семейного альбома В.К. Лобановой)

Рис. 20. Василий Саченко, Новосибирск, 1940 г.
(из семейного альбома В.К. Лобановой)

Рис. 21. Василий и Степан Саченко, Новосибирск, 1940 г.
(из семейного альбома Л.В. Петровой)

Однако стоит отметить, что идиллическую картину постепенного прогресса в области вкуса и восприятия моды молодыми людьми с городских окраин несколько развеивает еще одно фото, на этот раз не художественное, а снятое для документов. Фотография относится к этому же периоду и изображен на ней все тот же Василий Саченко. Как и на предыдущем снимке, он постарался модно одеться, однако «переборщил» и «выдал себя» перед потомками, перебирающими его фотографии. Василий одет и в ту самую олимпийку и в тот самый пиджак со значками поверх олимпийки. Выглядит это, конечно, далеко не «стильно», да и говорит, скорее всего, о том, что у них с братом все-то и было «выходных вещей», что пиджак со значками, да олимпийка на молнии (рис. 20).

Рис. 22. Неизвестная, 1930-е гг., Новосибирск (из семейного альбома А.В. Забелиной)

Рис. 23. Надежда Рубакова, декабрь 1941 г., Новосибирск (Усть-Иня)
(из семейного альбома Н.П. Рубаковой)

Если в начале 1920-х гг. «галстух» считался предметом роскоши, то в середине 1930-х галстуки носили даже маргиналы. Старший брат Степана Саченко Гоша – простой советский рабочий из Усть-Ини, трубач-любитель. На небольшом снимке тех лет он изображен как интеллигент – в светлой сорочке, светлом клетчатом пиджаке и при гал-

студе (рис. 24). Элементы, характерные прежде для костюма нэпмана, становятся в середине 30-х гг. доступны и более «простому» горожанину. Молодая девушка – работница мясокомбината – в 1935 г. подарила подруге Нюсе Серебряковой свое фото, на котором девушка изображена в маленькой светлой фетровой шляпке, плотно облегающей голову (рис. 25).

Рис. 24.

Георгий Саченко, вторая половина
30-х гг., Новосибирск
(из семейного альбома В.К. Лобановой)

Рис. 25.

Серебрякова,
работница мясокомбината,
март 1935 г., Новосибирск
(из семейного альбома
А.В. Забелиной)

Николай Якименко, родившийся в 1925 г. в Усть-Ине, вспоминал: «Отец шоферил, поэтому в нашей семье не было нищеты. Другое дело, что было часто трудно что-то купить. Одно время невозможно было достать даже валенки, и я ходил в стезонках. Поверх самодельных тряпочных стезенок обувались калоши. Выглядело это, конечно, “так себе”, но главный недостаток – неудобно было надевать лыжи. А так самое необходимое из одежды у нас было. Много, конечно, позволить

себе не могли, но уж самое необходимое – рубахи да штаны, это – было. Помню, была такая мода: носили рубашки на 40 пуговиц, пуговицы были маленькие, кругленькие, блестящие. И я тоже носил такую рубаху»¹.

Другой пример – снимок 1942 г., подписанный с тыльной стороны «Три сестры» – девушки с Крелятника, крестьянки по происхождению, волей судьбы оказавшиеся в городе – Надежда, Зоя и Евдокия Рубаковы. Каких только новых веяний не отразила эта фотография: фетровые береты, меховые воротники, подведенные (вероятно, сажей) брови, даже улыбки перед камерой, чего нет на более ранних снимках². На фотографии 1941 г. Надежда Рубакова элегантно сложила руки на груди так, чтобы были видны ее модные часики. Девушка одета в темное платье, руки оголены на три четверти. Волосы подстрижены и завиты, фетровый берет кокетливо сдвинут на левый бок (рис. 23). Что касается Порфирия Саченко, да и других людей его поколения, костюм, прическа, усы – все это оставалось неизменным на фотографиях даже в 50-е гг. Если прежде, по словам старожила нашего города Евдокии Карымовой, «платье шили навек: мать в нем выходила замуж, в свадебном платье всю жизнь ходила в церковь, а то и для дочери берегла»³, то теперь молодежь стремилась следовать моде, даже не располагая достаточными средствами. Поэтому девушки не гнушались рисовать сажей брови, поэтому даже незначительная обновка считалась большой радостью.

Вообще же анализ семейных фотоальбомов той поры показывает заметные изменения в костюме горожан по сравнению с 20-и гг. Если на рубеже 20–30-х гг. внешний облик жителей разных городских районов отличается, то ближе к войне городской костюм приобретает более усредненный вид. Исчезают косоворотки и крестьянские платки, окончательно пропадают элементы костюма, напоминавшие о гражданской войне, становится заметным влияние массовой культуры на костюм горожан. Но от большинства новосибирских фотографий 30-х гг. неизменно веет бедностью. Горожане преимущественно не могли одеваться так, как им хотелось. Это доказывают и воспоминания. Колоссальной удачей для усть-инской семьи Овчаренко была предвоенная покупка одного «готового» женского пальто на всю се-

¹ НГПУ. Записано автором в 2004 г. в Новосибирске от Н.М. Якименко.

² Семейный фотоальбом В.С. Кукуевой.

³ НГПУ. Записано автором в Новосибирске в 2003 г. от Е.А. Карымовой.

мью – пальто было дефицитной и дорогой вещью. Оно ассоциировалось с городским образом жизни. А деревенская девушка, работавшая прислугой в городской новосибирской семье, на всю жизнь благодарно запомнила подаренное ей за работу в этом доме новое пальто¹.

* * *

Этап 1929 – первой половины 1941 г. выглядит более цельным, нежели предыдущий. В стране прекратились относительно свободные споры интеллигенции и политиков о перспективах дальнейшего развития страны. В эти годы сложились жесткие идеологические и культурные ориентиры, сформировалась единая градоустроительная концепция, появилась собственно советская мода.

Население по-прежнему остро реагировало на перебои с продовольствием, на снабжение по карточкам и недоедание. В городе было много предпринимателей, это не могло не сказываться на восприятии горожанами продовольственной ситуации. Яркими эпизодами в памяти старожилов оседали позитивные изменения в продовольственном снабжении: отмена карточек, расширение продуктового ассортимента перед войной.

Наиболее острые проблемы повседневности, характерные для предыдущего этапа, так и не решались. Некоторые еще более усугублялись под воздействием усилившегося роста численности населения и недостатка материальных государственных средств на социальные нужды. Казалось бы, прекращение споров о перспективах различных градостроительных концепций и разработка единого концепта «социалистического города» ведут к продуктивным результатам. Однако видно, что план социалистической реконструкции Новосибирска был до такой степени грандиозным, что по сути дела не реализован и сегодня. Так, территории, ставшие в 1929 – начале 1930-х гг. городскими окраинами, и сейчас в значительной степени застроены столетними деревянными домами и недостаточно благоустроены. Вплоть до Великой Отечественной войны жилищный кризис не ослабевал, а с началом военного времени еще сильнее обострился. Болезненным вопросом оставались медицинское обслуживание и санитарная ситуация в городе. Однако в этом сегменте городской повседневности на новом этапе

¹ НГПУ. Воспоминания А.Н. Адоньевой (1910–1994), написаны в 1970 – начале 1990-х гг.

заметны позитивные изменения. Сложная демографическая ситуация в стране побуждала власть развивать физкультуру, санитарию и медицинскую помощь среди населения городов. Новосибирск не был исключением, хотя развивался в этом смысле проблематично.

Воспоминания новосибирцев об этапе между коллективизацией и войной проникнуты обычно драматизмом. Повседневность тех лет воспринимается еще как «живая». Из рассказов складывается впечатление, что обывателей так или иначе раздражала их бедность. Показательно, что старожилы помнят, какие именно вещи тогда носили и что именно ели. Подчас эти воспоминания приходят рассказчикам на ум быстрее, чем энтузиазм первых пятилеток. Интерпретировать эту ситуацию сложно, ведь, работая с устными источниками, мы соприкасаемся с исторической памятью респондентов, которая формируется всю жизнь. Видимо, на сегодняшних оценках повседневности тех лет сказывается влияние «обличительной» историографии и исторической публицистики 1990-х гг., художественной литературы и кинематографа. Поэтому методологическая проблема интерпретации устных источников и других «носителей» исторической памяти очевидна. «Уменьшение» масштаба взгляда на объект исследования делает его более сложным для понимания. В конечном итоге мы должны признать, что многие вопросы развития городской среды и повседневности Новосибирска на предвоенном этапе его истории остаются пока открытыми.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Одна из тенденций современной отечественной историографии – ослабление длительной гегемонии «большого» исторического нарратива. В этой связи локально-исторические исследования, направленные на изучение несобытийной истории, становятся особенно значимыми. Объект данного исследования локален и в территориальном, и в хронологическом смысле. Локализация объекта нашего исследования, фиксация внимания на мелких объектах городской среды и «историях» отдельных горожан позволили добиться детализации и индивидуализации исследуемых объектов, увидеть частные примеры изменения повседневности горожан, принадлежавших к разным социальным слоям, индуктивным путем приблизиться к осмыслению общих тенденций развития отдельных аспектов городской повседневности Новониколаевска–Новосибирска. Наша попытка взглянуть на прошлое Новосибирска под углом зрения истории повседневности продиктована стремлением понять, как обыватели, жившие в одном, весьма специфичном, городе в динамичное и трудное время, адаптировались к тем конкретным условиям, в которых им приходилось существовать. Город в физическом смысле, город как инфраструктура, как особая социокультурная среда, развивающаяся под воздействием региональных и общегосударственных контекстов, был пространством каждодневного существования его обитателей. Мы видим глубокую взаимосвязь между потребностями горожан, которые становились основой мотивации к различной деятельности, и условиями той городской среды, в пределах которой обитают люди. Работа в контексте истории повседневности предполагает обращение к миру будничных забот «маленького человека», однако стремление избавиться от давления глобально-исторических контекстов, в которые отечественные историки традиционно вписывали локальные сюжеты, должно, по нашему убеждению, иметь

разумные пределы. Поэтому историософским основанием нашего исследования стала теория модернизации.

Опыт практического применения созданного нами методологического конструкта городской повседневности показывает его эффективность и перспективность дальнейшего использования. Наше конструирование образа городской повседневности Новосибирска конца 1919 – первой половины 1941 г. вовсе не ограничивает возможностей продолжения изучения этой проблематики. Мы охарактеризовали главным образом те формы и способы взаимодействия горожан с городской средой, которые актуализировались в процессе удовлетворения новониколаевцами–новосибирцами их биологических потребностей. Учитывая антропологический ориентир исследования, мы пытались приблизиться к едва уловимому миру физических ощущений и эмоций обывателей, по необходимости «выходивших в город». Безусловно, об интерпретации таких «тонких материй» можно спорить. Возможно, специалисты по истории советского общества не увидят в нашем тексте рельефно выступающего идеологического контекста межвоенного времени, все-таки теория тоталитарного государства, которая часто используется при изучении советского периода отечественной истории, гласит о неограниченном вмешательстве государства в частную жизнь населения страны. Заметим, что на «биологическом» уровне повседневности идеологический контекст межвоенного времени был не столь очевиден, как на «духовном» уровне. Реализуя свои физические потребности, человек зачастую меньше рефлексировал над собственной деятельностью, нежели при решении духовных вопросов. Однако примененный нами локальный подход позволил наблюдать конкретные примеры противостояния людей государству, грубо вторгавшемуся в их «интимную зону» – естественного, обычно политически неоформленного противодействия, выражавшегося в особых поведенческих стратегиях, реже в словах. Речь идет о подделывании продовольственных карточек, об укрывании пищевых припасов в голодный период, о подпольных абортах, участвовавших после официального запрета 1936 г., и о многом другом.

Для нас остается открытым вопрос: верили ли обыватели, мывшиеся в холодной разрушенной бане и стоявшие в очереди за скудным набором продуктов по карточкам, в реальную достижимость «светлого коммунистического будущего»? Источники часто фиксируют неудовлетворенность и возмущение новосибирцев из разных социальных

групп. Возможно, предстоящее изучение особенностей реализации культурных и духовных потребностей новосибирцев в межвоенный период позволит лучше понять умонастроения горожан, которые, несомненно, влияли не только на формальные оценки окружающей социально-политической, социокультурной действительности, но и на восприятие собственной частной жизни и быта. Все-таки человек – существо метафизическое, имеющее не только тело, но и разум и дух. Тело и дух неразделимы, поэтому изучение взаимосвязи между городской средой Новосибирска, с одной стороны, культурными и духовными потребностями жителей этого города, с другой, – не менее перспективная и важная задача.

Говоря о результатах работы в рамках авторского методологического подхода, отметим, что избранные методологические установки позволили нам мобилизовать комплекс разнообразных источников, многие из которых традиционно остаются вне внимания историков. Речь идет об аудиозаписях воспоминаний старожилов города, частных фотоматериалах, художественно-изобразительных источниках. Часть этих материалов была опубликована, что является самоценным, хотя и «побочным» итогом нашей работы¹. Исследование показывает значимость использования таких источников, поскольку они обладают существенным информативным потенциалом. Во введении к данной работе методологически обоснована специфика работы с устными свидетельствами. Уже имеющийся у нас опыт использования фотоматериалов и планы по расширению круга источников такого рода в дальнейших исследованиях наводят на мысль о необходимости обращения к методологическим наработкам специалистов, занимающихся «визуальной историей». Сегодня в России «визуальная история» мало известна и редко мобилизуется учеными как методологическая база их исследований, однако, судя по зарубежным исследованиям, грамотная работа с «изображениями» ведет к плодотворным результатам².

Конечно, городская среда Новониколаевска–Новосибирска представляет собой более сложное явление, нежели тот образ, который

¹ Косякова Е.И. Родом из Усть-Ини // Сиб. горница. – 2003. – № 4. – С. 100–103; Она же. Левобережная история // Там же. – С. 105–107; Она же. Страницы тетради творческих заданий по истории «Экспресс в прошлое Новосибирска» // Сиб. учитель. – 2004. – С. 48–51.

² Burke P. Eyewitnessing: The Uses of Images as historical Evidence. – New York, 2001.

возник в результате нашего исследования. Реконструкция городской среды Новосибирска межвоенных лет была подчинена созданной умозрительно структуре городской повседневности. Иначе говоря, из всего многообразия элементов городской среды мы выделили лишь «городские узлы», т. е. общественные места, служившие реализации биологических потребностей населения. Определение таких мест оказалось проблемной задачей: локально-историческое исследование предполагает точность и детализацию объектов исследования. Источники же далеко не всегда позволяют детально реконструировать топографию города, который быстро рос, среда которого не была стабильной, а постоянно менялась. Состав и количество разнообразных общественных мест без конца варьировались, имеющиеся статистика и делопроизводство лишь частично отражают реальную картину. Естественно, часть объектов городской среды Новосибирска могла «ускользнуть» из нашего внимания. Казалось бы, нет никакой драмы в том, что не удалось учесть «незначительное». Однако невозможность обстоятельного описания некоторых групп общественных мест города не позволяет разглядеть важные специфичные черты городской повседневности. Мы располагаем сохранившимися делопроизводственными материалами государственных бань и заведений общественного питания. Однако о работе аналогичных частных заведений мы получаем отрывочные и тенденциозные отзывы только лишь из прессы. Исследователя может утешить лишь то, что прошлое в принципе может быть изучено только фрагментарно и с субъективной исследовательской позиции. Субъективны и наши обобщения и группировки «городских узлов».

Подводя итог описанию элементов городской среды, использовавшихся жителями Новосибирска конца 1919 – первой половины 1941 г. для реализации их физиологических потребностей, выделим некоторые тенденции их исторического развития. В межвоенный период новосибирские общественные места, которые посещались обывателями, стремившимися реализовать свои биологические потребности, оставались в самом общем виде теми же, что и до революции. Однако существенно менялся характер их функционирования. Факторы развития городской среды были разнообразными, исходившими с разных уровней жизни общества тех лет. Государством определялись и планировались стратегии градостроительного развития страны, государство на законодательном уровне определяло ведомственную принадлежность тех или иных заведений, до определенной степени финансировало раз-

витие городской инфраструктуры. Крупные государственные проекты, такие, как индустриализация, напрямую влияли на тенденции развития городской среды. Региональное административное, социально-экономическое и культурное значение Новосибирска, контексты его регионального существования также отразились на качестве его городской среды. Наконец, важно отметить, что на облик и качество городского пространства влияло поведение тех людей, которые непосредственно имели с ней дело, ею непосредственно пользовались, чьими руками она изменялась.

На протяжении изучаемого периода советское государство стремилось к более выраженному контролю над процессами развития городской среды, что проявлялось, в первую очередь, в сокращении полномочий частных предпринимателей в сфере торговли и обслуживания и расширении полномочий власти. Однако при этом качество городской среды далеко не всегда повышалось. Крупный, необычайно быстро росший Новониколаевск–Новосибирск, в значительной степени развивался стихийно. Государство не справлялось с задачей удовлетворения нужд быстро прибывавшего населения. Поэтому личностный фактор в развитии городской среды Новосибирска всегда имел важное значение. Город был в значительной степени самовольно застроен, «озеленен» стихийно возникавшими садами и огородами, в Новосибирске существовал развитый «черный рынок». Можно приводить и другие примеры влияния на развитие городской среды индивидуальной инициативы его обитателей.

Внешний облик города сильно изменился от конца 10-х до начала 40-х гг. XX столетия. В конце 1919 – начале 1920-х гг. Новониколаевск переживал тяжелые времена развала городского хозяйства, который сопровождался сильным загрязнением города и эпидемиями. Застраивался город преимущественно стихийно, неорганизованно. Изменялись привычные населению ориентиры, среда делалась менее распознаваемой. Новониколаевск периода нэпа был очень похож на дореволюционный город: та же бойкая базарная, лавочная, палаточная торговля, те же дорогие рестораны и шумные пивные, пестро одетая публика, преимущественно частная деревянная застройка усадеб, опасные темные улочки, огороды и свинарники, провинциальные «номера» с клопами, антисанитария, грязноватые частные баньки, тесные, плохо оборудованные амбулатории. Новосибирск 20-х гг. – город, безусловно, про-

винциальный, захолустный, но многоликий и весьма перспективный, по сибирским масштабам.

После «великого перелома» Новосибирск, по замыслу властей, становился более «социалистическим» по характеру организации торговли и функционирования коммунальных предприятий, по планировке новой многоэтажной застройке, системе советского медицинского обслуживания и прочим показателям. Однако благодаря сосуществованию стихийной и плановой тенденций в развитии городской среды Новосибирск на этапе между 1929 и серединой 1941 г. – поистине город контрастов, где было все: от роскошного генеральского дома на Красном проспекте и соболей в «Торгсине» до худых «нахаловских» домишек, крытых распоротыми консервными банками, до непролазной грязи на улицах.

Среди форм взаимодействия городской среды и городского населения в процессе удовлетворения новониколаевцами–новосибирцами их биологических потребностей выделим следующие. Во-первых, состояние городской среды, с которой горожане ежедневно вступали в контакты, они *могли принимать как должное*. Во-вторых, те, кого не устраивали особенности городской среды, кто ощущал себя не удовлетворенным в результате взаимодействия со средой, *могли избрать тактику борьбы с неприемлемой ситуацией*. В-третьих, к сложившимся неудовлетворительным условиям *можно было приспособиться*.

Действуя согласно любой из этих трех форм взаимодействия с городской средой, горожане реализовывали следующие конкретные поведенческие стратегии. Во-первых, в городской среде нужно было *уметь ориентироваться*. Те, кто длительное время проживал в городе, кто воспринимал его как родную и привычную среду обитания, едва ли видели в этом проблему. Гораздо труднее было тем, кто в наш город приехал недавно из села или других городов, а таких людей в Новосибирске было немало. Научиться ориентироваться в Новосибирске, городская среда которого была неоднородной, в значительной степени стихийно сложившейся и часто трудно распознаваемой, было не так просто. Умение ориентироваться в городе предполагало не только знание того, где расположены основные общественные места. Как видно из нашего исследования, часто заманчивая табличка вовсе не означала гарантии качественного удовлетворения потребностей, а какой-нибудь неформальный знак мог говорить о более выгодном предложении на услуги или товар. Иными словами, хорошо ориентирующийся в городе

человек знал, что в советской общественной столовой на углу плохо кормят, он издали видел в пестрой базарной толпе спекулянта, который точно продаст нужную пару ботинок. Среда менялась, менялись и ориентиры, к которым нужно было привыкать. Процесс познания городской среды был для обывателей непрерывным, но неодинаковым по степени сложности для представителей разных городских слоев.

Во-вторых, обыватель должен был *уметь с пользой и выгодой для себя выбрать* те объекты городской среды, которые могли служить удовлетворению его потребностей. Это умение строилось на осведомленности о том, где ниже цены, качественнее товары и услуги, где меньше очереди, куда короче путь и т. д. В годы нэпа проблема подобного выбора была особенно актуальна.

В тех случаях, когда спрос на товары и услуги превышал предложение, обыватель сталкивался с другой проблемой: как *отстоять свое право* на покупку товара, на получение услуги. Это – третий способ взаимоотношений новосибирцев межвоенных лет с городской средой. В начале и в конце 20-х гг. отстаивать свое право приходилось постоянно. Третье десятилетие XX в. – тоже период карточек, талонов, очередей, неоправданных ожиданий, неудовлетворенных запросов. Горожане нечасто выступали с открытой борьбой против государства в форме *претензий и жалоб* – это было слишком опасно. Однако нередкими были официальные жалобы на конкретных работников сферы обслуживания – «бесхозяйственных» субъектов и «вредителей». Однако подобная форма протеста не могла существенно изменить ситуацию. В газетах то и дело появлялись формальные обличительные статьи, однако обнародование реальных обывательских жалоб – редкое явление для тех лет, особенно для 30 – начала 40-х гг.

Приспособленческая форма взаимодействия населения Новониколаевска–Новосибирска с городской средой была особенно распространена и выражалась в разнообразных способах. Одни внешне смирялись, скрывая, замалчивая свою внутреннюю позицию. Такие люди предпочитали *ослаблять контакты с городской средой, ограничивать себя*, когда речь шла об их потребностях. Экономил на еде, предпочитали народную медицину официальной, мылись в тазу на кухне и т.п. Самоограничение могло восприниматься по-разному: оптимистически – как временная вынужденная мера, необходимая для построения светлого будущего, и пессимистически – как безысходность из ситуации, в которой от «маленького человека» не зависит ничего. Другие

пытались *тайно нарушать запреты* и искать незаконные пути более полной реализации своих потребностей. Подделывали продовольственные карточки, заводили знакомства со спекулянтами, давали взятки за получение жилья, строили «нахаловские» дома и т. д. Третьи *приносили свою скромную лепту в развитие городской среды, не нарушая закон*: устраивали огороды, заводили кур и свиней, копали колодцы, строили домашние бани. В довоенных условиях горожане из всех социальных слоев так или иначе приспосабливались к условиям окружающей их городской среды. Потребности человека безграничны, поэтому даже советская элита 30-х гг., находившаяся в сравнительно выгодном положении, использовала указанные тактики осознанного самоограничения, тайного нарушения официальных запретов, самостоятельного восполнения недостающих элементов городской среды.

Парадоксально, но городской повседневностью межвоенных лет можно было оставаться вполне довольным. Имея достаточную идеологическую закалку, свято веря словам политических лидеров и не подозревая, что имеющиеся бытовые условия оставляют желать лучшего, многие горожане могли *довольствоваться и удовлетворяться* ресурсами городской среды. Конечно, речь идет в первую очередь о детях и молодежи. В воспоминаниях о 30-х гг. зафиксированы сюжеты о молодых людях с окраины, которые искренне потешались над тем, что в «богатых» домах уборные находятся прямо в квартирах. Характерная для этого периода слепая любовь к Сталину и Коммунистической партии, жившая в сердцах молодых, описана в статье С.В. Журавлева и А.К. Соколова «Счастливое детство»¹. Ученые приводят отрывок из письма орловского школьника в газету, где были такие слова: «Сталин сделан из стали, его никто не победит. Спасибо товарищу Сталину за нашу веселую учебу! Писал бы больше, но нет бумаги»². Этот абсурдный, с точки зрения здравого смысла, набор фраз характеризует типичное для того времени умонастроение подростка. Он с экзальтацией говорит о вожде и его великой заботе о детях, но не понимает, что у школьника априори должна быть бумага хотя бы для того, чтобы в письменной форме выразить любовь к вождю, который о нем якобы трепетно заботится.

¹ Журавлев С.В., Соколов А.К. «Счастливое детство» // Социальная история: ежегодник, 1997–1998. – М., 1998. – С. 159–205.

² Там же. – С. 202.

На протяжении конца 1919 – середины 1941 г. в развитии городской повседневности Новосибирска прослеживаются как общие тенденции, так и специфичные характеристики, присущие отдельным хронологическим этапам. Город динамично рос, уверенно занимая лидерскую позицию в регионе по всем основным показателям. Людей влекли многочисленные возможности и перспективы жизни в большом городе. Но «Сибирский Чикаго» оставался недостаточно благоустроенным и мало приспособленным для спокойной повседневной жизни его обитателей. Стоит отметить, что разные аспекты повседневности были здесь проблемными в разной степени. Новосибирцы не знали страшного голода, хотя в других регионах в это время случались особенно голодные годы. Еще до революции Новониколаевск славился своим торговым значением. И в период между войнами проблема покупок не достигала здесь крайней остроты. В Новониколаевске–Новосибирске всегда при желании можно было купить и продукты, и одежду. Зато в санитарном и эпидемическом смысле город никогда не был образцовым и даже благополучным населенным пунктом. В межвоенные годы здесь непрестанно остро ощущался жилищный кризис.

Общероссийский исторический контекст в значительной степени определял специфику местной повседневной жизни в разные годы. Для времени «военного коммунизма» и хозяйственной разрухи характерен наплыв беженцев в Новониколаевск. Специфичными чертами этого времени становятся относительная сытость горожан в масштабах страны, острейший жилищный и топливный кризис, катастрофическая санитарно-эпидемическая обстановка и всеобщее обнищание. Годы нэпа привели к повышению уровня жизни горожан, усилению социального и имущественного расслоения. Но для подавляющего числа новониколаевцев это – сытые годы, период, когда выжившие после гражданской войны и тифозной эпидемии обыватели, прежде всего нэпманы, задумывались о «предметах роскоши» и «искусственном омоложении», тратили деньги на обеды в ресторанах и ночные кутежи.

С завершением нэпа наступили тяжелые времена. На новом этапе карточная система снабжения ознаменовалась хроническим недоеданием и нехваткой одежды, обострялась жилищная проблема в результате повышения темпов урбанизации, огосударствление системы здравоохранения привело к снижению ее эффективности в городе, ставшем региональной столицей. Вторая половина 30-х гг. была более благополучной в обывательских глазах. Едва ли горожане ощущали «голово-

кружение от успехов» модернизации страны, однако проблемы питания постепенно решались, коммунальное обслуживание совершенствовалось, энтузиастам казалось, что светлое будущее наступит уже скоро. Но серая, тревожная облачность предвоенных дней заволакивала едва прояснившийся горизонт благополучной повседневной жизни. Милитаризация и советско-финская война требовали вложения средств, поэтому накануне Великой Отечественной войны опять последовали перебои со снабжением населения товарами первой необходимости и чаще стали обнаруживаться «вредители» среди работников коммунальных предприятий. При этом очевидно, что к середине 1941 г. потребности горожан удовлетворялись на качественно новом, более высоком уровне по сравнению с началом второго десятилетия XX в., что было обусловлено позитивными изменениями в городской инфраструктуре.

ПРИЛОЖЕНИЯ

1. Анкета устного опроса на тему «Повседневная жизнь в Новосибирске довоенного времени»

1. Назовите Вашу фамилию, имя и отчество. Когда и где Вы родились? Когда и где Вы проживали, где живете сейчас? Назовите нынешний род занятий. Где Вы учились и работали раньше? Каково Ваше семейное положение?

2. Можете ли Вы рассказать о своем детстве? В какие годы происходило то, о чем Вы будете рассказывать? Где Вы родились, где жила Ваша семья? Как Ваша семья попала в Новосибирск, в каком районе и на какой улице вы жили в довоенное время?

3. Каково происхождение Ваших родителей? Как они зарабатывали на жизнь, где работали? Каким был уровень материального благосостояния вашей семьи? Каков был состав семьи, была ли семья большой по довоенным меркам? Какое образование получили Ваши родители, другие члены семьи и Вы сами?

4. Какими были ваши жилищные условия? В каком доме вы жили? Был ли двор и огород? Хватало ли вашей семье жилой площади? Хотели ли улучшить свои жилищные условия? Пользовались ли вы коммунальными услугами: водопроводом, канализацией, центральным отоплением, электричеством? Довольны ли были коммунальными услугами?

5. В каких бытовых условиях жили ваши соседи и родственники? Какие черты быта отличали богатых людей от бедных? Помните ли Вы трущобные районы Новосибирска и можете ли описать их довоенный вид? Какие бытовые условия считались достойными, а какие – невыносимыми? Устраивали ли Ваших окружающих условия их жизни?

6. Чисто ли было в домах и на улицах? Легко ли было поддерживать чистоту в городе? Где вы брали питьевую воду? Экономили ли

водопроводную воду? Использовали ли для питья и бытовых целей одинаково чистую воду?

7. Часто ли мылись и где? Какую баню посещала ваша семья? Какова была вместимость этой бани? Помните ли очереди в банях? Каким было санитарное состояние бань? Дорого ли стоила помывка? Можно ли было стирать в бане свое белье? Проходили ли вы «прожарку» вещей? Выпивали ли в банный день? Что было важнее при посещении бани: помыться или отдохнуть, провести досуг? Была ли у вас домашняя баня (если нет, то хотели бы вы таковую иметь)? Как вы поддерживали чистоту тела между банными днями?

8. Посещали ли вы парикмахерскую? Дорого ли стоила стрижка? Чисто ли было в парикмахерской? Какие стрижки были в моде? Как стригли волосы в домашних условиях? Пользовались ли косметическими средствами, какими?

9. Часто ли Вы и ваши родственники болели? Какие болезни были распространены? Как распространение тех или иных болезней зависело от времени года? Запомнились ли какие-нибудь эпидемии? Как лечились и быстро ли выздоравливали? В каких случаях обращались к врачу? Посещали ли «бабок»? Какие амбулатории и больницы помните? Достойным ли было медицинское обслуживание? Внимательными ли были врачи? От каких болезней умирали окружающие?

10. Помните ли Вы городские аптеки? Каков был ассортимент аптек? Дорого ли стоили лекарства? Были ли очереди в аптеках? Всегда ли можно было купить необходимые лекарства?

11. Хорошо ли горожане одевались? Как часто покупали новые вещи? Шили ли в вашей семье одежду самостоятельно, часто ли перешивали? Пользовались ли услугами профессиональных портных? Какая одежда считалась нарядной, какая – повседневной? Какой костюм вызывал зависть и восхищение, а какой считался нищенским? Просматривали ли журналы мод? Стремилась ли следовать моде? Какие помните магазины одежды? Продавали ли одежду на рынке? Где еще можно было купить вещи? Какие покупки считались более важными, чем одежда? Какую носили обувь, где ее брали и часто ли обновляли?

12. Хорошо ли ваша семья питалась? Где обычно покупали продукты? Пекли ли сами хлеб? Потребляли ли продукты со своего огорода? Что выращивали в огородах? Делали ли заготовки на зиму? Какие продукты являлись основными, какие – дополнительными, второстепенными? Какие блюда чаще готовили? Какая еда считалась заурядной,

невкусной? Что готовили по праздникам, какие продукты относились к разряду деликатесных? Какие спиртные напитки потребляли, в каких случаях и в каких количествах? Случался ли голод? Всегда ли Вы и Ваше окружение ели досыта?

13. Посещали ли столовые в школе и на работе? Каким было столовское обслуживание? Дорого ли стоило питаться в столовой? Помните ли кафе и рестораны? По какому случаю выходили в ресторан? Какое было меню?

2. Воспоминания Н. М. Якименко

Я родился в Инюшке [в 1924 г.], называлась она раньше Усть-Иня, была деревней, а году в 30-м ее присоединили к городу. Родители мои – украинского происхождения. Отца еще маленьким ребенком привезли с Украины. Сейчас в тех местах Сумская область. Отец мой с 1899 г., переселение он не помнил и толком о своих предках не рассказывал, да и я как-то не спрашивал – ума не хватало спросить. Об отцовском происхождении как-то случайно от матери слышал. А мама – Саченко. Родилась она уже здесь, в Инюшке, но ее родители – дед Кондрат и бабушка (забыл, как ее звали, она очень давно умерла) тоже приехали с Украины. Кондрата смутно помню, он умер задолго до войны. Мама была в своей семье из младших. Был у нее старший брат Парфен, который родился еще на Украине, сестра Анна, которая вышла потом за Овчаренко. Был еще один брат Илья, но он рано умер, еще в молодости. Сам я родился в 1924 году, у меня были старший брат Федор, 1922 года, и младшая сестра Надя, 1927 года. Еще одна девочка у нас была – Валя, но она в детстве умерла, ее хоронили вместе с бабушкой, их даже в одном месте похоронили на Инюшенском кладбище, которое было там, где сейчас Химфармзавод. Бабушка перед смертью говорила: «Неужели, Валька, нас с тобой вместе похоронят? Не хочу с тобой рядом лежать». Это потому, что Валя была вредная.

Жили мы на Выборной улице, называлась она раньше Луговской. Ее переименовали потому, что в центре [Новосибирска] была улица Логовская (сейчас это – улица Семьи Шамшиных), люди путались в названиях. Домик наш стоял у железной дороги, у самого переезда, маленький был домик (да он и сейчас существует), а потом, в 27-м году, родители построили новый дом рядом с бором. Новый дом тоже был небольшой – всего две комнатки и кухонька. Денег тогда у нас

было мало, делать какие-то пристройки было не на что, так и жили впятером, так все тогда жили. Тесно, конечно, – спали с братом в одной кровати. Зато огород был огромный, пока землю [у нас] не отняли. Огород тянулся с Выборной до самой Плющихи. На нашей прежней усадьбе теперь семь домов, семь участков. Сажали на таких огромных площадях все больше картошку и огурцы, потом продавали в городе на Закаменском базаре, там сейчас библиотека. Большой был базар, торговля бойкая. Мы туда на конях ездили, иногда и пешком ходили. А вот помидоры тогда в Инюшке еще не садили, зато помню, как на огородах росли дыни – хорошие, крупные, сладкие. Сорт был какой-то, не знаю какой, но в Сибири эти дыни вызревали. Некоторые выращивали кукурузу. Мой дед, например, Андрон Арсеньевич, сажал кукурузу, варил ее, сам ел, нас угощал. Дед Андрон тоже очень давно умер, как и Кондрат – задолго до войны.

Вообще, в Инюшке до войны никто не голодал. Ели всегда досыта, питались хорошо. Помню только невероятные по длине очереди за продуктами во время Финской войны, году в 38-м – пол-улицы очередь занимала. А так пища была преимущественно домашняя: овощи, мясо, куры, яйца – все было свое. А вот хлеб сами не пекли, за хлебом ходили в магазин. Перед войной никто в Инюшке хлеб не сеял. Время от времени покупали сладости: повидло (тогда было сливовое и яблочное), конфеты покупали непостоянно, но помню, что сладенькое всегда дома имелось. У дяди у Парфена была пасека, пасека небольшая, мед он не продавал, но нас медом кормил, хороший был мед.

С Парфеновой семьей мы роднились, с Овчаренко тоже. Не помню, чтобы Саченко водили особенную дружбу с Зацарными – с родней парфеновой жены Кати, хотя Зацарных в Инюшке было много. Парфеновы сыновья были постарше нас. Старшего Гошу помню смутно. Он был значительно взрослее меня, жена у него была. Знаю, он был музыкантом, играл на трубе, но с ним вышла такая история. Прибегают, помню, Саченко и тараторят, мол, Гоша кого-то зарезал. А зарезал он своего товарища, тоже Саченко по фамилии – дальнего родственника. Причин не знаю, драки вроде не было, но тот парень умер. Гоша после убийства не скрывался, его быстро арестовали и посадили. Вскоре началась война. Прямо из тюрьмы Гоша пошел на фронт и скоро погиб.

Еще один несвоевременно умерший ребенок в этой семье – Зина. Она была примерно моего возраста. С ранних лет – инвалидка, потому

что падала с печки. У нее был горбик. Так, кажется, Зина всю жизнь на печке и присидела, а лет в 10 умерла.

Интересным человеком был средний, Степан. Он тоже был старше меня, с 1918 года. Степан был талантливым, но очень беспокойным. Он еще до войны рисовал, рисовал хорошо, у нас у дверей висела его картина. Парикмахером еще до войны работал, очень хорошо стриг, а как наварит – пальчики оближешь. Помню, повел нас, младших братьев, фотографироваться в город. Фотоателье находилось на Красном проспекте, рядом с «Маяковским». Это целое событие было. Помню, как наряжались, как фотограф расставлял нас по росту в шеренгу. Других детских фотографий у меня нет. Степа всегда командовал нами, младшими. Помню, пасли мы коров в логу, и он заставлял меня бегать домой за хлебом и салом. Но Степа был задирой и хулиганом. Два раза он сбежал из дома, сбежал надолго и далеко – в Ташкент и на Кубань, да еще и воровал у отца деньги. Все искал приключений. Потом возвращался домой, отец его не принимал, Степа жил у сестры Нюры. До войны он успел ненадолго жениться. Жену его не помню даже по имени, потому как после войны Степу ждали новые свадьбы.

Младший Василий был куда спокойнее, хотя тоже в юности год отсидел в тюрьме за уличную драку. А вообще в Инюшке жизнь была довольно тихая. Не помню особенных драк, хулиганства, краж. Пьяницы были, но не в большинстве. Помню только, какие «концерты» закатывали муж с женой Есипенко, которые жили на углу Луговской и [ул.] Дубравы. Напьются, подерутся, начнут кидаться посудой: он разобьет тарелку, она в него запустит, потом мирятся, напиваются и опять за свое. Запомнился и такой страшный случай: одна женщина тогда свела счеты с жизнью – облилась горячим и подожглась. Причин я не знаю, но об этом долго говорили. Помню, как Василий подстрелил коня. У них было два коня, Вася их пас и как-то раз не мог поймать одного из этих коней – убегал и все тут. Тогда он его подстрелил, ранил, и только так поймал. Большой переполох наделал.

Летом мы все делались пастухами. Мое детство и юность прошли в [Инюшенском] бору. Я там корову пас. Бор был больше, чем сейчас, 38-я школа стояла практически в лесу. До обеда я пас корову, а потом бежал купаться с мальчишками на Иню. Мы в те годы увлекались цирком: ходили в цирк, особенно любили смотреть на борьбу. Потом в бору устраивали с мальчишками турниры по борьбе, подражали циркачам. Так на улице и проходили все каникулы, все лето. Конечно, ска-

зывалось влияние улицы на воспитании. Курил я с раннего детства. Меня в это втянули соседские ребяташки – Зацарные. Их отец выращивал в огороде табак, вот его-то мы и курили. Мать, конечно, ругалась, но летом можно было легко скрыть признаки курения: забежишь в огород, сорвешь свежий лук, зажжешь, и не пахнет от тебя никаким табаком.

За Инюшенским бором находился Кролятник – пригородное хозяйство. На Кролятнике разводили кроликов и ягоды. Помню множество кустов крыжовника. И там росла ягода виктория, или, как еще говорят, клубника. Огромные были грядки. В Инюшке до войны эту ягоду не выращивали, для нас она была как экзотический фрукт. И вот мы с ребяташками ночами ходили за бор воровать викторию. Делали это осторожно – ягоду охранял сторож. Но мы ему никогда не попадались, а ягоду воровали весь сезон.

Еще мы с братом были голубятниками – все лето голубей гоняли. У нас в этом деле был товарищ Коля Ковальчук да двоюродный брат Санька Зацарный и другие мальчишки. Очень мы с братом радовались, когда родители купили нам велосипеды, чуть ли ни первым во всей Инюшке. Любили, конечно, ходить в кино. Тогда вся культура в нашей местности сосредотачивалась около карьера «Борок». Там находился хороший, большой по тем временам клуб и баня. В этом клубе и крутили кино. Какие фильмы показывали – не помню, помню только, что кино мы очень любили. Мытье в бане у «Борка» стоило копейки, туда ходили многие, у кого не было своей бани. И мы иногда ходили, когда не хотелось свою баню топить.

Ну, а осенью начиналась школа. В Инюшке до того, как построили школу № 38, было много всяких маленьких школ. И во всех я успел поучиться. Учился с нулевого класса. Сначала я ходил в школу, находившуюся рядом со старой церковью на углу Тракторной (Большевицкой) и Луговской (Выборной). Потом ходил в школу, которая была в небольшом частном доме на Озерной (сейчас ул. Дубравы). Ну, и событием был переход в новую школу, [работавшую] в специально для нее предназначенном здании. Запомнились уроки труда: они проходили на улице, которой сейчас нет. Была такая маленькая улочка около карьера «Борок» – Немецкая, параллельная Большевицкой, шла вдоль реки. На этой улочке и находилась мастерская, где мы учились.

За моими уроками никто особенно не следил. Не могу сказать сейчас, на каком уровне нам преподавали. Да и кому было следить? Мать

с отцом едва знали грамоту. Ну, умели писать, так что я быстро сделался учение их. Когда Инюшку присоединили к городу, отец стал работать шофером в городе. А мы в город почти не ходили, разве что иногда, через Плющиху, по Телеграфной (это ул. Кирова).

В 1929 году у нас стали отбирать земли, потом напроецировали на наших огородах переулков. Стали появляться в Инюшке новые люди, незнакомые фамилии. Но вплоть годов до 60-х в Инюшке называли по старинным инюшенским фамилиям разные места: была Борискина горка, Якименков и Маслов лога в бору – там росла хорошая земляника. Каждый ходил за ягодой в свой лог – мы в Якименков, Масловы – в Маслов. В начале 30-х еще многие в Инюшке крестьянствовали, а перед войной уже почти все, особенно молодежь, работали в городе, в основном на заводах.

Отец шоферил, поэтому в нашей семье не было нищеты. Другое дело, что было часто трудно что-то купить. Одно время невозможно было достать даже валенки, и я ходил в стежонках. Поверх самодельных тряпочных стежонков обувались калоши. Выглядело это, конечно, «так себе», но главный недостаток – неудобно было надевать лыжи. А так самое необходимое из одежды у нас было. Много, конечно, позволить себе не могли, но уж самое необходимое – рубахи да штаны – это было. Помню, была такая мода: носили рубашки на 40 пуговиц, пуговицы были маленькие, кругленькие, блестящие. И я тоже носил такую рубашу.

Зимой начинались праздники. Интересно, что в нашей семье дома никогда не праздновали Новый год, не ставили елку, не было елки и в школе. Рождество родители тоже не отмечали. Вообще, не помню, чтобы они ходили в церковь. Но мы, дети, обязательно на Рождество шли по родне «славить». Сеяли пшеницу, помнится. Нас за это угощали обычно пирожками.

О своей дальнейшей жизни я особенно не задумывался, планов дальше учиться тоже толком не было. Кривая вывезла так, что начал учебу в Топографическом училище. Время было уже военное, а мне стукнуло 17 лет. Я поехал на практику в Тогучин, и меня оттуда призывали на фронт, так учеба и прервалась. Восемь лет я не был дома. Вернулся только в 50-м. В 45-м воевал на Восточном фронте с японцами. Боевых действий было сравнительно немного, поэтому особенно запомнились плохие армейские условия. Кормили солдат очень скверно, люди умирали скорее от дистрофии, чем в бою... Но в те годы бы-

ло совсем другое отношение к армии, при всех ее недостатках молодежь не стремилась «откосить», как нынче.

Сейчас вспоминаю людей, которых знал раньше – большинство уже поумирали. Их сотни, именно сотни: нет уже целых семей, начиная от стариков, заканчивая внуками и их женами... Взять хотя бы нашу улицу Выборную. Вспомнить, кто, где жил – в живых уже никого: там пятерых не стало, там троих и так далее, и так далее. Вот хотя бы Хожаевы – старинная инюшенская семья, жили недалеко от нас. У них было двое сыновей, один, помню, сильно заикался, слова выговорить толком не мог, со вторым мы водились в детстве – оба погибли на войне. Коля Ковальчук, наш с братом друг, жил на Хитровской – тоже рано погиб. С войны многие не вернулись, другие умерли от старости, от болезней. И всех я помню, словно виделись вчера.

*НГПУ, кафедра отечественной истории,
коллекция биографических материалов.
Записано Е.И. Косяковой в Новосибирске в 2004 г.*

3. Из воспоминаний К.У. Мошковой

Моя мать Хромцова Софья Савельевна (1895–1960 гг.) и отец Мошков Устин Андреевич (1893–1924 гг.) обвенчались в соборе Александра Невского. В семье у нас было много детей, но почти все умерли в младенчестве. В живых осталась только я и моя сестра Тамара. Я появилась на свет в Новониколаевске 10 июня 1918 г. Родилась я у себя дома на улице Мостовой в праздник Троицы, в бане. В семье были гости, и мое рождение стало своеобразным подарком к празднику. Один гость из богатых стал моим крестным. Через три дня меня окрестили в соборе Александра Невского. Вообще, мы часто ходили в церковь. Мне там было очень интересно. Обычно собиралось много народу. Батюшка был статный, очень хорошо пел. Я всегда стояла у царских ворот, и никто из служителей меня не прогонял.

С малых лет помню наш дом. В ограде находилось два дома – наш и соседский. Помню коров, кур, чушек и гусей. Мама выгоняла их под гору пастись. Помню, потерялась моя младшая сестра Тамара. Мы с папой искали ее всюду, ходили даже на речку – нигде нет. Мама велела ее найти, сказала, что если не найдем, кормить нас не будет. Только к вечеру Тому привел домой какой-то старичок и сказал: «Стоит и

твердит: “Где мой папа, отдайте папу!”». Родители были очень благодарны этому старику.

Вскоре папа умер. Мы подрастали. Меня, помню, одолевали мальчишки: то за косичку дернут, то за платье, я жаловалась маме, а она ходила с ними разбираться. Пришла как-то к маме кума, а тут уже со своими жалобами я. Она, [мамина кума,] меня и научила, как с мальчишками драться: «Возьми за волосы и дери сильнее, а пока он орет, колоти его». Стала я так делать, и меня мальчишки начали бояться, и обижали с тех пор только мою сестренку. Мама даже стала ее ко мне отсылать, когда та приходила жаловаться на мальчишек: «Иди вон к Клаве!». Не любила я мальчишек: только подойдет ко мне кто-нибудь из них, у меня уже кулаки наготове. Я презирала трусов, готова была за волосы их драть да царапать.

Когда мне исполнилось семь лет, мама наняла мне учительницу. Я сама к ней ходила, а она вместо своей работы заставляла меня нянчиться с ее детьми. Я наотрез отказалась ходить к этой учительнице. Тогда меня отдали в школу № 12 на Серебренниковской улице. В школу я пошла с восьмью лет. Помню учительницу. Звали ее Марией, а вот отчество я забыла. Красивая была женщина, рыжеволосая, но злющая, очень строгая. Она посадила меня почему-то прямо перед собой и все время на меня смотрела. Под ее строгим присмотром училась я хорошо. Учительница была ко мне внимательна, ведь я росла без отца. Но из этой школы я скоро ушла из-за драки с мальчишкой, который испугался меня в церкви. На следующий день в школе я отлупила его за трусость, и меня перевели учиться на Фабричную, где я закончила семь классов. А вот Тамара не закончила и пяти классов.

В новой школе был такой случай. Я уже подросла, за мной стал ходить мальчик из параллельного класса, портфель мой носил. Мальчик был закаменским. И закаменские девчонки из ревности решили меня наказать. Разве же можно было потерпеть такое: их закаменский парень ходит с чужой девочкой! И вот – Ленинградский мост, там еще бор был. Мы ходили туда костры жечь, я была в хороших отношениях с мостовскими ребятами. Пришли к этому Ленинградскому мосту и закаменские, и мостовские, драться пришли. Мне этот мальчик говорил: «Не ходи, Клава, тебя закаменские девчонки решили наказать». Я все-таки пошла. Смотрю, костер развели, решают: кому первому прыгать через него. «Прыгай, Клава», – кричат мне. Я была гимнасткой и хорошо прыгала в высоту, учительница хорошо нас готовила,

одевала в белые носочки и сатиновые юбочки, мы выступали на стадионе. Мне эти умения пригодились, я перепрыгнула костер, а они хотели меня еще и с горы скинуть. Но тут нас развели мальчишки, не дали продолжать ругань.

Вернулась я домой, стала маме рассказывать, а она говорит: «Не так ты у меня растешь...». Тогда я сказала, что пойду работать. Мама не работала, мы жили на пенсию, которую получали после смерти папы, и пускали в дом квартирантов. В доме была только большая комната, да кухня. Жили мы все вместе с квартирантами в этой комнате. Мама пустила инвалида на костылях с девочкой. С нами тогда жил еще и дедушка, но по ночам его обычно не было дома, он работал сторожем. Дедушка все время помогал нам деньгами. «Козонька, на вот, хоть в кинушку сходи», – говорил дедушка и давал мне мелочь. Но нам постоянно не хватало денег. Было лето, каникулы, и меня приняли работать на типографию на Ленинградской улице.

Мы, три девочки, стали работать в ночную смену на типографском станке. Одна из девочек устала, расплакалась, не стала работать. А я уснула, не смогла работать, сильно хотелось спать. Но маме хотелось помогать, деньги зарабатывать. Потом стала работать кассиршей в парикмахерской. Сначала было трудно, мастер меня обманывал, потом все наладилось. Пока я была на работе, мама пустила нового квартиранта – молодого парня Комолова Ивана. Этот Ванька закончил в Барнауле курсы работника парткома, получил соответствующие документы, собирался людьми руководить.

А любви в то время я не знала. Ссорилась с мамой из-за того, что она этого парня к нам пустила, да еще и молодого. Неудобно было жить с ним в одной комнате. У меня стояла за печкой кровать и маленький столик. Больше ничего не было. А он поставил себе кровать в другом углу и завешался портьеркой. Я удивлялась: руководитель, а своей квартиры не имеет. Родителей у него не было, умерли. Мама пустила его к нам, пожалев сироту. Он начал за мной ухиваться. Я ходила в морской кружок, плавала, ныряла с вышки по выходным. Так он встанет в дверях и не пускает меня, говорит: «Не пойдешь, а если пойдешь, то со мной!». словно приручила я его, везде за мной ходил. Как-то вечером сели у забора в ограде и стал он про себя рассказывать, как жил, как путешествовал. А я никого еще не любила, не понимала его. Любить не любила, но жалела Ивана из-за его тяжелой жизни. Стал он

меня в кино приглашать, а я не иду. Тогда он стал брать билеты на всю семью. И мне приходилось идти в кино.

Так все лето и прошло. Везде за мной Иван ходил, никуда меня не отпускал одну. И мама стала напирать: «Посмотри, какой человек хороший, выходи за него». Я отпиралась, мол, не пойду. Мама настаивала неделю, я сдалась, почти согласилась. Стала ходить везде с ним. Вскоре я попыталась снова устроиться на работу, но годы были голодные, тяжелые, нигде меня не брали. А он придет с работы, хлеб принесет, выложит на стол. Булка белая, пышная, смотрим. Мама опять стала уговаривать меня выходить замуж за Ивана: «Хоть жить по-человечески будешь, да всегда сытая». И вот перед ноябрем все собралось, меня за стол усадили. Рядом дед сидит, а мама вся красная, называет Ивана по имени и отчеству. А он говорит: «Мы с тобой поженимся, пройдет 7 ноября, мы в ЗАГС пойдем. Дай мне слово, и свадьба будет 7 ноября». А я улыбаюсь: у меня понятия не было, на что иду. Сижу, смеюсь. Тогда мама как стукнет по столу: «Ты взрослая или ребенок?! С тобой можно по-взрослому говорить?!». И я дала согласие.

Стали мы готовиться к свадьбе. Иван заготовил много продуктов на хороший стол. Пятого ноября говорит мне жених: «Присядь ко мне на кровать». Я присела, он хотел меня приобнять, а я как фыркнула. Иван обиделся: «Что же ты меня опасаешься, ты же моя жена!». «Какая я тебе жена?!» – говорю. «Но через два дня будем мужем и женой», – отвечает. Поцеловать хотел, а я отпрыгнула. А он: «Что же ты делаешь? Я людей пригласил, посмотрят, какая невеста, что скажут?». Я слушать не стала, убежала к подружке Любке, стала жаловаться, что он ко мне пристает, ночевать у Любки осталась. Утром иду домой, а мама у окна сидит, а Иван на кровати, голову руками зажал. Горе у них: завтра свадьба, а невеста сбежала. Я сказала, где была, повинилась. Иван подошел, руки положил мне на плечи: «Ну, согласная ты?». Согласилась, повезли меня к свадьбе одевать, все уж готово было. А мне страшно, ничего толком не воспринимаю.

Седьмого ноября 1934 года была свадьба. Стали люди приезжать, столы накрывать. Иван где-то своего отца нашел (а мы думали, что его нет), пригласил на свадьбу, подвел к отцу, говорит: «Вот моя жена». Я смиренная стала, лепи из меня что хочешь. Банкет устроили во дворце Труда. На банкет мы поехали на трамвае. Иван завел меня в зал и оставил с гостями, а сам ушел кого-то встречать. Все поздравляют, дамы были очень внимательны. Иван речь сказал, подсел ко мне: «Давай по-

целуемся!». А я ему кулак показала, он расхохотался. Что делалось на этом банкете! Одна дама тарелки раздвинула, орет: «Музыку давай, “барыню”!». Сама на стол взгромоздилась, ножищи толстые, давай плясать «барыню»! Гуляли мы до пяти утра.

Идем домой, а мама блины печет, полон дом гостей, спят, кто где. Спать ложиться, раздеваться надо, а я противлюсь. Тут мама как рыкнула, пришлось раздеваться. [Через некоторое время] мама говорит Ивану: «Подойди к своему отцу». Иван подошел, у него волосы дыбом встали... Вынесли [умершего] отца потихоньку на двор, стали гостей будить – несчастье такое. А дедушка говорит: «Скоро, Козонька, и моя такая же участь будет». Иван сильно распереживался, меня не тронул, так что «ночи» у меня не было.

Вскоре и дедушка умер. 12 ноября прилег на работе на лавочку у окна, задремал. Рабочие пришли, стучатся – сторож не открывает. Смотрят в окно – он в крови, увезли в больницу. Дед у нас был душевный и щедрый. Все звал меня, маме говорил: «Соня, пусть Козонька ко мне придет»...

В конце года у Ивана встал вопрос о назначении на работу в Восточную Сибирь. Он решил посоветоваться со мной. Собрал всю семью, сказал о своем назначении, а я заявила, что никуда не поеду. Мама начала ругаться: «Ты же слово дала. Теперь как иголка с ниткой вы быть должны!». Иван обещал решить вопрос, и его, правда, оставили в Новосибирске, поставили председателем завкома на хлебозаводе № 3. Потом нам дали квартиру в большом доме на втором этаже. У Ивана была только кровать и кое-какая постелешка. Я переживала: как ехать на новую квартиру? Даже стола нет. А Иван завел меня в квартиру, а там окна тюлем завешаны, кровать вся тюлем закрыта, стол с белой скатертью и букет цветов на столе! Ковров не было тогда еще, зато были маленькие коврики.

Он не пускал меня работать с 1935 по 1937 год. Я сидела дома. Когда была беременная, Иван со мной измучился, бегал всю зиму по совхозам – искал зеленый лук: я ничего есть не могла. В 1935 году родила я сына Виктора. Целыми днями я сидела дома одна. Не могла справиться с ребенком, он без конца кричал. Тогда я переехала к маме, но через пять дней неожиданно у ребенка пошла кровь изо рта и он умер. Врачи раньше не делали вскрытия, поэтому мы не знали, отчего он скончался. Потом узнали, что в роддоме работала медсестра, которая делала какие-то уколы младенцам, и те вскоре умирали. Эта медсестра

на следствии в ОГПУ сама во всем созналась, сказала, что ее «замучили младенцы». Женщину осудили.

После смерти сына Иван не шел ко мне. Мы поссорились, развелись. В ссоре я сказала, что мне нравится другой. Тогда Иван со зла привел в квартиру стахановку Дуню Окуневу и жил с ней два месяца. Вскоре мы с Иваном встретились – мама уговаривала помириться. В итоге мы опять сошлись и переехали на новую квартиру. Новая комната была большой, светлой, с тремя окнами. Пили чай, Иван приготовил мне мои любимые ушки с молоком и маслом. Выясняли отношения – кто прав, кто виноват...

Я осталась. В 1936 году родился у нас сын Толя. А в 1937-м я вышла на работу. Иван сводил меня на хлебозавод – показать работу новых механизмов. Я посмотрела, меня пригласили работать в отдел кадров. Но я выучилась на мастера по приготовлению макаронных изделий и стала работать по этой специальности. Я работала на заводе до 1939 года. Завод стал выпускать больше продукции и работать в три смены, пришло много молодых рабочих. Меня определили работать в третью смену, но ребенка некуда было девать, и я ушла с работы. В 1939 году по направлению райкома [Коммунистической партии] меня отправили работать в 5-й народный суд секретарем.

В начале 1941 года Иван работал уже в милиции оперуполномоченным. Был такой трогательный случай: осудили одного паренька за воровство, а он отдал Ивану свои часы, попросил сохранить. Сказал, что после выхода из тюрьмы исправится. Эти часы висели у нас дома вплоть до его освобождения, почти до войны...

*НГПУ, кафедра отечественной истории,
коллекция биографических материалов.
Записано Ю. А. Синниковой в Новосибирске в 2002 г.*

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ГАНО – Государственный архив Новосибирской области

ГАОО – Государственный архив Омской области

ГАРФ – Государственный архив Российской Федерации

НГГА – Новосибирский государственный городской архив

НГКМ – Новосибирский государственный краеведческий музей

НГПУ – Новосибирский государственный педагогический университет

РГИА – Российский государственный исторический архив

РГАЭ – Российский государственный архив экономики

Оглавление

Предисловие	5
Введение	9
Глава 1. РАЗВИТИЕ ГОРОДСКОЙ ПОВСЕДНЕВНОСТИ НОВНИКОЛАЕВСКА–НОВОСИБИРСКА: ОТ ХОЗЯЙСТВЕННОЙ РАЗРУХИ ДО ЗАВЕРШЕНИЯ НЭПА	53
1.1. Питание горожан.....	54
1.2. Проблемы жилья и отдыха в Новониколаевске	85
1.3. Санитарная безопасность, здоровье и уход горожан за телом.....	99
1.4. Одежда горожан	129
1.5. Интимные потребности обывателей и «соблазны» большого города	142
Глава 2. ДИНАМИКА ГОРОДСКОЙ СРЕДЫ И ПОВСЕДНЕВНОСТИ НОВОСИБИРСКА В 1929 – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ 1941 г.	157
2.1. Проблемы питания горожан.....	158
2.2. Жилищный вопрос в Новосибирске	184
2.3. Проблемы здоровья и гигиены горожан	193
2.4. Городская мода и проблемы с одеждой	211
Заключение.....	231
Приложения.....	241
Список сокращений	254

НАУЧНОЕ ИЗДАНИЕ

Екатерина Ивановна Красильникова

**ЖИЗНЬ
В ГОРОДЕ-АКСЕЛЕРАТЕ:**

**ОБЕСПЕЧЕНИЕ ПОТРЕБНОСТЕЙ НОВОСИБИРЦЕВ В МЕЖВОЕННОЕ ВРЕМЯ
(конец 1919 – первая половина 1941 г.)**

Монография

Редактор *И.И. Кванская*
Выпускающий редактор *И.П. Брованова*
Технический редактор *Н.В. Гаврилова*
Художественный редактор *А.В. Ладыжская*
Корректор *И.Е. Семенова*
Компьютерная верстка *С.И. Ткачева*

Подписано в печать 28.05.08
Формат 60 × 90 1/16. Бумага офсетная
Уч.-изд. л. 16,0. Печ. л. 16,0.
Тираж 3000 экз. (2-й з-д – 101–200 экз.) Изд. № 81. Заказ № 821.

Издательство Новосибирского государственного
технического университета
630092, г. Новосибирск, пр. К. Маркса, 20
Тел. (383) 346-31-87
E-mail: office@publish.nstu.ru

Отпечатано в типографии
Новосибирского государственного технического университета
630092, г. Новосибирск, пр. К. Маркса, 20